

ДОНА КОНРАД

НОРДЕНИЙКА

Проклятая

мечта

Дейна Морлан — юная ведьма, владеющая четырьмя стихиями. Она слаба телом и сильна духом. С раннего детства Дейне приходится отстаивать право на талант, непокорность и свободу. Но Магический Совет убежден, что от подобных ей магов пострадает стихийное равновесие.

И Дейна сделает все, чтобы победить в этой неравной войне.

Пролог

Двадцать пятый день месяца Сикстиса запомнился жителям княжеского особняка негромким и совсем неохотным детским криком. Плакала маленькая, новорожденная девочка, сделав свой первый вдох в новом и неизвестном для себя мире. А за плотно закрытыми белыми занавесями окошками светило яркое золотое солнце, даря норденийскому городку Иренто летнюю жару.

Княжеская дочка появилась на свет. Крошечное болезненное дитя, она не должна была родиться вовсе, как предсказывали княжеские лекари, но что-то помогло малышке выжить и пройти родовыми путями. Ее мать, прекрасная Лилиан, смотрела на ребенка и устало улыбалась, еще ни о чем не догадываясь. Сама она происходила из рода простолюдинов, владеющих Водной магией, а ее муж, влюбившийся в городскую красавицу, сын князя Морлана, тоже обладал Водными чарами.

Лилиан невзлюбила строгая и властная свекровь, а ее мать, София Гартон, относилась к княжескому сыну с неким предубеждением.

— Не ходила бы, ты, дочка, за него замуж, — горестно вздыхала стареющая София пару лет назад, подметая пол. — Не пара он тебе, да и красивый слишком...

Андре Морлан действительно обладал поистине аристократической красотой, притягивающей множество заинтересованных женских взглядов. Отслужив в королевской армии, он вернулся и стал заниматься делами своего поместья, а также женился в первый раз. Красивая и гордая Натали родила ему сына, а потом не выдержала тяжелого характера мужа, и написала королю прошения о разводе.

Случился грандиозный скандал. Родители Натали, из числа мелкопоместной знати, поддержали свою дочь, но настояли на том, чтобы сын остался у отца и кормилиц. Сам Андре тоже был всей душой за эту идею, поэтому молодая женщина покинула дом бывшего мужа одна. Что стало с ее судьбой, и куда она потом отправилась, никто толком не знал.

Все это случилось девять лет назад, и Пол Морлан вырос, совсем не зная матери. Отец убрал ее портреты из дома, нанял сыну нянь и учителей, и почти не заботился о его воспитании, отчего пожилые князь Джон и княгиня Нейта, родители Андре, были совсем не в восторге. И в очередной раз, после громкого спора, Андре в гневе решил взять в жены новую женщину.

Теперь Лилиан, счастливая и измученная родами Лилиан, смотрела на крошечного ребенка с улыбкой, неумолимо теряя сознание.

— Помогите! — вздрогнула повитуха, совсем еще молодая и неопытная девушка. — Нужен лекарь!

Лекарей пришло двое — один к матери, второй к девочке. Обеим требовалась помощь.

Дочь княжеского рода, с Водной стихией, крошечная Марлон, родилась полуслепой, с повреждением ног и шеи, и к тому же очень маловесной. Молодой в белом одеянии,

осмотревший ее, вздохнул и покачал головой.

— Странно, что она вообще живая. Пуповина была завязана большими узлами, не пойму, как ребенок вообще дышал в утробе? Водные дети обычно захлебываются.

Второй врач, старше и угрюмее, лишь кинул на девочку быстрый взгляд и возразил:

— Она — не просто Водный ребенок. Вы что, не видите? Ей принадлежат все четыре стихии.

— Ересь.

— Любезный, ересь только для короля и церквей, но мы с вами не там. Я видел таких детей — они отмечены смертью. Что вы знаете об этом?

Молодой врач почесал в затылке.

— Стихия говорит о предназначении человека, если верить университетским наукам. Огонь — кулинария или земледелие, вода — рыболовство или медицина... Земля — бунтарство или охота. Воздух — животноводство или... писательство... — последнее слово он проговорил почти шепотом. — Но помилуйте, сударь, к чему все это? Перед нами маленькая княгиня.

— Я вижу людей насквозь, — отрезал второй врач. — Не быть этой девочке княгиней, как и обычной Водной колдуньей. Она владеет всеми стихиями.

— Сударь, вы слишком много знаете для простого врача.

— А вы слишком много замечаете. Делайте свою работу и не мешайте мне.

Спустя некоторое время Лилиан пришла в сознание и уснула, как и ее дочь.

Андре, получив известие о рождении девочки, остался удовлетворенным. Наследник у него уже имелся, а рождение второго мальчика было бы чревато в будущем войной за княжеские земли. И, велев отнести супруге цветы и сладости, Андре пришел к себе в кабинет, чтобы заняться делами. Он уселся за массивный стол и начал читать многочисленные письма, отвечать на них, ознакомляться с бумагами от управляющего родовым поместьем.

Время медленно подкрадывалось к вечеру, когда раздался негромкий, несмелый, почти робкий стук в темную, украшенную деревянными волнами, дверь. Андре разрешил войти, и в его кабинет заглянул один из врачей. Именно он, Генри Райт, помог Лилиан не уйти за Грань в этот день.

— Прошу прощения, господин, что отвлекаю вас...

— Все в порядке, — встав с места, Андре быстро пересек комнату широкими шагами и распахнул дверь перед неожиданным визитером. — Прошу вас не беспокоиться. Проходите.

Он вернулся за стол, но не предложил доктору присесть напротив, и это сильно бросилось в глаза Генри — однако, он был человеком вежливым и не произнес ни единого замечания. Даже самого завуалированного.

— Господин, вам ведь известно, что ваша дочь владеет четырьмя стихиями?

— Вполне, — неохотно отозвался Андре и задумчиво склонил кудрявую голову. — Моя мать — иноземка, рождена от Огня. Мой отец — маг Земли. Думаю, все понятно.

— Но Воздух?

— А эта стихия досталась дочери от матери моей жены, — с неприязнью и усилием проговорил мужчина. — Но что с того? Мы вытравим из девочки упрямство и тягу к писательству, вам даже незачем будет сообщать королю об этом.

— Вы знаете, что я обязан, — возразил сухо Ройт. — Каждый врач, участвовавший в родовом процессе, не имеет права лгать королю. Все писатели и даже сказочники под

строгим учетом. А четыре стихии и вовсе...

Андре хмыкнул и нехорошо прищурился, глядя на дотошного врача.

— Позвольте узнать, милейший, какое вам дело до того, что в нашей бедной Нордении преследуют писателей?

— Ваша дочь владеет чарами Воздуха, — скромно пояснил Генри. — С этим даром становятся сочинителями,

И лишь промолвив эти слова, он внезапно понял, как сильно ошибался, говоря настолько неслыханные дерзости самому княжичу Морлану, этому величавому надменному красавцу. Застыв, словно каменная статуя, Генри молча наблюдал за каждым движением разгневанного Андре Морлана — тот резко встал со стула, пересек широкими шагами комнату и подступил к врачу слишком близко. От княжича исходил тонкий винный запах — он не был сильно пьян, но успел прийти от малой доли вина в возбуждение, граничащее со злостью.

Генри чувствовал такое состояние, ведь в юности ему приходилось иметь дело с пьяными людьми, у которых он служил лекарем. И сейчас настроение княжича, застывшее, словно острый тонкий меч над головой обреченного, совсем не нравилось врачу.

Он оказался прав.

Андре Морлан подошел совсем близко и панибратски положил сильную ладонь на узкое плечо Генри.

— Послушайте, приятель, — сказал он хрипло и рассеянно, — в ваших интересах держать язык за зубами. В отличии от вас я человек влиятельный. Могу озолотить, а могу и уничтожить. Ясно ли вам?

Будучи человеком твердым и принципиальным, Генри Райт промолчал, и тогда возмущенный княжич тряхнул его за плечо.

— Отвечайте! — приказал он хриплым и злым голосом. — Да или нет?!

Воспылав ярым негодованием из-за такого унижительного обращения, Генри все же стиснул зубы и сдержал гнев в себе. Вместо бурного проявления чувств, он легко повел плечом, сбрасывая ладонь княжича с темной атласной мантии.

— Я — человек принципов, господин. Уверяю вас, что я тотчас же напишу письмо королю, и...

Договорить он не успел — в горло вцепились две крепкие ладони. Генри захрипел, замотал головой, сиюсь высвободиться, но взбешенный княжич сжимал и сжимал хватку, вымещая на враче свою ярость. Тот пытался выговорить, что, как бы то ни было, он спас его жену, но усилия были тщетными. Когда гнев Андре чуть-чуть уменьшился, он с перекошенным от злобы лицом толкнул полузадушенную жертву в сторону и резко отвернулся.

Хватая ртом воздух и бессильно маша руками, несчастный лекарь не сумел удержать равновесия, и опрокинулся на пол. Раздался нехороший стук, затем все стихло.

— Вы не напишете королю! — прорычал Андре. — Потому что...

Его накрыло дурным предчувствием. Андре помедлил и повернулся в сторону упавшего Генри. Тот лежал на спине, широко раскинув руки в стороны, а голова врача была раскроена на части: ударившись об твердый порог и о каменный пол, бедолага умер на месте. Под темными волосами стремительно расползлась алая лужа.

Княжич Морлан только что стал убийцей.

— Ничего... — выдохнул молодой мужчина, помолчав несколько минут. — Ничего...

Окутавшее ледяное спокойствие, присущее магам Воды, не позволило ему впасть в панику и отчаяние. Дело осталось за малым — позвать двух слуг, владеющих огненным колдовством, и велеть им сжечь тело где-то на городской окраине. А потом надавить на молодого врача с молодой повитухой. Если эти двое захотят жить, то станут молчать и напишут королю то, что нужно.

Андре отдал необходимые распоряжения, и, когда унесли тело, плеснул на кровавую лужу магической воды. Единственный след преступления тут же исчез. Дрожащей рукой мужчина дернул витой шнур, позвал третьего слугу — сонного и неприлично зевающего мальчишку, и велел ему принести вина. Нужно было выпить, чтобы обрести спокойствие и не дать родственникам хоть в чем-то себя заподозрить.

И, тем более, королевским стражникам, если те вдруг нагрянут с допросами.

Повернувшись спиной к двери, Андре сел за стол и пил один кубок за другим. Тяжелое опьянение наваливалось на него все сильнее, и он сам не заметил, как уснул, уронив голову на грудь.

В темном углу появилось голубое свечение. Светлый прозрачный силуэт выплыл из него, немного задержался у того места, где недавно пролилась кровь, а потом медленно приблизился к своему убийцы. Дрожащие алые огоньки свеч мерцали в полумраке, отбрасывая причудливые тени на стены, но одно прикосновение призрачной ладони к ним, и комната погрузилась в душную крошечную тьму.

— Я прощаю вас, — прошелестел призрак Генри Райта. — Я позабочусь о вашей девочке.

Глава 1. Тяжелый праздник

Северная страна Нордения была крупной частью огромной планеты Вирит, черным неподвижным валуном посреди золотой пустыни. В Арданской галактике такие страны не имели ценности, несмотря на свои размеры, особенно на тех планетах, где царили бедность, войны и разруха. А Вирит был именно таким. Искусная стихийная магия и звонкие мечи — вот, на чем держалась власть виританских королей и прочей знати. Но даже это преимущество нередко доводило их до безумия и ввергало в междоусобные войны.

Князь Джон Морлан, княжич Андре и его сын Пол были жалкими песчинками в этой огромной пустыне.

В древнейшие времена Ульрик Бреон Первый, основавший Норденийские земли и избавивший их огненной магией от вечной мерзлоты, очень хорошо позаботился о том, чтобы его потомки сохранили влияние на многие сотни лет. Он прописал в законах о запрете искусства. Менестрели и романисты, поэты и даже придворные певцы брались под особый контроль. Имя каждого должно было быть занесено в Книгу Страха, а если кто-то из них являлся одаренным, то с особыми пометками.

— Песня или сказка, стихотворение или поэма — все это вселяет мятежную ересь в души людей. Будет лучше, если нужные люди станут наблюдать за сочинителями.

Возможно, Ульрик Первый втайне боялся мятежей и бунтов, ведь его политика была далека от совершенства и граничила с жестокостью. Но эту тревогу он сумел внушить своему сыну, а тот — своему. Так и повелось с древних пор, что каждого одаренного сочинительским талантом отмечали в Книге Страха. Некоторые скрывали свой дар и весьма успешно, а кто-то был пойман и отправлен в наказание сочинителем в любую дворянскую семью. Под строгим присмотром те писали книги для взрослых и сказки для детей.

Через несколько десятков лет после введения окончательного закона сочинители-

бедняки поняли, что жить за дворянский счет и заниматься любимым делом им выгодно, и стали сами сдаваться властям, в надежде на сытую жизнь. Тогда в закон внесли правки. Любой желающий писатель, поэт или сказочник мог предложить свои услуги богатой семье, но если он оказывался бездарностью, то отправлялся на рудники.

Имен в Книге Страха стало появляться все больше. Имена бездарей и самозванцев выжигали со страниц волшебным огнем, имена умерших сочинителей смывали волшебной водой, чтобы оставить места для новых записей. После магических исправлений бумага становилась белой и ровной, словно ее и не касались чернильным пером.

Андре смотрел на свою подрастающую дочку и понимал, что на нем повисли два тяжких греха.

Он убил человека и избавился от тела сразу после рождения дочери, а потом не написал королю просьбу зарегистрировать ее в Книге Страха. Велик был риск, что Его Величество Бреон заинтересуется исчезновением врача, а может это всего лишь опасения встревоженного убийцы.

Девочку называли Дейна. Красивое и звонкое имя, острое, как серебристое лезвие меча. Внешне она походила на отца — те же аристократично тонкие черты лица, слабый румянец на щечках, те же жесты и походка. И только пронзительный взгляд серых глаз достался ей от матери.

Глаз, которые очень плохо видели.

Лилиан родила больного ребенка, но пока Андре старался скрыть нарастающее раздражение. Он любил дочь, но терпеть не мог связанные с ней проблемы. Как потом ее замуж выдавать? Дейна плохо видела левым глазом и почти не видела правым, а пошла ножками и вовсе в три года года. Слабая, часто плачущая, цепляющаяся за материнскую юбку девчонка пробуждала в отце смешанные чувства.

Княгиня Нейта Морлан, видя состояние сына, подливала масла в огонь.

— Жаль, что на тебя похожа девочка, — сказала однажды, во время прогулки по саду, пожилая женщина, когда рядом не было ни мужа, ни невестки. — Одно лицо. Можно было бы обвинить Лилит в измене.

— Следите за языком! — нервно огрызнулся княжич.

Нейта развела руками, отряхнула с темно-алого бархатного платья тополиный пух, поправила выбившиеся из тугого черного пучка прядки волос.

— А что я такого сказала? Ох... Хорошо, что Пол вырос здоровым и умным. Весь в вас, сын мой, — добавила она, чуть улыбувшись.

Андре лишь вздохнул и продолжал молча идти вперед, разглядывая идеально выстриженные покорными слугами зеленые кусты. Да, Водные Боги подарили ему замечательного наследника — зато потом взяли плату за это сполна.

— А Дейна растет своенравной и упрямой девчонкой, — произнесла Нейта низким голосом, и выразительно посмотрела на сына. — Знаете, что она заявила недавно князю?

— И что же? — спросил Андре устало, угрюмо и сумрачно.

— Князь повысил на девчонку голос, а она как запищит: «Не кричите на меня! Не смейте на меня кричать!» — с возмущением и надрывом произнесла княгиня, затем остановилась, вплеснула смуглыми руками и повернулась к сыну. — Это ли достойное поведение для княгини?

В ответ Андре усмехнулся.

— Помнится, Пол вел себя еще хуже в этом возрасте. Няни его мне много чего

рассказывали...

— Но Дейну воспитывает не няня, — вкрадчиво проговорила пожилая княгиня, — а родная мать...

Смерив ее тяжелым взглядом, Андре лишь махнул рукой и изрек всего одно слово:

— Довольно.

Этого оказалось достаточно, чтобы свекровь, невзлюбившая невестку, молчала до конца прогулки. Светило яркое летнее солнце, редкое для Нордени, даря людям тепло, а безоблачным небесам чисто-голубой цвет, и на душе у Андре стало гораздо спокойнее со временем. Он любил своих родителей не меньше, чем жену, но не спешил делать выводы, основанные на их неприязненном отношении к Лилит.

Несмотря на свои недуги, маленькая Дейна оказалась довольно умным ребенком, и уже использовала стихийную магию. Получались слабые искорки, не имеющие ничего общего с настоящим колдовством. Кроме того, Дейна играла со своими куклами, словно разыгрывая историю. Когда родители смотрели на нее, то умилялись, но души Лилиан и Андре сковали мрак и беспокойство.

Будучи волшебницей Воды, мягкая и добрая Лилиан не сомневалась, что сумеет научить дочь владеть этой стихией, как следует, в нужный час. Отец не стремился прикладывать руку к обучению — как и с Полом. Мальчишка рос, как лопух под забором, получая основные знания и не желая вникать в простейшие науки. Ездить по городу с приятелями из представителей бедного дворянства казалось ему куда веселее и увлекательнее, нежели учить математику или слагать стихи. О риторике и речи не шло.

— Хорошо, что мы — не графская семья, — огорченно вздыхал старый князь, когда ему не удавалось в очередной раз наставить внука на путь истинный. — Или не герцогская, упаси Боги.

— Ничего, — утешала его супруга. — Мальчик весь в отца. Он захочет стать лучшим из лучших.

Но время шло, ничего не менялось, а Лилиан не видела особых перемен в подрастающем Поле. Да и вообще они редко встречались, разве только в столовой, ведь Андре не терпел никаких упоминаний о том, что когда-то был женат.

Двадцать пятого дня месяца Сикстиса миловидная худенькая женщина маленького роста, по имени Лилиан Морлан, вышла из своих покоев и направилась в сторону детской. Сегодня Дейне исполнилось пять лет, и сердце молодой матери радостно трепетало от восторга. Несмотря на злые взгляды и ехидные слова свекрови, она души не чаяла в своей маленькой дочке, которая, подумать только, владела всеми четырьмя стихиями.

Счастье Дейны стоило даже недовольства ее отца, отдававшего немаленькие деньги лекарям за ее лечения. Полгода назад, втайне от мужа, Лилиан начала переписку с врачом герцогов Кианто, и упростила его улучшить зрение девочки. Тот сделал все, что было в его силах, но даже магическая медицина не справлялась со столь серьезными повреждениями.

Дверь детской распахнулась — должно быть, Дейна услышала знакомый цокающий стук маленьких каблучков по мраморному полу. Еще мгновение, и навстречу выбежала веселая дочка, одетая в голубое платье. Забыв про приличия и этикет, Лилиан присела на корточки, раскрыла объятия.

— Мама!

— Иди ко мне, родная! С днем рождения тебя!

Они крепко обнялись, и мать нежно поцеловала дочь в кудрявую — совсем, как у отца — макушку. Пока еще волосы Дейны имели светло-рыжий цвет, но свекровь обещала, что через несколько лет потемнеют и станут совсем, как у ее сына.

Словно она мечтала, чтобы в малышке не осталось ничего материнского...

За спиной кто-то кашлянул, и Лилиан поспешила обернуться. Хмурый стоявшего позади Андре не обещал ничего приятного.

— Я думал, что вы научены хорошим манерам, сударыня, — процедил он, глядя на жену сверху вниз, и чем-то явно недовольный. — Ни одна уважающая себя дворянка не станет сидеть таким образом. На вас вот-вот лопнет платье.

Бледное лицо Лилиан тотчас же стало пунцовым, и она поспешила встать, поправляя юбки.

— Простите, княжич.

— Постарайтесь больше не допускать подобного. Идемте.

В серых глазах Дейны отразились недоумение и беспокойство, но она взялась маленькой ладошкой за материнскую руку, и засеменила за родителями. Передвижение все-таки давалось ей плоховато, придется обращаться к докторам или знахарям... Лилиан подавила тяжелый вздох и украдкой посмотрела на гордо шагающего рядом мужа. С каждым годом он все меньше походил на веселого и доброго человека, за которого она когда-то вышла замуж.

Возможно, он злился, что она больше не смогла зачать с ним ребенка. Или... дело в свекрови?

В любом случае, все это не имеет сегодня значения, ведь у Дейны праздник. Его собрались отмечать в кругу семьи, в Большой зале, и по такому случаю нарядно украсили лентами, фонтанами с магической водой, золотыми наколдованными искрами под потолком. И только одно омрачало грядущее празднество — необходимость общаться со свекром и свекровью, этими двумя невзлюбившими ее людьми.

Однако, вопреки худшим опасениям Лилиан Морлан, праздник прошел неплохо. Князь и княгиня были на удивление добры и ласковы, поздравляя внучку, и называли ее маленькой жемчужиной семьи Морлан. Любимый и, наверное, любящий отец не переставал хмуриться.

А что чувствовала маленькая Дейна, когда бабушка с нарочитым усилием надела на ее голову узкую диадему, не интересовало никого.

Глава 2. Опасная игра

В княжеском особняке разразился страшный скандал.

Происходили они и раньше. Княжич Морлан кричал на свою бедную жену Лилиан до хрипоты, до иступления, до покрасневшего лица и налитых кровью глаз. В былые времена Дейну отправляли в детскую, подальше от родительских споров и разногласий, но в тот жуткий день захворала няня девочки. И, прижимая дрожащими руками к груди любимого тряпичного кота, Дейна с ужасом смотрела на отца, нависшего над матерью.

В послеобеденный час ей полагалось отдыхать, но сегодня родители разрешили дочери провести время с ними, в гостиной. Дейна совсем не ожидала, что мирный разговор выльется в крики и ругань, в злость и отчаяние. Замерев, она смотрела, как отец заносит кулак.

Наверное, надо было позвать князя или княгиню, но хорошим детям нельзя беспокоить взрослых, если не горит особняк. Так ей было строго внушено, и Дейна не совсем понимала, почему, ведь Пол, ее кровный брат, кричал и даже скандалил, привлекая внимание других,

когда ему только хотелось.

Все, на что была способна пятилетняя крошка, это уронить игрушку и броситься вперед, чтобы закрыть маленьким телом мать от отца. Что-то подталкивало ее в спину, давало сил, словно теплый ветер нес девочку вперед. Откуда-то зная, что делать, Дейна вытянула вперед обе руки за миг до того, как крепкий кулак Андре нашел свою цель. Между отцом и дочерью встала воздушная волна, и время в сумрачной гостиной словно остановилось. От сильных порывов воздуха испуганно заметались огни на свечах, и, кажется, распахнулось окно.

Где-то звякнула медь — это рухнул незажженный подсвечник, толстые белые свечи покатались по каменному полу.

— Не смей обижать маму! — звонко крикнула Дейна, прямо глядя в перекошенное гневом отцовское лицо.

Лилиан, замершая от испуга и успевшая вжать в плечи голову, медленно выпрямилась и с ужасом ожидала нового всплеска гнева Андре, который обрушится на их дочь. Она готова была схватить Дейну в охапку и мчаться с ней куда-нибудь далеко, но тут на красивом лице княжича расцвела добрая, почти искренняя улыбка.

— Ну что ты, дочь, — выдавил из себя мужчина, глядя только на Дейну, словно жены здесь и не было вовсе. — Тебе почудилось. Мы с мамой просто разговаривали.

Едва девочка ослабила магию и воздух снова стал теплым, он резко отскочил от дочери, закрыл окно и повернулся к обеим спиной.

— Лилиан, заberi свое отродье, и пусть сидит в детской. Я пришлю няню.

— Я могу пригласить в особняк мою маму, она займется воспитанием внучки...

— Нет! — отрезал Андре, не обращая внимания на испуганного ребенка, цепляющегося за материнскую ладонь. — Предлагаешь платить деньги твоей матери? Хитро выдуманно, долго обговаривали?! Три женщины, и каждая пытается причинить мне вред. Прочь отсюда пошли, я сказал!

Судорожно вздохнув, Лилиан увела растерянную Дейну.

С тех пор в поместье стало все тревожнее и холоднее. Больше дед и бабушка не пытались притворяться перед внучкой добрыми и любящими родственниками, да и к ее матери обращались только по самым нужным поводам. Пол Морлан раньше не замечал сестру, но теперь его равнодушие сменилось насмешками и издевками. Когда в гости приезжали соседские князья со своими детьми, тринадцатилетний сын княжича был рад подшутить над Дейной, иногда очень зло.

В тот жаркий летний день, изменивший судьбу и лицо Дейны раз и навсегда, взрослые сидели в гостиной и говорили о непростой политике короля, о войнах и налогах. Дети остались в большом прохладном обеденном зале, откуда слуги успели унести посуду после обеда. Дейна склонилась над листом бумаги и старательно рисовала человеческую фигуру чернильным карандашом.

Получалось плохо — зрение подводило. Не бывать ей великой художницей, она просто убивала время, и старалась делать вид, что разговоры юношей и девушек Дейне неинтересны. Так меньше шансов, что они снова будут ее дразнить. Ее дразнили все, вплоть до кухонных поварят — за полуслепые глаза, за роскошные кудрявые волосы, просто за само существование. И сейчас девочка рассеянно водила по бумаге карандашом, пытаясь придать наброску хотя бы самые простые очертания.

— Слышали, друзья? — Пол сидел ближе к ней, и до ушей Дейны отлично доносилось каждое его слово. — У нас в саду есть чудесный дуб. Волшебный. Если залезть наверх,

можно найти золотые анты.

— Как интересно! — прелестная княгиня Элани, миловидная блондинка четырнадцати лет, всплеснула белыми тонкими руками. — А кто их туда положил?

— Никто, — снисходительно объяснил Пол. — Это добрые духи радуют людей. Стихийные Боги послали их к нам, чтобы сделать сюрприз.

И он покосился в сторону Дейны, сидевшей к нему вполоборота.

— Милая сестрица...

Теперь уже совсем нельзя было скрывать свое присутствие. Чувствуя себя, словно в ловушке, Дейна медленно повернулась к Полу. Он, как и она, был очень похожим на отца — чертами лица, кудрями, повадками, но голос был вкрадчивым, а глаза хитрыми. Отец так себя не вел, он говорил прямо и ничего не утаивал.

— Да, братец?

В конце концов, они же родичи, пусть и кровные. Чего бояться?

— Хочешь озолотиться? На дубу в нашем саду есть золотые монеты. Тебе просто нужно забраться на самую вершину и поискать среди листьев. Неплохо, а? Может, тебе, наконец, исцелят глаза на эти деньги. Сама знаешь, — братец развел руками с фальшивым сочувствием, и сладко улыбнулся, — возможности отца не безграничны.

Ноги сами понесли Дейну в сад.

Обилие зеленых лиственных деревьев и цветущих кустарников делало его прекрасным и неповторимым для ребенка, не выходявшего еще за ворота особняка. Золото солнечных лучей запуталось в изумрудных ветвях, это создавало чудесную игру цветов. Как замороженная, Дейна неспешно шагала по прямой широкой тропе, в сторону нужного дуба. Но, чем ближе она подходила к старому гиганту, тем сильнее крепили ее сомнения.

Сможет ли она забраться на самый верх? Ей всего пять лет, а залезал ли кто-нибудь из взрослых? Или сам Пол? Дейна нерешительно оглянулась назад и убедилась, что она стоит одна в большом саду. Только птицы звонко щебетали где-то в ярко-голубом небе.

И внезапно она услышала голос:

— Залезь туда, Дейна.

Вместо испуга девочка испытала сильное удивление и тут же оглянулась, но никого не увидел. Да и такого странного, тихого, шелестящего мужского голоса она никогда еще не слышала. И только, когда в тени куста показалась прозрачная ступня незнакомого мужчины, Дейна взвизгнула.

— Не бойся, — шелест голоса звучал не так вкрадчиво, как у Пола, и совсем не зло, как у отца. — Я — призрак Генри, милая Дейна. Ты, кажется, хотела забраться на дуб?

— Здравствуйте, призрак Генри, — она несколько суетливо поклонилась, выражая старшему человеку свое признание. Бабушка как-то говорила деду, что в доме и в саду водятся призраки, а он только с досадой отмахивался. — Откуда вы знаете мое имя?

— Это долгая история. Я расскажу ее потом, когда ты возьмешь золотые анты, — заверил прозрачный собеседник. — Лезь поскорее.

Нерешительно приблизившись к высокому раскидистому дереву, Дейна ухватилась за нагретый солнцем шершавый ствол, поставила ногу в изящной туфельке на самую нижнюю дубовую ветвь, и принялась карабкаться наверх. Былое сомнение отступило, она лезла и лезла вперед, радостная и готовая на все ради достижения своей цели. Наверное, братец решил ее испытать, потому что считает слабой, трусливой и недостойной такой огромной силы — особенно, после произошедшего с отцом.

Упорство маленькой девочки оказалось большим, как скала, и таким же твердым. Лезть наверх оказалось неудобно, она порвала чулок и ободрала коленку, но продолжала свое занятие, вплоть до того момента, как дуб опасно покачнулся.

Дейна замерла и посмотрела вниз. Там, в тени дерева, ярко зеленела трава и светился голубоватым сиянием призрачный человек.

Правду или ложь он сказал?

Бабушка и дед учили, что старших людей всегда надо слушаться.

Пол был старше, и призрак тоже. Разве можно им перечить?

Вздыхнув, она полезла вверх, уже лишенная пьянящего энтузиазма.

И когда Дейна уже решила, что преодолела свои нелепые страхи, как дуб покачнулся снова и упал вниз, придавив девочку массивным стволом.

Все произошло настолько быстро, что она оказалась на земле, прижатая шершавой поверхностью, а в разбитом затылке стремительно нарастала боль. Широко раскрытыми глазами Дейна посмотрела наверх, где в той же тени стоял невозмутимый призрак Генри.

А потом лишилась сознания.

Позже садовник, пришедший подстригать кусты и поливать розы, поднял тревогу. В сад прибежали Лилиан и Нейта, девочку немедленно отнесли в ее покои и позвали лекаря — молодого неопытного мальчишку. По неизвестной причине княжич не доверял опытным докторам.

Дейну Морлан привели в сознание, исцелили магией и отпоили травяными зельями. Но юный лекарь не мог объяснить даже самому себе, почему прозрачный мужчина в светлой мантии и темным пятном на голове нашептывает ему необходимые методы лечения девочки.

Как и то, почему они абсолютно противоположны верным методам.

Поместье захлестнули новые витки тревоги и безнадежности.

Очнувшаяся Дейна не помнила, как она попала в сад, и зачем полезла на дерево, ведь маленьким барышням это строго запрещено. Лилиан горько плакала, а Пол разводил руками.

Андре пил вино вечерами и кричал на членов своей семьи по утрам. Он становился все сильнее, злее и раздражительнее, пока садовник не сообщил княжичу страшную подробность.

Дерево было подрублено или подпилено до того, как девочка полезла на него.

— Кто посмел?! — гневно спросил Андре, грохнув тяжелым кулаком по столу.

Травяной отвар от похмелья в его кубке слегка выплеснулся на темное дерево, но мужчина словно бы и не заметил.

— Я не знаю, господин... — забормотал испуганный садовник, пятясь к выходу.

— Стоять! — проревел княжич. — Зови лесорубов из предместья. Пусть вырубают сад.

— Весь, господин?..

— Оставьте плодоносящие деревья.

Дочь доставляла Андре все больше хлопот и трудностей, он не рассчитывал, что от девочек столько проблем. По его представлению все маленькие дворянки ведут себя тихо, послушно, не суют носы, куда не просят. И потому, однажды вечером он завел Дейну в свой кабинет и настрого, под угрозой наказаний, запретил ей покидать дом без родительского ведома.

Андре ожидал от дочки споров и возражений, но она только просияла лицом и ответила:

— Хорошо, отец.

«Видно крепко головой приложилась», — озадаченно подумал мужчина, глядя на закрывшиеся за ней двери, и налил себе еще дорогого вина из кувшина.

Ведь Дейна не сомневалась, что о ее новом увлечении — записывать на свитках пергамента разные истории — лучше никому не знать.

Глава 3. Слепая магия

Падение с дуба — а точнее с дубом — не прошло бесследно для Дейны Морлан. После того, как лекари зашили ее рассеченную бровь, девочке пришлось месяц носить на голове повязку, плотно закрывающую бровь и веко. Открыть правый глаз при этом не представлялось возможным. Приходилось слушать от кровного брата, будто она похожа на пиратку, смотреть на отвратительные рожи, которые он корчил, и искренне не понимать, в чем тут ее вина.

Дейна послушалась отцовского запрета и не выходила из дома без дозволения. Ей и не хотелось. Мир за стенами особняка был жесток и опасен для маленькой девочки, и она еще сильнее убедилась в этом. Вскоре отец поддался на разумные доводы матери — в особняк прибыла бабушка Дейны по материнской линии. Крепко сбитая, еще не старая женщина с вьющимися светло-русыми волосами, она не понравилась Дейне сразу.

Стать у бабушки Софии была такая, что даже княгиня Нейта едва ли захотела бы с ней тягаться. С некоторым опасением девочка ждала встречи и соперничества обеих своих бабушек, но княгиня не пожелала даже взглянуть на гостью.

В молодости София Гартон учила девочек в бедняцкой школе, а потом работала чтицей для детей в знатном доме, и знала довольно много стихов и сказок. Она рассказывала их внучке в нечастые периоды своего хорошего настроения, а в остальное время зло сверкала глазами и грозила побить негодяйку.

Дейна не могла ответить ничем — кроме того, что ни разу за все время их знакомства не назвала строгую женщину бабушкой. Ведь бьют только чужие люди — стало быть, и эта женщина чужая, не так ли? Даже если в мамином присутствии вела себя смирно и почти не обижала внучку.

Странное это был время — с пяти до шести лет! Некоторые моменты промелькнули мимо Дейны, а другие навеки запечатлелись в памяти. И когда бабушку Софию рассчитали, потому что для девочки собирались нанять учителей, она готова была вздохнуть свободно.

Если бы не подслушанный случайно разговор взрослых в кабинете отца.

— Я требую развода, Андре! — заявила Лилиан, гордо вскинув голову, и длинные русые волосы рассыпались по плечам. В последнее время она не хотела забирать их в высокие прически, и совсем мало спала. — Твой характер сведет меня в могилу.

— Совсем рехнулась?! — оскорбленный до глубины души мужчина выскочил из-за стола, за которым только что разбирали присланные письма. — Тебе некуда идти, дура деревенская!

— Ах, деревенская?!

— Сударыня, не забывайте! До замужества ваша мать жила в деревне, надеюсь, вы еще не забыли это...

— А ваша мать и вовсе была кочевницей из чужой страны! — Лилиан нервно дернула красивым плечиком. — Там-то вы и родились, сударь!

— Не равняйте нас с вами! Никогда мы не будем равными по крови!

— Зато наша общая с вами дочь...

— Опасна? — нехорошо прищурился мужчина, сжимая кулак. — Вы это хотите сказать?

— Как бы то ни было, — Лилиан сумела уклониться от необходимости давать ответ, — я требую развода! Вы истрепали все мои нервы — вы, и ваша мать-кочевница!

Размахнувшись, Андре ударил ее по лицу.

Дейна вскрикнула и отскочила от двери, закрыв разгоряченное лицо дрожащими руками. Ее била крупная дрожь, но, когда взбешенный отец кинулся в погоню, девочка сумела ловко свернуть за угол и забежать в библиотеку. Хорошо смазанные петли не скрипели и не выдали ее, а дверь, к удивлению Дейны, не хлопала.

Тяжело дыша, она прислонилась спиной к двери и медленно села на пол. Топот отца очень быстро стих, а маленькая стихийная ведьма осталась в полном одиночестве.

Дейна почувствовала себя дурной девочкой, которой недовольны обе бабушки и дед, из-за которой не ладятся отношения у родителей, которая всегда и всем мешает. Это острое и неприятное чувство коснулось режущими гранями ее души, и слезы подступили к глазам. Она шмыгнула носом и вспомнила слова бабушки Софии:

— Когда ты плачешь, то становишься очень некрасивой.

Значит, плакать нельзя. Но что же можно?

— Здравствуй, дитя, — поприветствовал Дейну знакомо шелестящий голос, когда она совсем упала духом.

И, медленно подняв растрепанную голову, Дейна тотчас же узнала таинственного призрака Генри вместе с его голосом. Дедушка Джон говорил, что призраки это неуспокоенные души умерших предков, но как раз этот долговязый призрак в светлом одеянии меньше всего походил на изображенных князей и княгинь, изображенных на фамильных портретах. Широко раскрытыми глазами Дейна рассматривала призрачное лицо и не находила ни единой знакомой черты.

— Здравствуй, призрак Генри...

— У тебя дрожит голос, и глаза блестят. Кто-нибудь обидел?

— Да, то есть, нет... Отец ударил матушку...

Призрак ничего не ответил, но девочке показалось, что он мрачно усмехнулся краешком прозрачных губ.

— Как тебе здесь живется, дитя? — спросил он, немного помолчав.

— Недурно! — выпалила в ответ Дейна, почти не раздумывая.

— Надеюсь, что ты не лжешь.

Она солгала, и призрак это понял, но оправдываться и объясняться Дейне совсем не хотелось. Потому что у маленькой княгини просто не может быть плохой жизни.

— Ты живешь здесь, призрак Генри?

— Отчасти. Я живу во всем особняке, привязан к нему высшими силами. Я умер здесь.

— Умер? — ахнув, переспросила девочка и прикрыла рот ладошкой от изумления. — Но как так? Бабушка Софи говорила, что умирают только старики.

Вместо ответа Генри улыбнулся так печально, как только мог.

— Ты скоро покинешь этот дом, дитя. Мне бы не хотелось здесь оставаться в компании других призраков. Они старые, ворчливые и скучные.

Дейна не поверила его словам. Как это — покинет особняк?

— Возьми меня с собой, — попросил призрак тем же шелестящим голосом. — Проведи ритуал четырех стихий. Выпусти силу наружу.

Из всех сил Дейна пока использовала только воздушную, и совсем не знала, получится ли у нее четверная магия. Но сейчас решила попробовать, испытать себя. Вытянув обе

тонкие руки, девочка закрыла глаза и сосредоточилась на колдовстве. После увиденного в отцовском кабинете было трудно не отвлечься, однако Дейна постаралась и, кажется, смогла.

На детских ладонях вспыхнули четыре яркие искры: красная — огненная, голубая — водная, зеленая — земельная, и серебристая — воздушная. Что делать дальше, Дейна не знала, но призрак тут же положил свои холодные руки на ее ладони, и разноцветная магия окрасила силуэт, сделав его чуть более ярким. Редкие волосы призрака стали темными, кожа — смуглой, длинное одеяние — белым. И в то же время прозрачность сохранилась.

— Вы стали живым? — спросила Дейна на всякий случай.

— Нет, дитя. Я все еще мертв, но моя душа привязана к тебе. Но лучше тебе никому об этом не рассказывать. Теперь только ты видишь меня. Другие маги и люди не поверят тебе, не поймут...

Дейна быстро кивнула. Она все поняла и со всем согласилась.

Следующим утром Дейну разбудила мать, когда еще солнце не поднялось из-за горизонта, и в маленькие окошки детской заглядывали темно-синяя прохлада с белесым туманом. С трудом проснувшись, маленькая княгиня прикрыла ладошкой отчаянный зевок и вопросительно посмотрела на Лилиант. Та не только успела одеться и уложить волосы, но и закутаться в дорожный плащ с капюшоном.

— Мама, мы куда-то едем?

— Да, доченька. Мы отправляемся к бабушке. Одевайся поскорее, рядом с домом ждет экипаж, — проговорила мать, всхлипывая, и зачем-то накинула на голову капюшон.

К чему? Дейна и без того успела рассмотреть при свете свечи темный синяк, красовавшийся на материнской щеке. Расспросы были бы неуместны, ведь времени осталось совсем мало. На улице давно наступила холодная колючая осень, поэтому одевалась медлительная Дейна дольше, чем хотелось бы ее матери.

— Давай быстрее! — прикрикнула на дочку Лилиант. — Сколько можно копать?!

— Мама, а твоя служанка с нами поедет?

— Еще чего не хватало... Я вечером ей плеснула в суп сонных капель, эта змеюка все бабушке Нейте про нас рассказывает, — презрительно кинула Лилиант. — Да что ж такое-то? Ты одеваться быстрее не умеешь?!

Через некоторое время мать и дочь украдкой выбрались из особняка. Они шли на цыпочках, надеясь не потревожить покой спящих родственников и слуг, а потом, наконец, окунулись в утренний сырой холод. Из рта у Дейны шел пар, и у матери, наверное, тоже, но они слишком торопились, чтобы всматриваться и задумываться. В карете было так же холодно, как и на улице, а на душе у Дейны и вовсе царил непогода.

Украдкой от матери девочка выглянула из окошка и увидела, как раскрашенный магией призрак стремительно летит за каретой. Генри сдержал свое слово, но будет ли он ей помогать так, как она ему? В любом случае, никому не стоит знать, что маленькая девочка помогла призраку открепиться от дома, в котором он умер.

Когда карета остановилась, уже рассвело, и над пригородом повисло серое унылое небо. Хотелось плакать от осознания всей безнадежности навалившейся на нее самой и на маму ситуации, но Дейна только шмыгнула носом. Следом за мамой она проскользнула в приоткрывшуюся дверь таверны, и оттуда сразу же повеяло домашним теплом.

— Осмотришь, Дейна, — велела ей мать. — Нет ли среди постояльцев стражи или

людей твоего отца. Я буду расплачиваться за тобой.

За несколькими столами сидели люди и завтракали, но полуслепыми глазами Дейна не заметила одежды, напоминающей синий и серебряный цвета княжеского герба Морлан хотя бы отдаленно. Сощурившись, она долго пыталась высмотреть что-либо нужное, но ничего не рассмотрела.

— Их здесь нет, — успокаивающе произнес призрак за спиной.

Вместо ответа Дейна посмотрела на него с сомнением. Казалось, эта неприкаянная душа была дружелюбна к девочке, но что-то упрямо мешало поверить в это. Тем не менее, кроме Генри никто не мог указать ей сейчас на истину. Он ведь не лжет?

Дейна коснулась кончиками пальцев зажившего шрама на брови. Воспоминание коснулось ее сознания — мимолетно, слабо, как ангел задевает белым крылом пушистое облако.

— Это ты уговорил меня лезть на дерево, — вспомнила она. — Но зачем?

Если Генри и хотел ответить, то не успел — подошла торопливо Лириан Морлан и увела дочь в оплаченную комнату.

Здесь, в придорожной таверне, было совершенно иначе, чем в особняке. Темная холодная комната со слепыми маленькими окошками вместо светлой, уютной и натопленной детской. Грубоватые служанки с усталыми лицами и в старых, поношенных платьях, вместо опрятных, вежливых камеристок и горничных. Жесткое мясо с разваренными в кашу бобами вместо яичницы и нежного ягненка. Уже в первый час нахождения в таверне Дейна впала в уныние.

Бабушка Софи жила очень далеко. Она уехала от Морланов несколько месяцев назад, не поладив с княжичем. Дейна знала об этом, и ей не хотелось отправляться в бабушкин дом, но матери было плохо жить с отцом. Придется смириться с неумолимым переездом, а пока можно привыкнуть к новой жизни и опробовать магию еще раз.

Холод за окном крепчал, пробирался через невидимые щели в комнату. Мать договорилась с хозяйкой таверны, чтобы работать судомойкой, пока не накопится достаточно денег для дальнего путешествия. А Дейне приходилось целыми днями сидеть в комнатухе и от нечего делать пускать магические искорки в стены и в потолок.

— Убери огонь, — ворчливо советовал однажды Генри, бесцельно витавший по комнате. — Хочешь спалить таверну?

— Хочу играть, — сообщила Дейна. — Мои коты и куклы остались в поместье.

— Печально, дитя. Как и твой княжеский титул.

— Что?

— Твои родители развелись, Дейна, — пояснил мудрый призрак. — Мать вернулась в статус простолюдинки, и ты стала такой же.

В ответ Дейна пожала плечами и состроила гримасу. Какая разница, кем она стала, если в поместье к ней относились немногим лучше, чем к простолюдинке? Разве что лечили, как дворянку, но эти глаза уже невозможно исцелить. Так сказал врач.

Чтобы прогнать неприятные мысли, девочка сунула ноги в сапожки, надела свой синий плащ с серебряной каймой, и украдкой вышла на улицу. Под ногами неприятно хлюпала грязная вода, в воздухе застыла холодная морось. Природа плакала, готовясь к долгой белой зиме, а на детском сердце стало легче, едва ветер легко коснулся румяного лица Дейны. Известие про смену титула уже не огорчало ее нисколько.

— Зря ты надела именно этот плащ, — снова этот укоризненный шепот.

— У меня другого нет, — беззаботно объяснила девочка, и пнула одинокий серый камушек. — Мама едва успела собрать самое необходимое.

Она смотрела себе под ноги и не обратила внимания на подъехавшую карету с гербом Морланов. Знакомый серебристый кот на синем фоне бросился в глаза моментом позже, когда кто-то схватил ее в охапку, зажал сильной рукой рот и потащил в отцовскую карету.

Глава 4. Брат и сестра

Дейну втащили в карету, усадили возле княжича Морлана и захлопнули со стуком дверцу. Отец улыбнулся ей — грустно и нервно. Девочка попыталась объяснить, как расстроится мама, когда не найдет ее в пустой гостиничной комнате, но тут карета поехала, трясась на всех ухабах.

— Тише, дитя, — отец побледнел и передернулся. — Твоя мать сама виновата в своих бедах. Она — нищая горожанка, как и твоя бабушка. А мы с тобой будем жить славно. Припеваючи. У тебя будет много сластей, игрушек, ты не будешь ни в чем нуждаться.

Дейна слушала его и молчала, не зная, что сказать.

У князя, княжича и у Пола нрав был очень крутой. Говорили, что у нее со временем будет такой же, стоит только подрасти. Говорили, что девочке негоже так сердито хмурить бровки и так громко плакать. Говорили многое, но Дейна искренне не понимала, что в ней такого особенного, если она девочка? Кроме четырех стихий.

Пока она растерянно думала и глядела из окошка на дома, лавки и таверны, мимо которых ехала карета, отец нагнулся к ее уху и прошептал:

— Я научу тебя обуздывать твои стихии. Будешь пайнкой — удачно выдам замуж.

Дейна решила, что он шутит, тем более княжич в конце своих коротких фраз снисходительно улыбнулся, и путь продолжился. Но смутное чувство беспокойства не покидало девочку — оно посещало ее частенько, стоило призраку Генри куда-то исчезнуть.

В ожидании, пока призрак появится рядом и скажет что-нибудь доброе, Дейна не заметила, как заснула.

Когда она открыла глаза, то обнаружила себя уже не в карете, а на руках отца. Княжич бережно прижимал дочь к груди и нес ее сквозь холодную черную ночь, через знакомые ворота — домой. Был ли дедов особняк теперь домом Дейны? Осталась ли она княгиней, когда мать развелась с отцом? Ничего этого девочка не знала и не могла знать, но твердо решила выяснить.

Она все еще была полна решимости дождаться призрака, когда служанки переодели ее и приготовили ко сну.

Уже лежа в мягкой уютной постели, Дейна слышала через толщу стремительно наваливающего тяжелого сна тихие пересуды горничной и няни:

— Лишь бы не заболело дитя.

— У нее холодные руки. И дрожит вся.

— Лишь бы ее мамаша не прибежала требовать.

— Княжич велел никого в детские покои не впускать. Закрыть на замок и все.

Закрыть на замок ее, Дейну Морлан? От любящей мамы?

Дейна нетерпеливо завозилась в постели, пытаясь принять удобное положение, и женщины подошли к ней. Но девочка не желала с ними говорить и закрыла глаза, притворившись спящей. А потом заснула по-настоящему.

Вопреки худшим предположениям служанок Дейна не захворала и не стала

капризничать, просясь домой. Хотя временами ее так и подмывало расплакаться, но светлая надежда, что происходящее не продлится вечно, помогала ей оставаться спокойной. Более того — Дейна не улыбалась бабушке, деду и брату, когда те пришли убедиться в ее полной безопасности. Она сухо и сдержанно отвечала на их вопросы, стараясь не проронить ни слезинки.

— Это ее мать против нас настроила! — кинула с презрением княгиня Нейта.

И первая покинула комнату.

Следом за ней выскочил единокровный братец Пол. А дед Джон нахмурил седые брови, неодобрительно посмотрел на внучку и поджал губы.

— Вы дурно себя ведете, княгиня. Ваша вздорная мать совершила дурной поступок, и теперь вы должны нравиться всем. Вести себя подобающе.

Дейна не знала, что лучше: покорно опустить голову или смотреть в глаза деду, не отводя взгляда. И выбрала второе. Но у князя был настолько тяжелый взгляд, что с каждой секундой ее затея все сильнее была обречена на провал. А еще девочка не понимала, что не так делает, если не сказала ни единого грубого слова и даже не подумала устроить скандал. Хотя ей очень хотелось. Одна, в холодной отцовской семье, вдали от матери. И даже призрака Генри нет рядом...

— Я буду вести себя подобающе, — тихонько пообещала она, хотя не вполне понимала, что это означает.

— Вот и умница.

Дейна сделала вид, что смирилась, а дед сделал вид, будто поверил в это.

Только бы противный Пол не пришел издеваться!

Прошло несколько дней — холодных, однообразных, пустых. Дейна сумела не заболеть, но не смогла стать веселой и доброй, как от нее этого ждали дед и бабушка. Поэтому они в конце концов отстранились от внучки и продолжали больше общаться с Полом, который подстраивался под каждое их желание. Дейну снова предоставили самой себе. В роскошных детских покоях имелось много разных кукол, домики и платья для них, и прочие прелестные вещицы, которые могли себе позволить только богачи.

Дейна Морлан уже не была богачкой и прекрасно это понимала, несмотря на маленький возраст. И к игрушкам боялась даже притрагиваться — настолько они выглядели волшебными. Казалось, одно прикосновение неосторожной детской ручки, и кукла из дорогого фарфора немедленно разлетится на куски. Поэтому она бралась только за тряпичные и деревянные игрушки, смея только смотреть на фарфоровых красавиц с белоснежными лицами и черными косами.

— Девочка ведет себя, как дикарка, — тихо сообщила нянька Жаннет горничной Полли. — Видно, материнское воспитание ужасно. Приучили ребенка Боги пойми, к чему.

— И то верно, — поддакивала расторопная горничная, стеля хрустящие от чистоты белые простыни. — Так вы бы убрали эти деревянные отгрызки.

— Да к чему уж? Пусть играет, а то опять поднимет вой...

Дейна обиделась. Она никогда не поднимала никакого воя. И оставшееся время заточения в отцовском доме разговаривала с Жаннет, только если та задавала ей вопросы. Поэтому за Дейной очень быстро укрепилось слово «дикарка».

Но девочка не понимала, зачем и почему обязана быть доброй, вежливой и обходительной со злыми черствыми людьми, которые ненавидели ее мать.

Дождливый месяц Датин подходил к концу, но небеса не разверзались, чтобы посеять на земле снег. За завтраками, обедами и ужинами отец бормотал, что Боги гневаются на неразумных людей и глупых магов. Это было странно слышать от Водного мага, и однажды Дейна не выдержала:

— Но ведь мы здесь все маги, дорогой отец!

За столом повисла мертвая тишина. Старые супруги, Джон и Нейта, обменялись мрачными взглядами, и Эндрю спросил у дочери сквозь зубы:

— Что ты сказала, княгиня?

— Мы все здесь маги, — звонко, но уже не очень уверенно произнесла Дейна. — Выходит, мы все глупые?

— Напротив, княгиня, — хохотнул единокровный братец Пол, походивший на отца как внешне, так и поведением, и во всем старавшийся ему угождать. — Обычные стихийные маги разумны. А те, что вроде вас...

У отца вытянулось лицо.

— Пол, прекрати.

— Владение четырьмя стихиями отличает тупиц и дикарей. Ха-ха! Я слышал, горничная говорила, что ты дикарка!

Отец с силой ударил кулаком по столу. Зазвенели тарелки, подскочили бокалы и расплескалось их содержимое. У взрослых красное вино, у детей — золотистый сок. Все напитки раскрасили белоснежную скатерть уродливыми пятнами.

— Дети — прочь из-за стола! — велел он резко и зло. — Живо! Вы наказаны!

Пол и Дейна безмолвно подчинились отцовскому приказу и оставили обеденный зал. Ни бабушка, ни дед не вмешались, чтобы разрешить им поужинать.

В пустом коридоре Пол схватил сестру за руку и пребольно пнул по ноге.

— Из-за тебя я остался голодным! — прошипел он, сверкая глазами. — Ничего, я тебя сломаю! Ты у меня еще получишь!

С этими словами он оттолкнул Дейну и стремительно убежал в свои покои, оставив ее одну с горькими переживаниями. Плакать бесполезно — мама не придет на помощь, да и строгая бабушка Софи не спасет. Но когда Дейна почти дошла до своих комнат, глаза девочки уже успели наполниться слезами.

Быть стихийной ведьмой со всеми четырьмя силами — настолько плохо?

Она не знала.

И только осторожное прикосновение к руке, будто ласковое дуновение теплого ветерка, одновременно порадовало ее и удивило. Девочка остановилась и медленно обернулась. В нескольких шагах от нее парил в воздухе призрак Генри.

Увидев ее реакцию, он приложил прозрачный палец к прозрачным губам.

— Тише, дитя. Не скачи и не прыгай. Пусть сюда не сбегутся люди.

— Хорошо...

— Ступай, Дейна. Я приду к тебе позже.

В опустевшей спальне было темно, прохладно, грустно. Дейна лежала на свежих простынях, закрыв глаза, но впервые за всю ее коротенькую жизнь сон не шел к девочке. Она думала о маме и призраке Генри, как о тех, кто относились к ней хорошо. И тоска, охватившая ее, становилась все крепче.

Тихий звук приближающихся шагов в коридоре Дейна услышала не сразу. А потом кто-то высокий бесшумно открыл дверь в ее комнату и шагнул внутрь. Он нес блестящий подсвечник с единственной тонкой свечкой, огня было достаточно для освещения небольшого расстояния прямо перед ним.

Когда странный и смутно знакомый человек приблизился к ее постели, Дейна внезапно узнала Пола.

Он был совсем взрослым для нее. Ей шесть лет, а ему тринадцать. Дейна вспомнила, как бабушка однажды с любовью называла его достойным мужчиной, и сжалась в комок. Зачем он пришел сюда?

— Что вам надо здесь? — пролепетала девочка, отчетливо чувствуя витавшую в воздухе опасность.

— Лежи смирно, — ответил единокровный братец. — Я отниму у тебя твои четыре силы. Знаю средство. Останешься ты с калечным даром магии Воды или вовсе без магии. Зато не будешь хвастаться направо и налево!

С замиранием сердца Дейна молча смотрела, как в комнату заходят еще три долговязых силуэта. Двое тоже держали свечки, третий был магом Огня и освещал себе путь чародейством.

— Это мои друзья, — сказал Пол с радостью, наблюдая за испугом младшей сестры. — Они заберут твою магию и станут сильнее. Зачем вообще Боги дают магию женщинам?

Сила Воздуха придавила ее к кровати. Беспомощно барахтаясь, Дейна смотрела, как братец и три его друга медленно подступали к кровати. Она отчаянно не хотела расставаться с магией, поэтому решила бороться до последнего. Звать на помощь няньку бесполезно — та крепко спит в соседней комнате и с трудом проснется утром, как обычно. К тому же мальчишек она не остановит. Или скажет, что детки мило играют, и уйдет по своим делам.

Полная отчаяния и страха Дейна изо всех сил дернулась вперед, освобождаясь от воздушных пут. Стало нечем дышать, девочка запуталась в длинной белой сорочке, а маленький ночной колпачок съехал на глаза, но она боролась!

Раз — жар огня полыхнул перед лицами напуганных негодяев, грозя опалить их черные маски.

Два — братца окатило с ног до головы ледяной водой. Он подскочил, нелепо замахал руками, уронил погасшую свечу и закричал громкие плохие слова.

— Дворянам так ругаться нехорошо, Пол, — ехидно подметила Дейна и распахнула дверь магией Воздуха.

— Гадкая девчонка! Мерзость! Гнусь! Мы свяжем тебя и выдавим твою магию! — продолжал вопить братец, но уже от злого бессилия.

Его brave друзья не разделяли такой прыти.

Дейна хотела было дотянуться до кадки с южным кактусом и с помощью воздушной энергии постучать брата по глупой голове этим колючим растением. Но ее силы иссякали. Она и без того перестаралась с магией. Надо было напоследок вытолкать их с помощью воздуха из комнаты, но тут в дверь зашел, шаркая ногами, князь Джон.

Старый, недовольный, в шерстяной пижаме и теплых домашних туфлях, он поправлял колпак на голове и строго смотрел на мальчишек.

— Что вы это здесь устроили, позвольте узнать?! В полночь!

— Дорогой дедушка, — голос Пола сменился со злого на добрый и ласковый, — мы с друзьями хотели преподнести моей любимой сестре подарок. Сюрприз.

Угрюмый взгляд князя заскользил по лицам в масках. Подумав, он сорвал маски с приятелей Пола и покачал седой головой. Затем посмотрел на ослабевшую после магического выброса Дейну, и, кажется, все понял.

— Не пойму, какой Бездны вы затеяли. Убирайтесь прочь. Все.

Дед говорил сурово, отрывисто, сухо. А потом вытолкал из комнаты друзей внука. Самого Пола ухватил за плечо и вывел следом за собой, так и не оглянувшись на Дейну.

Хлопнула дверь. Девочка снова осталась одна.

Расправив полы сорочки и поправив колпак, она забралась под одеяло и через некоторое время забылась крепким сном. А над ее кроватью тихо парил призрак Генри, пока не рассвело.

Несколько дней прошли тихо и безмятежно. Дейну никто не ругал, не обижал и не воспитывал. Казалось, ее присутствия вообще не замечал никто, кроме отца, ставшего удивительно добрым. А потом неожиданно прибыла мать и сообщила, что хочет забрать Дейну с собой.

Сразу засуетились слуги и служанки, собирая девочку в путь. Ее немногочисленные вещи сложили на крышу простенькой кареты, в которой приехала Лилиан. А отец, брат и дед с бабушкой не вышли проводить Дейну, чему она не огорчилась.

Эта странная и страшная страница ее жизни была перевернута насовсем.

Глава 5.1. Жестокое письмо

Никогда еще прежде Дейна не была в гостях у своей бабушки Софии. Но едва перешагнув высокий порог ее бедного дома, сразу поняла, что здесь ей не понравится. Старая и грубая мебель, узкие тесноватые комнаты, облезлые стены и деревянный скрипучий пол — первое, что сразу бросилось в глаза. От мрачного взгляда бабушки, брошенного на дочь и внуку, сразу стало не по себе.

— Мы к вам ненадолго, матушка, — Лилиана склонила голову.

— Брось эти благородные штучки, — сердито ответила ей София, одетая в потертое старое платье неопределенного цвета. — Теперь тебе не придется пресмыкаться перед этим... этими...

— Мама!

— И даже возвращаться к нему не вздумай. А то обратно не впусу. Здесь наш дом.

Три последних слова Дейна накрепко запомнила. Они вошли в детскую память, как нож в масло.

Считать этот дом своим жилищем после роскошной жизни в княжеском поместье ей решительно не понравилось. Только кто ее спрашивает? Как потерянная, Дейна бродила по маленькой комнатке, выделенной им с матерью на двоих, и смотрела в слепое окошко на серое небо. Ей было грустно. Она чувствовала себя обманутой.

— Не бойся, — неожиданно прошелестел над ухом призрак Генри. — Это долго не продлится...

— А!

Дейна резко развернулась, с ужасом глядя на прозрачный силуэт неприкаянной души.

— Не пугай меня так!

— А ты не пугайся, девочка, — посоветовал Генри. — В жизни пригодится.

— Ладно... Мне не нравится бабушка София.

— Так ведь она от тебя тоже не в восторге. Молчаливая замкнутая девочка. Еще и с

четырьмя стихиями.

Дейна сощурилась:

— Это разве плохо?

— Вырастешь — узнаешь.

— А я сейчас хочу.

— Рано тебе. Лучше книги читай.

Книг и потрепанных свитков из пожелтевшей бумаги в бабушкином доме было так много, что она могла бы продать их все и жить припеваючи. Подумав об этом, Дейна даже порадовалась. Ведь теперь она могла читать про магию или разнообразные сказки, потому что в поместье отца детей в библиотеку не допускали.

Прошло несколько недель на новом месте.

Дейна спала на жесткой кровати, с набитым соломой матрасом, ела простую пищу и часто была предоставлена сама себе. Бабушка ухаживала за своими многочисленными растениями на заднем дворе, или ходила в город — на рынок, в церковь, посудачить с престарелыми подругами. Мама работала целительницей и тоже часто оставляла дом. Дейна снова осталась одна.

Сначала ей было тяжело, тоскливо, грустно и неудобно. Местные девчонки и мальчишки, играющие на улице, не имели отношения к магам, и считали девочку чужой и странной. А призрак казался ей старым и занудным стариком. Хотя, когда умер, был относительно молодым. Но какая разница для девочки, которой не было и семи лет?

Время шло, а праздник приближался. Дейна старалась как можно меньше вспоминать о прежних днях рождения, проведенных в кругу отцовской родни. Просыпаясь каждый раз в унылой комнатке с неровными стенами, выкрашенными грязно-желтой краской, она думала, что не хотела бы отмечать семилетие именно тут.

В самых смелых мечтах Дейны она просыпалась в милом аккуратном домике на морском побережье. С ней вместе жили бы мама и милая рыжая кошечка. А сварливая бабушка София пусть и дальше живет в старом доме, проклиная всех подряд, на чем свет стоит.

Два или три раза девочка пыталась рассказать об этом матери, но та устало вздыхала и только отмахивалась:

— Не говори глупости. Хватит клеветать на бабушку. Она старается для тебя не меньше, чем я.

И это было чистой правдой. Бабушка София изо всех сил трудилась над тем, чтобы во время ее присутствия дома у Дейны не оставалось ни минуты свободного времени. Как только за матерью закрывались двери дома, бабушка находила внучку, отбирала у нее книги и впихивала в руки тряпки и ведра. Летом они сменялись на лейки и корзины.

— Нечего бездельничать, — ворчала София, уперев руки в бока и ходя по пятам за притихшей Дейной. — Ишь ты, княгиня! Ведьма четырех стихий! А стирать да убирать в доме кто будет? Я что ли? Бабушка с больными ногами?

Сжимая маленькими руками тяжелую метлу, Дейна с грустью думала, что бабушка, должно быть, ненавидит магию. А та продолжала ходить за ней и ворчать, частенько переходя с Дейны на ее родственников по отцовской линии.

В жаркий двадцать пятый день месяца Сикстиса Дейне исполнилось семь лет. Несмотря на теплую погоду, ее не переставала мучить простудная хворь. Девочка кашляла, шмыгала носом и пыталась рисовать руны огня, воды, земли и воздуха на клочке бумаги. Но

получалось плохо. Мысли расплывались и путались, а бормотания призрака над ухом и вовсе сбивали с толку.

— Зачем ты рисуешь? — спросил Генри, когда бабушка вышла на улицу, к своим любимым посадкам. — Ты даже не знаешь, как их использовать, дитя.

— Знаю, — обиженно буркнула Дейна. — Опытные маги рисуют их в воздухе пальцами, если хотят ими защититься.

— Боевые маги.

Девочка посмотрела на него и хитро прищурилась:

— Откуда ты знаешь? Разве ты волшебник?

— Нет, — кажется, Генри смутился. — Я много читал об этом. Когда был жив.

Дейна хотела расспросить его об этом подробнее, но ее позвали есть, и пришлось уйти. А потом она почувствовала себя очень уставшей из-за болезни, и забыла об этом разговоре.

Небольшой город, в котором жили Дейна с матерью и бабушкой, назывался Нортэн. Тепло и хорошая погода заглядывали сюда только летом, да и то не каждый раз. Город держался на магии и текстиле, а еще немного на торговле. Зато отсюда было недалеко от столицы Нордении, которая называлась Брения. И однажды зимним утром, когда Дейна понемногу начала забывать о своем отце и его роскошном доме, богато одетый гонец постучался в хлипкую дверь их ветхого дома.

Открыла бабушка София. По старой привычке уперев руки в бока, надменно глянула на молодого мужчину в темном бархатном камзоле.

— Кто вы и чего вам? — спросила она свысока, словно была хозяйкой положения.

Снег запорошил сильнее, в дом ворвался порыв ледяного ветра и внес в дом горсть белых крупинок. Поморщившись, София вышла на порог и затворила за собой дверь.

— Ну, побыстрее! — поторопила она растерянного гонца. — У меня внучка хвора. Так чего вам надо?

— Я хотел передать письмо... Дейне Морлан.

— Мала она — письма взрослые читать, — отрезала старая женщина, хотя сама научила внучку читать и писать ровным почерком. — Давайте. Передам ее матери.

— Хорошо. Вот.

В руки бабушки перекочевало письмо в белоснежном конверте с острыми уголками. Увидев герб с королевской печатью, она притихла, поджала губы и молча закрыла за собой дверь. Только забыла поблагодарить гонца. Да и за что благодарить его, непонятно. Вроде бы письмо привез, но с какой вестью? Дурная или хорошая?

Тяжело вздыхая, София вернулась в дом.

Меньше всего на свете она хотела, чтобы любимая внучка связала свою жизнь с чародейством. Куда ей? В боевые маги идут только богатая и глупая молодежь, чтобы повеселиться и потешить свои самодовольные душонки. Магами-творцами становятся только распушенные и бестолковые подростки. Нечего ее внучке в это соваться.

София и Лилиан родились волшебницами Воды. И ни одна не использовала свой дар нигде, кроме быта. Поэтому София надеялась, что, когда внучка подрастет, ее земляной стихии найдется применение с выращиванием овощей и цветов в огороде на заднем дворе. Огород был маленький, но земля плохая. Значит, именно Дейна поможет растениям. Зачем еще нужна магия Земли?

Конверт открыли на следующий день, потому что накануне Лилиан, вернувшись с

работы, очень устала.

Усевшись за стол на крохотной кухоньке, молодая женщина надрезала ножиком угол конверта и надорвала бумагу, а потом извлекла послание, написанное крупным разборчивым почерком. София в это время стояла у печи, доставая противень с потемневшим подгорелым хлебом, а Дейна сидела напротив матери на скрипучем стуле и беззаботно болтала ногами.

— Нас вызывают в столицу, — промолвила Лилиан дрогнувшим голосом.

Она хотела заплакать, но не стала. Нельзя испугать дочь или встревожить мать.

София поставила противень и грохнула об пол ухватом.

— Кто вызывает? — деловито спросила она.

— Король, его величество Ульрик... Нас ждет Магический Совет. Меня и Дейну.

— Вот как, — старая рассерженная женщина недовольно поджала губы. — Хотя использовать талант нашей дурочки в своих целях?

— Мама! Думай, что говоришь!

— Я-то думаю, моя милая, — сообщила София, опустив на дочь тяжелый немигающий взгляд. — А о чем думала ли ты, когда выходила замуж за этого напыщенного мерзавца?

— Но я не знала, что он не уведомил короля о рождении Дейны!

— Да что ты вообще знаешь! — сердито воскликнула София. — Бестолочь ты. И девчонка в тебя пошла своей дурью!

С этими словами она быстро вышла из кухни и с громким стуком захлопнула за собой дверь. Дейна сразу сжалась в комок и обняла себя руками. Она знала, что у бабушки случаются вспышки ярости, но все никак не могла привыкнуть к их неожиданности. Даже Генри, уж на что любил подкрадываться со спины, никогда не кричал, не шумел и не грохотал вещами. Так что же получается, призрак воспитан лучше, чем бабушка?

Дейна с удовольствием задала бы эти вопросы матери, но отчего-то не решалась. Она не знала, поверит ли хоть кто-нибудь в ее слова о существовании призраков. Хватало того что бабушка каждый раз кричала на нее и велела прекращать, стоило Дейне заняться любой магией, кроме Водной.

Несколько следующих дней Лилиан собирала вещи и договаривалась о найме самой дешевой кареты, София ходила мрачнее тучи, а Дейна старалась не попадаться на глаза ни матери, ни бабушке.

В столицу Брению из городка Нортэна выехали морозным зимним утром. Дейну одели в теплое зимнее платье, которое, судя по количеству заплат, носили несколько поколений девочек ее семьи, надели сверху толстую меховую шубку, а на голову — потрепанный капор. Собирала ее в дорогу бабушка, не переставая что-то неразборчиво ворчать себе под нос.

— Мама, пожалуйста! — взмолилась Лилиан, успевшая одеться в богатые вещи, нажитые за то недолгое время, что она была женой княжича. — Зачем вы одели Дейну, как ребенка с паперти?! У нее столько прекрасных добротных вещей!

Старая София волком посмотрела на дочь, сорвала с головы девочки капор и в ярости швырнула его на пол.

— Не нравится, да? Вот и одевай теперь ее сама! Я дивлюсь, какие вы резко умные стали!

— Мама...

— Только и сумела, что сидеть на моей шее со своей глупой девкой и есть на мои деньги! Нет, чтобы это барахло для богатых на рынке продать, семье помочь! Вырастишь

лоботряску! Попомни мои слова!

И София ушла к себе, а когда Лилиан достала из деревянного сундука лучшие одежды для Дейны и та переоделась, не стала прощаться с ними. Выглянув в широкий полутемный коридор, Лилиан растерянно огляделась и хотела, было, позвать ее. Но прервалась. Поджала губы и взяла дочь за руку.

— Пойдемте, Дейна. Ваша бабушка сегодня сбесилась.

Девочка ухватила за ладонь Лилиан с радостью. Она чувствовала себя полностью защищенной, когда находилась вдвоем с матерью. А бабушка — жестокая, несправедливая и злая, так пусть и остается одна!

Ступив ножкой в крепком ботинке на заснеженное крыльцо, Дейна невольно улыбнулась. Следующие две пары недель или чуть больше она не увидит бабушку Софию и не услышит ее резкий грубый голос. А потом... Лучше об этом не думать. Вдруг повезет и их с мамой оставят при дворе? Вот будет здорово!

Очень скоро Дейна разочаровалась в своих ожиданиях.

Карету трясло на каждом ухабе, а кони с трудом продирались через частые снежные завалы. Через мутные окошки сложно было разглядеть зимние пейзажи из-за ледяных причудливых узоров, нарисованных таинственным Богом Воды. Только и видела Дейна, что бесконечно шел снег. А по ночам девочку укачивало, и она сладко спала, уронив голову на грудь. Иногда Лилиана укладывала дочку так, что ее голова лежала на коленях у матери, и тихонько напевала колыбельную. Голос у нее звучал мелодично, тепло, усыпляюще, поэтому Дейну быстро окутывала дремота.

Так они ехали неделю с небольшим. Несмотря на все сугробы и метели, которыми так славна северная Норденя, путь оказался не настолько дальним, как этого опасалась Лилиан. И вот, наконец, в один прекрасный день карета остановилась возле столичных ворот.

Пока мать выходила к страже и показывала им бумаги с письмом от короля, Дейна прижалась носом к ледяному стеклу окошка и пыталась разглядеть за узорами хоть что-то. Тщетно! Только очень холодно.

Несколько минут она провела в таком странном положении, ожидая, что рядом появится дух Генри, внезапно заговорит с ней и напугает до мурашек. Но ничего не происходило. Призрак остался у бабушки. Странно, что духи, свободные, от земных оков, не могут перемещаться, куда захотят. И Дейна пожалела, что не может спросить у мамы о причинах такого положения вещей.

— Дейна! — звонко позвала мать с улицы. — Дочка! Выходи!

Медленно, неуклюже, немного испуганно, девочка вылезла из кареты, чтобы предстать перед тремя дюжими стражниками в блестящей броне. Они окинули ее быстрыми взглядами и переглянулись.

— Ведьма четырех стихий, говорите? — произнес самый высокий и усатый из них. — Намучаетесь с такой доченькой еще...

Лилиан гневно вскинула голову. Она хотела что-то сказать, но в последний момент осеклась и увела Дейну обратно в карету. Уже когда поехали дальше, молодая женщина собрала помятые документы в аккуратную стопку и положила в один из вещевых мешков.

— Злодеи! — сказала она с горечью. — Гады несчастные! Сами-то не заслужили таких талантливых могущественных детей, вот и бесятся!

Дейна молчала. Она не понимала, в чем ее заслуги или недостатки. И сейчас ей очень

хотелось стать обычным ребенком, может даже без магии вовсе. Так они ехали молча, пока мать не тронула ее за руку и не улыбнулась.

— Запомни, дочь, — Лилиан смотрела тепло и говорила твердо, — в этой жизни тебе много раз будут говорить, что ты ничтожество. Не слушай их. Не слушай никого. Ты вырастешь и многого добьешься.

— Да? Бабушку тоже можно не слушать?

— Дейна!

Девочка тяжело вздохнула и отвернулась к окну. То, кого выбирает мать между ней и бабушкой, уже давно стало понятным. И все-таки она не переставала надеяться на лучшее. Может быть, когда-нибудь мама поймет и поверит, что бабушка далеко не святая? Может быть, услышит, как София Гартон разговаривает с внучкой на самом деле, а не при матери? Случится ли чудо когда-нибудь?

Но это потом. Сначала нужно предстать перед королевским советом.

Во дворце Лилиан с дочкой приняли очень вежливо и добродушно королевские слуги высшего ранга — дворецкий и лакеи. Несколько мужчин с безупречными манерами, одетые в роскошные одежды, поприветствовали их и проводили гостей к их временному жилью. Лилиан скромно надеялась на гостевые комнаты, но их поселили в маленьком флигеле неподалеку от дворца. Раньше здесь жили служанки, пока их не переселили во дворец, но помещение выглядело вполне сносным. Комнаты были убраны и меблированы, но сам факт препровождения их в это место неприятно покоробил Лилиан.

— Позвольте, судари, а почему именно сюда?

— Такова королевская воля, — дворецкий печально улыбнулся и развел руками. — Эта постройка для гостей не дворянского происхождения.

С этими словами они раскланялись и быстро ушли, пока Дейна восторженно разглядывала прекрасные белые стены и высокий потолок с лепниной. Она слушала разговоры взрослых вполуха, и не очень интересовалась причиной, по которой их не поселили во дворце. И снова маленькой Дейне показалось, что она попала в прекрасный мир богатства и нескончаемых чудес.

Глава 5.2. Высокий Совет

Лилиан Морлан, бывшая княгиня, вернувшаяся в простолюдинки, огорчилась не столько за себя, сколько за дочь. Подумать только, принципы и предубеждения короля насчет дворянства и знатности до того огромны, что он даже не подумал об удобстве маленькой княгини. Даже проживая с матерью, Дейна все равно сохранила свой титул, потому что родилась в княжеском доме и в законном браке!

Когда праведный гнев утих, молодая женщина с грустью подумала, что, наверное, королю действительно нет дела до таких мелочей. Его интересуют лишь войны и интриги, но никак не благополучие маленьких и талантливых, но болезненных девочек.

— Мама, ты грустишь? — спросила Дейна? — Почему?

Лилиан обернулась и с улыбкой посмотрела на свое ненаглядное дитя.

— Нет, крошка. Я просто думаю.

— Смотри, мама! Здесь такие удобные кровати! Не как у бабушки!

— Только не вздумай прыгать на них.

— Прыгать? — озадаченно переспросила девочка. — Я не умею.

И это было горькой правдой. Слабые ноги Дейны часто подводили ее. Дейна могла

споткнуться на ровном месте, где спокойно ходили люди. Но сейчас им надо показать себя во всей красе. Безупречные манеры, отличное колдовство, прекрасное здоровье. Лилиан опасалась, что бывший супруг мог случайно узнать об этой поездке и договориться с кем-нибудь, чтобы девочку не приняли. Чтобы насолить матери... После того, как Андре похитил Дейну с постоянного двора, он продолжит делать все возможное, дабы сделать больно самой Лилиан.

Отбросив прочь тягостные мысли, Лилиан снова улыбнулась дочке.

— Ничего страшного, дорогая. Запомни: никому не говори ничего лишнего, пока тебя саму не спросят. А если спросят, отвечай четко. Не сбивайся. Не путай слова. И самое главное — не путай магию.

— Да, мама.

Лилиан вздохнула и подумала, что слишком многого требует от дочери. Она же еще так мала! Но уже контролирует магию, а это довольно хорошо для семилетней ведьмы.

В комнатах флигеля, куда их проводили, имелись спальня, детская, купальня и обеденная. Все, как положено. Лилиан предложила дочери отправиться в купальню и немного отдохнуть до того, как принесут обед. И ближайшие часы их пребывания во флигеле занял приятный досуг.

Потом Дейна тепло оделась и вышла в сад, придерживаясь за перила. Здесь не было учебной комнаты, но она решила испытать магию Огня на снегу. Из окна за ней наблюдала с легкой тревогой мать, опасаясь, что девочка по неопытности что-нибудь напортчит, но Дейна заметила этот взгляд и помахала Лилиан рукой. Она думала, что матери хочется проследить за ее успехами.

— Генри? — позвала она тихонько.

На всякий случай. Вдруг призрак захотел ее снова разыграть. Он ведь такой весельчак!

Тишина. Только белые снежинки медленно опускались на сугробы и снег хрустел под подошвами сапожек. День выдался погожим и солнечным.

Дейна сосредоточилась на Огненной магии, вытянула руки и направила ладони, сложенные лодочкой, на ближайший сугроб.

Вших! Золотая молния ретиво мелькнула между девочкой и сугробом, вонзилась в него, будто стрела в плоть дичи, и все стихло. Дейна замерла, напряженно наблюдая за своей работой. Неужели искра слишком слаба?

Треск!

Запах огня и дыма вместе с запахом снега — вот, чего Дейна ожидала почувствовать меньше всего. Жадное рыжее пламя разгорелось внутри сугроба и разрушило его с невероятной скоростью. Снег исчез, обнажив белые, чуть потемневшие от копоти, каменные плиты.

— Ничего себе... — пораженно прошептала девочка, прикрыв рот ладонью.

— Дейна! — позвала ее Лилиан.

Дейна обернулась и увидела, что мать стоит уже не за окном, а на крыльце, в наспех наброшенной на плечи шубе.

— Да, мама?

— Иди домой, детка. Скоро стемнеет и ты можешь опять заболеть.

— Что? — засмеялась Дейна, но послушно пошла в сторону флигеля. — Заболею? От снега?

— Чем темнее, тем холоднее, — поучительно сказала мать. — А тебе лучше не

мерзнуть.

Следующим утром два лакея принесли им завтрак и сообщили, что в одиннадцать часов утра мать и дочь Морлан ждут во дворце. Особенно дочь. И впервые за все это время Дейна перестала веселиться. Завтракала она очень вяло и неохотно, несмотря на свой обычно здоровый аппетит. Лилиан поглядывала на дочь с легким беспокойством, но ни о чем не спрашивала, боясь повышения тревоги и страхов.

Она бы с радостью успокоила и поддержала Дейну, если бы могла. Увы! Никаких других видов магии, кроме Водной, Лилиан не знала.

После завтрака за ними пришли сопровождающие стражники и повели обеих во дворец — словно под конвоем. Снег поскрипывал под ногами уже не весело, а тревожно, и на сверкающие белизной сугробы Дейна уже не любовалась, как прежде. Она знала, что скоро встретится с кем-то очень важным и случится нечто очень торжественное, а что делать, чтобы это произошло, не имела понятия.

Лилиан думала об ином. Ей казалось, что их поведут тайными коридорами, чтобы скрыть от чужих глаз, но нет, стражники направили сопровождаемых через главный вход. Под пристальными взглядами придворных мужчин и насмешливыми взглядами придворных женщин, расфуфыренных, разряженных в пух и прах, Лилиан хотелось провалиться сквозь мраморный пол. Только она продолжала идти, гордо вскинув голову и чувствуя, как покраснелись щеки. Все это ради дочери!

Наконец их привели в просторное круглое помещение, скорее напоминающее зал, нежели комнату, украшенное светлыми драпировками и розовыми коврами. Из больших окон, прикрытых тонкими белыми занавесками, обильно лился холодный свет зимнего солнца. Белые статуэтки из гипса и мрамора. Серебряные фигурки на полках. Несколько маленьких картин с норденийскими пейзажами.

Такой неяркой и скромной роскоши, таких чистых цветов Лилиан и Дейна не видели даже в княжеском поместье. Они обе застыли, было, на месте, разглядывая прекрасное, ласкающее глаз убранство, но вскоре заметили, что они тут не одни. Богато одетые женщины, наподобие тех, что встречались им в коридоре, уже познакомились и мило беседовали на светские темы. Их дети — мальчики и девочки примерно одних с Дейной лет, застыли в разных углах и поглядывали друг на друга исподлобья, угрюмо, словно волчата. Одни держались поодиночке, другие — братья и сестры — по двое и трое.

Пятнадцать женщин и двадцать детей. Дейна была двадцать первой маленькой волшебницей, владеющей четырьмя стихиями.

— Добро пожаловать во дворец, — мило сказала высокая беловолосая дама в тяжелом платье из синего бархата. — Графиня Маргарет Ариньяк. Мои дочери — Джанет и Роза.

— Очень приятно, — Лилиан улыбнулась и посмотрела туда, куда указала собеседница плавным взмахом руки.

Возле стены стояли две девочки — беловолосая и рыжая. Судя по росту, между ними было несколько лет разницы. Старшая держала за руку младшую и что-то терпеливо ей объясняла.

— Здравствуйте, — невпопад поздоровалась Дейна и сделала неуклюжий реверанс.

Графиня Ариньяк одарила ее в ответ снисходительным взглядом и тут же отвлеклась на светские беседы.

Лилиан в отчаянии огляделась по сторонам. Она никогда не выходила в свет — Андре

считал, что жене княжича это ни к чему — и не знала, о чем вести разговоры. Погода? Дети? Интриги и обсуждение слуг? Вариантов появилось тут же огромное множество, только все, что приходило в голову, отметалось неуверенностью. У всех этих красивых богачек лица светятся беззаботностью, радостью, спокойствием. Они не тревожатся из-за куска хлеба и не боятся завтрашнего дня. У них по праву есть все уже с рождения.

Их дети тоже счастливы, веселы и здоровы. Чего трудно сказать о Дейне.

И Лилиан уже собралась подойти к этим дамам, осторожно присоединиться к обсуждению самой безобидной темы, как открылась дверь. Вошедшая в комнату грузная высокая женщина, одетая в мужские камзол и брюки, повергла всех в шок. Дамы резко замолчали и принялись с любопытством ее разглядывать.

Она оказалась тоже не промах. Посмотрела на собравшихся строго, почти сурово, из-под некрасивых густых бровей, и произнесла низким голосом:

— Меня зовут Моника Ронберг. Я приветствую собравшихся здесь отпрысков дворянских семей Нордени. И... их прекрасных родительниц тоже.

Приветствие вышло так себе, хотя Лилиан видела, что Моника изо всех сил старалась не сказать что-то грубое. По ее лицу было видно: женщину сильно задела эти беззастенчивые, насмешливые, острые взгляды.

— Высокий Совет начнется с минуты на минуту. Я приглашаю всех дам на него. Вы можете оставить детей здесь.

С красивых лиц дворянок немедленно сползли улыбки, и они встревоженно переглянулись.

— Нет смысла беспокоиться, дорогие дамы, — сообщила Моника спокойно и невозмутимо. — Таковы обычаи. Каждый год в королевскую магическую академию отбирают самых лучших детей, владеющих четырьмя стихиями. И ничего страшного не случается.

Эти слова приободрили женщин. Попрощавшись со своими детьми, они по очереди вышли из комнаты. Лилиана не осталась в стороне и тоже присела на корточки напротив растерявшейся Дейны.

— Ничего не бойся, малышка, — сказала мать на прощание. — Я скоро вернусь. Постарайся найти подруг, а если будут задираться, то дай сдачи.

— Да, мама. Хорошо.

Двери закрылись, комната наполовину опустела, дети остались одни.

Просторный зал сверкал белыми мраморными стенами, золотыми украшениями, алыми драпировками и коврами. Это странное сочетание цветов невольно начало резать глаза Лилиане, она ненадолго зажмурилась, и они заслезились. Идя неторопливо и спокойно, чтобы случайно не задеть одну из капризных графинь, она думала, что нигде не видела такой яркой, вызывающей, кричаще-резкой красоты. И пришла к предположению, что это сделано для отвода глаз иностранных послов и дипломатов.

Заседание совета и правда почти началось. Король — молодой юноша, едва ли старше шестнадцати лет, поднялся на крупное возвышение в центре зала и медленно опустился в глубокое кресло. Его окружали четыре мужчины разных возрастов. Министры. Каждый из них владел четырьмя видами магии, ведь в приближенные короля принимали только самых одаренных.

В этот раз среди них не было ни единой женщины.

Лилиана вспомнила, что Андре говорил с превеликой гордостью о достойном отборе министров-магов. Мол, мудрецы и клирики стараются избирать только талантливых парней из дворянских семейств. Женщины-ведьмы коварны, хитры и жестоки. Они способны соблазнять короля и его подданных, рожать бастардов, но никого не защищать. Так говорил Андре, и ему поддакивала улыбающаяся свекровь.

Теперь Лилиана поняла, чего боялась ее мать. Старая София видела во внучке большой потенциал, и поэтому не приветствовала развитие всех четырех стихий у Дейны. Ведь покушения на членов королевской семьи случались часто, а в прямые обязанности министров входило защищать их и закрывать собой от магии и оружия.

Обучение в академии было настрого засекречено. Многие дети погибали из-за неосторожного обращения с магией, других отчисляли за неуспеваемость. Из дюжины семилетних учащихся, поступивших в академию, заканчивали ее в лучшем случае шестеро семнадцатилетних. Десять долгих лет и зим они жили вдали от своих семей, становясь совершенно другими людьми.

— Здравствуйте! — проговорил король с широкой добродушной улыбкой на смуглом лице. — Прошу вас занять ваши места, дорогие дамы!

Оглядевшись по сторонам, Лилиана заметила длинную широкую скамью возле стены и окон, слева от королевского возвышения. Матери одаренных подходили туда и чинно садились рядом друг с другом. И она не стала отставать от них. Уселись женщины лицами к королю и министрам, в один ряд. Идеально придумано для того, чтобы всегда оставаться на прицеле внимательных взглядов одаренных министров.

Если одна из женщин окажется втянута в интриги и нападет на короля, стража ничего не успеет сделать. Одаренные сильнее всех. Поэтому за их рождением следят особенно тщательно.

— Я рад приветствовать вас всех в своем дворце, — король Асмунд Бреон раскинул руки, словно хотел обнять всех присутствующих женщин. — Но мне придется сделать досадное замечание. Одна из вас не сочла нужным уведомить службы магического контроля о рождении одаренной. К счастью, это было обнаружено чисто случайно.

Дамы растерянно зашептались, переглядываясь.

У Лилианы поползли по коже мурашки, но она осталась сидеть с идеально ровной спиной и поднятой головой.

— Но это не стоит сплетен, — бодро закончил Его Величество. — Предлагаю перейти к делу. Как вам известно, каждый год одаренные дети проходят тщательный отбор в королевскую академию. Такое дитя может родиться как в дворянской семье, так и у пекарей, и даже у горьких пьяниц. В конце концов, никто не отменял незаконнорожденных. В этом году нам повезло. Все прибывшие дети являются дворянами. Но это же и означает, что выбор будет суровее обычного. Королевству Норденция нужны только лучшие из одаренных.

Все молчали, ожидая вердикта короля, пока тот тихо переговаривался с министрами.

— К сожалению, мы не располагаем временем для долгого отбора, — наконец произнес король тихим и напряженным голосом. — Наставники и мудрецы не могут принять под свое крыло сразу двадцать детей. Обучение начнется следующей осенью. Сейчас королевская академия магии испытывает некоторые... хм... сложности.

Он прокашлялся и искренне улыбнулся женщинам белозубой сверкающей улыбкой. Все, кроме Лилианы, купились на этот жест лживого благодушия и заулыбались в ответ. Только ей, разведенной простолюдинке, было совсем не до веселья. Дело пахло кумовством и

чьими-то связями.

— В связи с этими неприятными обстоятельствами мы вынуждены принять в нашу академию только отпрысков из герцогских и графских семей. Десять человек — шестерых мальчиков и четырех девочек.

Не удержавшись, Лилиана посмотрела на Маргарет. Та улыбалась — широко и радостно.

Все надежды Лилианы и мечты Дейны разбились за несколько минут.

Как во сне молодая женщина встала со скамьи, вместе с несколькими другими матерями отвергнутых детей, и медленным шагом вышла в широкие двери, услужливо запахнутые лакеями. За спиной снова раздавались веселые речи Его Величества с оставшимися дворянками. Словно никто не заметил ухода неугодных ведьм.

Лилиана думала, им позволят вернуться в круглую светло-розовую комнату и забрать своих детей, но откуда не возьмись появились стражники и проводили женщин на улицу. Там уже стояли маленькой стайкой огорошенные и унылые дети князей, баронов, купцов и бастардов. Дейна стояла среди них и с надеждой смотрела на мать, до последнего веря в чудо.

И тут Лилиана подумала, что ее любимая дочь не должна зависеть от нечестного королевского отбора и чьего-то мнения.

— Мне нельзя в академию, мама? — доверчиво спросила Дейна, у которой блестели глаза.

Вместо ответа Лилиана вздохнула и обняла ее. Послышались тихие всхлипы.

— Только не плачь, — то ли попросила, то ли велела она, уводя дочь в сторону флигеля. — Ты можешь всплакнуть, если тебе невмоготу, но не показывай свою слабость чужим людям.

Дейна шмыгнула носом и вытерла слезы рукавом.

— Хорошо, мама...

— В конце концов, ты сможешь поступить на старшие курсы академии, когда тебе исполнится четырнадцать лет.

Им позволили переночевать во флигеле, а на следующее утро нанятая карета увезла Лилиану с Дейной обратно, в маленький город Нортэн.

Глава 6. Новый дом

Лилиан не знала, что ей двигало. То ли стремление отделиться от матери и не слышать ее каждодневного ворчания, то ли желание подбодрить приунывшую Дейну, то ли гордость. Но когда карета въехала в Нортэн, женщина велела вознице ехать не к дому Софии Гартон, а ближе к центру. По пути она пересчитывала серебро и медь, высыпав их из мешочков себе на колени. Она полтора года откладывала деньги на черный день и сейчас отчетливо поняла: пришло время.

Прильнув к холодному стеклу льдом, Дейна заметила, что их везут совсем в другую сторону.

— Матушка, а куда мы едем?

— В один хороший дом, дитя, — рассеянно ответила Лилиана, раскладывая пересчитанные монеты обратно в мешочки. — Наш с тобой дом.

Приближался день Зимних Богов — славный праздник между первым месяцем Примисом и вторым месяцем Седисом. В это время было принято украшать дома, наряжаться и дарить подарки. Дейна почти не заставляла празднества в поместье князя

Морлана — ее слишком рано отправляли спать.

А в последний раз бабушка София и вовсе прикрикнула на внучку, что мол, глупым щенкам не дозволено праздновать вместе со взрослыми. И что, если Дейна не хочет получить подзатыльник, то пусть слушается и уходит спать подобру-поздорову. Так девочка рассказала матери о случившемся, а та тяжело вздохнула и попросила не нести вздор.

На самом деле Лилиана сожалела об этом. Она знала, что у ее матери тяжелый характер. София не любит вольнодумства, непокорности, чужого мнения и детского озорства. За последнее принималось все, что угодно: от плача до смеха и быстрого бега. И Лилиану воспитывали также, а она боялась сказать лишнее слово поперек слова материнского.

Может, если оградить бабушку от воспитания внучки, Дейна вырастет зрелым человеком со своими желаниями и планами. Конечно, девочку придется держать в узде, иначе станет совсем неуправляемой, как сынок Андре от первого брака. Лилиан передернуло от воспоминаний про мужа и его мальчишку. Нет, в канун праздника необходимо думать лишь о хорошем.

Долго выбирать не пришлось. Не то чтобы Лилиана Гартон-Морлан рассчитывала на прекрасное жилище с тремя комнатами и садом всего за два мешочка монет, но надеялась хотя бы на две комнаты. Увы! Молодая красавица, воспитанная под жестким крылом строгой матери и рано вышедшая замуж, не успела познать цену деньгам.

Она долго торговалась с пожилой владелицей дома, но та, на ее счастье, оказалась не такой властной и твердой дамой, как София.

— Будь по-вашему, сударыня Лилиана, — устало ответила старуха, склонив седую голову. — Только ради этой очаровательной малышки я не поднимаю плату.

— Благодарю вас! — ответила Лилиана порывисто и взволнованно.

— Спасибо, — изрекла звонко Дейна и почтительно шаркнула ножкой.

За одну комнату, кухню и купальню в доме требовалось платить две тысячи серебром раз в месяц. Пораскинув мозгами, Лилиана пришла к выводу, что ее зарплаты целительницы хватит на жилье, если подтянуть пояса и питаться с дочкой не слишком разборчиво. Хлеб, каша, зелень и мясо по выходным. Что еще желать беднякам?

Комнатушка оказалась средняя, и в ней легко располагались две крепкие кровати — слева и справа. Книжный шкаф, колченогий стол и два кресла. Добрая старуха хорошо ухаживала за домом, поддерживая чистоту и порядок, поэтому состояние мебелировки было отменным. Лилиана осталась довольна.

А Дейна радовалась тому, что ее вынужденное отношение с бабушкой сократилось во много раз.

— Мы отлично заживем здесь! — сказала Лилиана через несколько дней, когда сходила к матери и забрала их с дочерью вещи.

Хотя ее настроение оставалось унылым и грустным, чего женщина старалась дочери не показывать. Разговор с Софией прошел не лучшим образом: мать накричала на нее, назвала бестолковой дурой, не ведающей собственного счастья и велела уходить. После этого она вышвырнула на крыльцо два узла — один побольше, второй поменьше.

— Уходи, обормотина бесстыжая! — буркнула недовольно София вслед гордо удаляющейся Лилиане. — Захочешь вернуться — милости просим, а больше тебе ничем не помогу.

Та ничего не сказала в ответ.

— И звереныша своего ко мне не приводит! — припечатала напоследок старуха. — Нечего!

Конечно же, ни о чем этом Лилиана дочери не рассказала. Дейна с трудом отошла от провала в столице, а тут еще непонятная злость бабушки. Иногда Лилиана совсем не могла понять свою любимую и когда-то любящую мать. Но родная кровь — не водица. Мать не проклянешь и не откажешься от нее, потому что она когда-то подарила жизнь.

С грустью поглядывая на дочь, играющую потрепанными тряпичными куклами, Лилиана даже думать боялась, насколько тяжелая судьба ждет девочку, владеющую четырьмя стихиями. Это не только дар, но и проклятие, которое позже ляжет на плечи Дейны невыносимым грузом. И все усугубится, если Дейна выберет творческий путь. Писательниц и художниц в Нордении не любили и не принимали.

В Нордении стихийная магия приветствовалась только у ведьм из дворянских семей, потому что те могли защищать королеву и принцесс, как маги-министры — самого короля. А бедная Дейна продолжала оставаться дворянкой лишь наполовину.

Осталось меньше года до принудительного зачисления Дейны в магическую школу Нортэна. Тех магов, кого не приняли в королевские академии, ждала участь обучения стандартной ворожбе. И Дейне придется скрывать три свои стихии изо всех сил, чтобы не стать жертвой охоты инквизиции, которая частенько вмешивалась в дела магов.

— Запомни, дочка, — строго и одновременно умоляюще говорила Лилиана едва ли не каждый вечер, когда они садились за стол и пили травяные чаи с фруктовыми пирогами, — ты владеешь только магией Воды. И никакой другой больше. Понимаешь, о чем я?

— Да, мама.

— Короли видят угрозу в одаренных и стараются использовать их силы для себя. Инквизиция старается подавить чародейство тех одаренных, которые остались без присмотра.

— Да, мама.

— И что бы не пели глашатаи, прикрываясь королевским именем, о свободе магов, они бесстыдно лгут.

Дейна внимательно слушала умные речи, подперев щеку ладошкой, и спросила с любопытством:

— Откуда ты знаешь об этом, мама?

— Мне... — Лилиана на несколько секунд помедлила, борясь с тошнотворными воспоминаниями, — рассказал твой отец. Он, хоть и простой князек с магией Воды, знаком со знатными вельможами.

Дейна молча кивнула. Вспомнив гневливого и злобного отца, девочка не хотела расстраивать матушку лишними разговорами о нем. Поэтому в тот вечер и в другие вечера мать и дочь не разговаривали больше ни о прошлом, ни о политике, не о родственниках. Дейна была слишком мала, а Лилиана слишком встревожена и озабочена перед туманным будущим.

Ледяные и жаркие месяцы с зимы до осени промелькнули, как одно мгновение, для Дейны и протянулись мучительно долгим временем для Лилианы. Мать работала, не покладая рук, стараясь не думать о прошлом и жить настоящим. Она лечила синяки, ушибы, ссадины и открытые раны проходящих к ней на прием людей. Обычно это были ведьмы — разных возрастов и статусов, но уже потрепанные жизнью.

В провинциальном Нортэне порядок вещей был таков, что слабым магам и колдуньям приходилось терпеть, уступать и подстраиваться под власть сильных. Здесь власть и закон принадлежали скорее мужчинам, чем женщинам. И сильные маги не собирались делить превосходство с кем-либо. Ведьмы желали сохранить за собой если не власть, то женскую силу, хитрости и тайны магии, гордость и независимость. Рано или поздно это начинало невыносимо раздражать их мужей. Особенно, если те были полукровками или вовсе лишены магии.

Поток желающих исцелить свои раны — телесные и душевные — оказался огромен. Юные красавицы, прожившие с любимыми мужчинами несколько дней и невольно оказавшиеся в лапах злобных тиранов. Молодые женщины с осунувшимися бледными лицами и маленькими детьми на руках. Непорочные девицы, избитые отцами, дядями, дедами и братьями. Молодые и старые, беременные, гонимые, избитые, все они спешили к Лилиане Гартон-Морлан.

И она, в отличие от многих других целительниц, никогда не выбирала, кто достоин помощи, а кто нет.

Госпиталь имени святой Клариссы находился через несколько улиц от дома, в котором жила Лилиана. Так сподручнее было добираться до работы. Крыло, в котором целительницы принимали женщин, было стыдливо отрезано от остального госпиталя. Единственная дорога туда лежала через узенький коридор, и чтобы получить помощь, пострадавшим ведьмам требовалось пройти по всему госпиталю. Нередко им вслед летели насмешки, свист, оскорбления и непристойности.

— Здравствуйте, — неизменно приветствовала визитерок Лилиана добрым и спокойным голосом. — Прошу вас, присаживайтесь. Расскажите, что у вас произошло?

Пока ведьмы рассказывали о своих бедах, толстая Сара — напарница Лилианы, ехидно усмехалась, поглядывая на них и скрестив руки на пышной груди. Истории чужих бед казались ей глупыми, никчемными, лишеными всякого смысла.

Узнав историю очередного ведьминского несчастья, Лилиана не упрекала и не осуждала пациенток. Протянув чисто вымытые руки к увечьям женщин, она направляла на них теплоту целительных чар. Синяки и кровоподтеки стремительно светлели, а раны затягивались.

После этого она велела напарнице заварить успокаивающий чай из сушеных трав и подать безутешной ведьме. Та выполняла поручение с настолько кислым видом, что, казалось, готова подсыпать в отвар крысиного яда, лишь бы не прислуживать «падшей женщине».

— Благодарю вас! — говорила Лилиане каждая пациентка. — Вы спасли мое тело и согрели мою душу.

— Надеюсь, вам есть, куда отправиться? — неизменно спрашивала та с улыбкой. Обычно женщины отвечали «нет» и молча уходили.

Лилиане это казалось ужасно несправедливым, но она не знала, с кем посоветоваться об этой беде. Не с Сарой же, готовой чуть ли не смеяться в лица этим несчастным!

— Глупые клуши! — заявляла напарница едва ли не каждый день. — Корчат из себя невинных овечек, а сами так бесстыже ведут себя! Подумать только, рассказывать целительнице о том, как не умеют беречь семейный очаг!

— Замолчите! — обрывала ее иногда Лилиана. — Что вы вообще знаете об их жизнях? Сара поджимала губы и ничего не говорила в ответ. В ее заплывших бесцветных глазах

плескалось подленькое ехидство.

Но обычно Лилиане приходилось помалкивать, потому что она крепко держалась за эту работу.

Дейна услышала и увидела призрака Генри за несколько дней до своего первого похода в школу.

Все дети-чародеи города поступали в большое учебное заведение под названием «Обитель чудес». Мать сказала ей по секрету, что оно подходит скорее для цирка, чем для школы, но выбора не было. Слишком маленьким был город Нортэн, чтобы открывать несколько заведений и тратить дополнительные деньги.

Она надела новенькое синее платье и крутилась перед большим и светлым зеркалом в полный рост, когда услышала за спиной потусторонний голос:

— Ты подросла и стала красавицей, Дейна.

Все внутри у бедняжки замерло, превратилось в лед, и она медленно повернулась к непонятливому призраку.

— Я же просила — не подходи ко мне сзади!

— Прости, прости... Я забыл, что не отражаюсь в зеркале, думал, ты меня видишь.

Дейна глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться.

Она и правда похорошела за последние месяцы. Из болезненной, коротко остриженной, невзрачной замухрышки Дейна Морлан превратилась в румяную веселую девочку с кудрявыми каштановыми волосами. Но неприятие внезапных окриков сзади осталось с ней после того, как один из противных дружков Пола подкрался к ней, мирно читающей книгу, и рывкнул что-то грубое над ухом. Наверное, оно останется навсегда.

— Я рада, что ты вернулся, Генри, — заявила Дейна, продолжая любоваться собой.

— Неужели тебе скучно?

— Да. Тут много книг, но с ними не поболтать и не поиграть.

— Я неважный товарищ по играм, — признался дух. — Подумать только, прошло уже восемь лет со дня моей смерти!

— А мне как раз восемь лет! Получается, ты умер, когда я родилась?

Генри промолчал, и Дейна огорченно подумала, что ее вопрос был не самым тактичным.

— Скоро тебе будет не до игр. Будешь учиться магии, грамоте, счету...

— И истории Нордении. зубрить имена королей и числа их правления. Только я их ненавижу, — простодушно сообщила девочка, заправив за ухо кудрявый локон.

— С чего столь мятежные настроения, юная дама?

— Король Бреон оказался гадким и подлым ослом. Он отказался принимать меня в академию при дворе! Только за то, что я дочь князя, а не какая-нибудь герцогиня!

Призрак надолго задумался, прежде чем ответить. Казалось, он был в шоке от услышанного.

— Понимаю твою досаду, дитя, — сказал он тихо и грустно. — Но лучше никому не говори свое мнение о короле.

Дейна развела руками, на ее красивом личике проступила досада.

— Да мне и говорить некому. Разве что маму. А мама запрещает мне ругать плохих людей, вроде бабушки.

Это замечание развеселило Генри, он надтреснуто рассмеялся.

— Вот как? Дейна, тебе придется тяжело в жизни, если ты продолжишь считать плохим каждого, кто не потакает твоим капризам.

Она посмотрела на него и надулась. А потом откуда-то нашла подходящий ответ, как показалось ей, блестящий и остроумный:

— Мама говорила мне так, Генри. Кто спорит, тот ничего не стоит.

— Значит, я ничего не стою? — уточнил призрак. — Ладно. Ты живая, тебе виднее.

— Генри!

Поздно. Оскорбленный дух мгновенно растаял в нагретом воздухе хорошо отапливаемой комнаты.

Магическая школа «Обитель чудес» находилась в двух минутах ходьбы от дома. Дейне, как и ее матери, несказанно повезло, и необходимость вставать затемно, чтобы добраться до «Обители» отпала сама собой. На этом, впрочем, все везение закончилось.

В классе оказалось двадцать человек. Десять ехидных манерных девчонок, десять шумных и злых мальчишек. Для всех них скромная и тихая Дейна стала чужаком едва ли не в первые минуты обучения. А их излюбленным развлечением стало дергать Дейну за кудрявые волосы.

По старой школе расхаживали с важным видом наставники и наставницы. Та наставница, что обучала недружных одноклассников Дейны, владела тяжелым взглядом, громким резким голосом и потрясающим умением ударить словами как можно сильнее. Впрочем, последний свой дар она использовала только в отдельных случаях, но в остальном...

«Держать себя в руках и не говорить про другие виды магии!» — твердила Дейна самой себе, когда в первый раз их подняли из-за столов и показывать преподавателям свои способности.

В ее классе преобладали дети с магией Земли, и это совсем не понравилось Хелене, их грозной наставнице.

— Бесталанный сброд! — твердила она изо дня в день. — Много ли надо умений в земле ковыряться? Ох, жаль, что сейчас смешанные классы. Надо собирать отдельно, по каждому виду магии... Отбросы пусть сидят с отбросами!

Однажды Дейна не смогла сдержать любопытство и рвущуюся наружу жажду справедливости:

— Госпожа Хелена, позвольте вопрос. А какой магической стихией владеете вы сами?

Лицо наставницы немедленно побагровело, она сверкнула гневным взглядом, но ничего не сказала и продолжила урок. До конца занятий она не смотрела на Дейну, и та решила, что сердитая женщина просто забыла о ее существовании.

Так продолжалось несколько недель. При виде любопытной ученицы Хелена недовольно поджимала губы и отводила взгляд в сторону.

Однажды Дейна вернулась домой после уроков, как обычно. Иногда мать задерживалась в госпитале, и тогда девочка обедала в одиночестве и практиковала все четыре вида магии понемногу. Она не хотела забрасывать Огонь, Землю и Воздух только потому, что этого бы хотелось каким-то незнакомым ей людям. Поднявшись по скрипучим ступеням на крыльцо, Дейна выпрямила озябшую руку и подняла ладонь, чтобы отомкнуть дверь.

Но дверь распахнулась без ее магии. И в следующий же момент знакомая морщинистая рука больно схватила Дейну за волосы, чтобы втолкнуть в дом. Дверь захлопнулась с гулким

стуком. Никто не проходил в этот момент по бедному кварталу, никто не увидел, как восьмилетнюю волшебницу швырнули на пол и как замахнулись на нее палкой.

Все, что видела Дейна — это перекошенное от гнева лицо бабушки Софии, злой блеск выцветших глаз, оскаленный рот с остатками зубов. Все, что чувствовала она — это удары, наносимые палкой, ногами и магией Воздуха. Все, что она слышала — это хриплые старческие выкрики о том, как ужасно Дейна, эта маленькая подлая гадюка, оскорбила саму наставницу, и о том, как в следующий раз бабушка София избьет ее до крови или до смерти.

Прежде чем Дейна провалилась в спасительную ровную мглу, она услышала скрип двери и увидела, как спокойно прошла мимо нее мать. Прямо на кухню, чтобы приготовить еду. Словно и не валялась на грязном полу извивающаяся от боли девочка, скрипя зубами и из последних сил не прося пощады.

— Проси прощения, дрянь такая! — хрипела оскаленная старуха в сером плаще, не уставая наносить новые удары.

Нет! Дейна с большим удовольствием лишилась сознания, нежели преклонила бы колени перед той, кто приходилась ей бабушкой по крови!

— Я с тобой, девочка, — шептал призрак Генри, прикасаясь к ладони Дейны ледяной прозрачной рукой. — Я не оставлю тебя.

И в последний момент перед беспмятством Дейне почудилось, будто старый, добрый, давно умерший друг взял ее за руку и куда-то ведет за собой.

Глава 7.1. Экзамен и прощание

Много раз за целый год Дейна пыталась забыть тот страшный день, когда ее избил родная бабушка. Нет, не бабушка — старая злыдня с всклокоченными седыми волосами и гнилым оскалом! После этого она очнулась на своей кровати, укрытая легким покрывалом, и слушала, как равнодушно и холодно разговаривает с ней мать.

— Ты не смеешь оскорблять учителей и наставниц, Дейна. Ты — никто в нашем мире. Думаешь, тебе под силу тягаться со взрослыми магами, раз уж смеешь им грубить? Ошибаешься.

Дейна закрыла глаза и получила легкий шлепок по руке.

— Спать будешь потом, — сказала Лилиана все также равнодушно и жестоко. — Я очень в тебе разочаровалась. Если еще раз повторится такое, сама тебя избью. Сильнее, чем бабушка. Ясно?

Смысл материнских слов ускользал, голова шла кругом, сознание медленно уплывало в серый туман беспмятства. Дейна хотела, было, ответить что-нибудь насмешливое или остроумное, но просто потеряла сознание. Такое уже было, когда на нее упало подпиленное дерево. Но тогда все жалели девочку, а теперь ее все ненавидят.

Очнувшись в одиночестве и в том же положении, Дейна долго плакала, пока не уснула, а затем проснулась с головной болью. И вся ее жизнь, протекающая до бабушкиного визита, продолжалась. Мать ничего не говорила об этом, словно никто не напал на ее дочь. Но одна радость — бабушка София больше не приходила в их дом даже по праздникам. Дейна не знала, кого за это благодарить: то ли мать, то ли бабушкину ненависть к внучке.

Постепенно лед в отношениях между матерью и дочерью растаял. Кажется, Лилиана перестала считать Дейну лентяйкой, непроходимой тупицей и хамкой. Но сама Дейна не была уверена в этом до конца, а в чем-то и сама разочаровалась в матери, которая раньше казалась ей самой прекрасной и доброй женщиной на всем белом свете.

В «Обители чудес» Дейне приходилось так же учиться всем стихиям и при этом

вынужденно лгать о том, что она владеет лишь одной Водной магией. Это было логично, родители девочки обладали тем и же знаниями, поэтому никто никаких каверзных вопросов не задавал. Даже злоющая Хелена.

И несколько мучительно долгих холодных месяцев прошли не так плохо, как боялась Дейна.

Генри появлялся, когда Дейна страдала и исчезал, когда она радовалась. А у девочки было слишком много хлопот и забот с занятиями, чтобы думать о причинах призрака так поступать. Может, она и впрямь слишком сильно его обидела? Но прошло уже столько времени...

Несмотря на все пережитые горести и тревоги, Дейна закончила свою первую маленькую и определенную цель — прошла первый класс школы «Обитель чудес». Когда наступило лето и прошел единственный экзамен, она не испытывала ни страха, ни тревоги, ни желания кому-нибудь угодить.

Всего классов в «Обители» десять. После каждого ученики сдают на один экзамен больше, чем в предыдущий. Чтобы получить диплом об окончании магической школы, нужно сдать десять экзаменов хотя бы на удовлетворительные баллы. Четыре магические стихии — первые из основ обучения. Следом за ними шли грамота, письменность, счет, землеописание, история Нордении. В королевских школах там были еще фехтование, верховая езда, танцы, и много чего другого. Простой девчонке из бедного квартала этого не постичь.

Поэтому каждый день ей приходилось посещать простенькую школу.

Экзамен Дейна сдала играючи. Всего-то нужно наколдовать водную змею — чем длиннее и толще, тем лучше. Многие бы девочка отдала, чтобы эта змея обрушилась на головы мальчишек — ее обидчиков. Жаль, что злая Хелена и еще несколько наставниц строго наблюдали за каждым движением учащихся.

— Они боялись магических выбросов, — спокойно объяснила дочке Лилиана, когда та, уставшая и измотанная чародейством, вернулась домой и пожаловалась на беспричинный контроль со стороны. — Не принимай близко к сердцу, лучше иди пить чай.

Влажную душную весну сменили жаркие летние деньки.

Незадолго до девятилетия Дейны Генри вернулся. Выплыл из стены в двадцать третий день месяца Сикстиса и дотронулся прохладными пальцами до ее лба. Она проснулась не сразу, сперва поворочалась и только потом открыла глаза.

— Ты? — зевнула девочка, прикрыв рот ладошкой. — Удивительно...

— Что, думала, я больше не вернусь?

— Кто тебя знает. Ты странный дух, и даже не желаешь рассказать, от чего умер. Ты обиделся на меня, а я на тебя, — сообщила Дейна и вылезла из постели в одной ночной сорочке.

В летние дни занятий в школе не было. Мать успела уйти на работу и оставила Дейне холодное молоко в глиняной кружке, накрыв куском хлеба. Шлепая по деревянному полу босыми пятками, она добралась до завтрака и съела его сразу же, а потом вытерла рукавом молочные следы с губ.

— Хоть бы переделалась, — посетовал Генри, вползая на кухню следом за ней.

— А мне и так хорошо! — бойко ответила Дейна.

И показала ему язык.

Призрак тяжело вздохнул.

— Так ты считаешь, что я скрываю от тебя подробности смерти, маленькая стихийная ведьма? Хорошо, будь по-твоему. Меня убил твой отец.

Похлопав удивленно серыми глазами, Дейна засмеялась.

— Глупости! Мой отец — князь, он никогда не убивал людей! Он даже не воевал, хотя идет война!

И снова Генри исчез.

Девочка растерянно посмотрела по сторонам, обошла несколько комнат, словно призрак мог спрятаться где-нибудь, но от него не осталось ни следа. Это хорошо или плохо? Чем старше она становилось, тем реже видела Генри. Почему же так? Может, призрака все сильнее утягивает за Грань?

Но ничего. Это не страшно. Послезавтра у нее, у Дейны Морлан, наступит день рождения. И мама испечет фруктовый пирог со сливками, сделает горячий шоколад, соберет гостей. И бабушка тоже придет. Это обстоятельство немного расстраивало девочку, она боялась, что злая София набросится на нее прямо перед всеми гостями, если ее что-нибудь не устроит в поведении внучки. А родная мать снова не заступится.

Несмотря на все опасения Дейны, праздник прошел мирно и спокойно. Никто не ругался и не обижал ее, а мама даже подарила подарок. Толстую книгу в цветном переплете, с острыми уголками. А какая тут была бумага! Белоснежная, с опасно режущими гранями. Таких даже в школе не было. Только почему-то у Лилианы пропала ее любимая голубая шаль.

Подлец Генри впервые не появился, чтобы поздравить Дейну с праздником.

Позже, с легкой горестью думая над причинами такого его поведения, Дейна так ничего и не поняла. Зато стало чуть яснее, почему ее так расстраивают призрачные выходки. Просто она видит в нем отца. Шутящего, веселого, доброго и очень некстати исчезающего.

Каждый вечер перед сном, после обязательной молитвы Стихийным Богам, Дейна обходила комнату, пока мать мыла на кухне посуду в тазу, и шептала:

— Генри, прошу вас, вернитесь! Обещаю вам быть хорошей девочкой и не дерзить. Не высмеивать вас. Не грубить и не делать того, что вам неприятно.

Но каждый раз ей отвечала мрачная тишина. И в конце концов Дейна смирилась с тем, что Генри больше не придет. Теперь ей всегда придется жить с непредсказуемой мамой и злой бабушкой, а в школе отбиваться от задиры и забияка. Не то, чтобы Дейну это пугало, но не вызывало никакого воодушевления в юной душе.

Чего бы ей хотелось?

Над этим девочка иногда задумывалась. По рождению она считалась боевой ведьмой, но по норденийским законам принимать болезненную ведьму даже в юношеские отряды никто не собирался. Что с того, что ей подвластны все стихии? Раз она лишена хорошего зрения, необщительна, задумчива, ей не место в элитных кругах норденийской знати. Будь ее матерью не Лилиана, а какая-нибудь нежная беловолосая дворянка, отношение к самой Дейне повернулось бы в иную сторону.

Но толку думать об этом нет. И поделиться не с кем.

— Ты никогда не думала заняться писательским делом?

С этими словами Генри вплыл в пустую, залитую прохладным солнцем ускользящего лета, комнату, куда Дейна вприпрыжку бежала, закрыв за матерью дверь.

— Да где же ты? Дейна? Дитя!

Замогильный тяжелый голос сложно было не услышать из коридора, и поэтому Дейна от радости прибавила шагу, чтобы поскорее увидеть призрака. Но совершенно забыла о фарфоровой чашке с чаем, которую несла в комнату, и, запнувшись об оставленные на ходу башмаки, упала. Горячая хрупкая посуда немедленно выскользнула из рук. Девочка попыталась удержать равновесие, но рухнула прямо на осколки.

Из комнаты выплыл Генри.

— Я так и знал, что тебя нельзя оставить одну.

— Можно! — возразила Дейна и неуклюже поднялась. — Пустяки, только юбка порвана и испачкана.

— Разве не ты обещала мне быть хорошей девочкой, когда молилась?

— Обещала, но ты не приходил.

И Дейна направила магию Воздуха сначала на осколки, собирая их в угол коридора, а затем — на испорченную юбку, чтобы высушить. Дырки придется потом залатать. И, чувствуя себя героиней, она прошла вслед за Генри. Про чай пришлось забыть.

— Мне скучно без тебя, — заявила девочка, усаживаясь на диван. — Почему ты пропадаешь?

— Боги все чаще призывают меня за Грань, — пояснил призрак. — Я не солгал. Меня и правда убил твой отец. Между нами случился спор, а он не желал признавать свою неправоту. Замечаю в тебе ту же губительную черту.

Дейна нахмурила светлые брови и стукнула кулаком по старому бархату дивана.

— Он не мог! Он и мухи не обидит!

И Генри сдавленно рассмеялся:

— Насекомых княжич Морлан действительно не обижает. Но он бил твою мать и похищал тебя, если ты все еще помнишь.

— Помню, — буркнула Дейна, недовольно посмотрев на пол.

— Если хочешь, я устрою вам встречу. Пока меня еще не забрали за Грань, это в моих силах.

Поджав губы, Дейна промолчала и опустила голову, чтобы призрак не увидел, как по ее щекам тихо катятся слезы. Слишком больно оказалось поверить в причастность отца к тяжелому преступлению, как и в то, что детство однажды закончится. В детстве Дейна много и часто плакала, но сейчас хотела сохранить спокойствие и уверенность.

— Я не хочу, — сказала она наконец дрожащим голосом. — Просто... не оставляй меня, Генри.

— Ни одна душа не может задержаться навечно здесь.

— А ты не навечно. Когда я умру, мы уйдем вместе за Грань.

Она думала, что Генри засмеется, но он только отвернулся к стене и молчал около двух минут. Это было невыносимо долго. Дейна уже приготовилась к исчезновению призрака, когда Генри снова заговорил:

— Тебе слишком рано думать о смерти. Не торопись в нее.

Девочка пропустила просьбу мимо ушей.

— Когда ты уйдешь?

— До твоего десятого дня рождения меня уже здесь не будет.

Ничего не ответив, Дейна закрыла лицо руками и разрыдалась. Ее плечи мелко дрожали, и девочка не сразу ощутила влажную затхлость присутствия Генри рядом. Он

уселся рядом с ней на диван и обнимал за плечи — как никогда не обнимал родной отец. И с этим чудесным, пусть даже мертвым человеком, ей предстоит расстаться! Невозможно! Богов не существует, если такое позволено свыше!

— Послушай меня, — впервые за все время их знакомства голос призрака звучал почти как живой. — После меня у тебя будут другие потери в жизни. Придется закалить свое юное сердечко, чтобы боль и страдания не разрывали его постоянно на части.

Дейна всхлипнула и опустила руки. Посмотрела на Генри из-под густых ресниц и пелены слез, застилающих глаза.

— Открою секрет, — сказал он глухо. — Когда я уговорил тебя лезть на подпиленное дерево, я ждал твоей смерти. Эта громада должна была размозжить тебе голову. Так я бы отомстил княжичу за свое убийство. Но когда ты выжила и осталась почти невредимой, я понял: в тебе есть огромная, живая, сокрушительная сила. И ты справишься со всеми невзгодами, которые сначала покажутся непреодолимыми.

Дейна молчала, продолжая смотреть в прозрачное умное лицо. Ее продолжали душить слезы, а сказанные призраком слова больно ранили в самую глубину души.

— Пиши истории, дитя, — закончил Генри свою короткую и страшную речь, поднявшись с дивана. — Тренируй свои стихии. И веди себя с сильными мира сего осторожно и сдержанно, чтобы не подвергнуться моей участи. Вот и все, что я должен сказать напоследок. А теперь прощай, Дейна Морлан.

Сказав эти слова, он медленно растворился в воздухе, чтобы никогда больше не возвращаться в мир живых.

Дорогие читатели, я прошу вас оставлять отзывы. Мне важно знать, как идет работа, со стороны.

Глава 7.2. Атака на мир

Первые несколько недель после стремительного исчезновения призрака Генри Дейна была сама не своя. Она не хотела есть привычно любимую еду — овсяную кашу с брусничным вареньем, чем вызвала у матери подозрение в болезни. Немудрено. Дейна стала худой, бледной, рассеянной и встревоженной. Вздрагивая от любых тихих звуков, она надеялась в глубине души, что Генри затаился где-то в тихом углу комнаты и выжидает подходящего момента, чтобы напугать ее. Подойти сзади, как он любил это делать, сказать остроумную шутку или умные слова, а потом веселиться над ее испугом.

Благодаря теплоте лета и беззаботным дням отдыха Дейна смогла довольно быстро пережить случившееся. Время от времени ее так и подмывало рассказать матери о призраке. Но призраков видят обычно либо очень старые люди, потерявшие родственников, либо утратившие рассудок. Дейна боялась в глубине души, что ее причислят к последним, и поэтому держала язык за зубами. Но однажды, когда Лилиана была настроена благодушно и кормила птиц, прилетевших к разбитому возле дома палисаднику, осторожно спросила:

— Матушка, могу ли я спросить вашего совета?

— Что? Да, конечно. Спрашивай!

Лилиана Гартон-Морлан была одета в легкое голубое платье с короткими рукавами, и белый чепец. Сидя на узенькой скамейке, она подставляла лицо жаркому полуденному солнцу и бросала голубям, воробьям и синицам понемногу хлебные крошки и семена. Дейна же прислонилась к толстому стволу многолетнего дуба и пряталась в тени его темно-зеленой кроны.

— Я написала небольшой рассказ, — начала издали девочка. — Про призрака, который являлся к одной молодой особе и постепенно втерся к ней в доверие. Он заменил ей отца, которому не было до нее никакого дела.

— Так-так, — протянула мать. — Интересно.

— А потом он сказал ей, что хотел ее убить в первые дни их знакомства, — с трудом закончила Дейна коротенькую трагическую речь. — И ушел. Навсегда. За Грань.

У нее запершило в горле и защипало в уголках глаз. Но Лилиана все так же любовалась зеленью, цветами, птицами, не замечая упавшего настроения дочери.

— Мама, вы слушаете меня?

— Да, дорогая. Ну... Я думаю, что призрак так сделал не по своей воле. Боги не позволяют душе находиться между жизнью и смертью слишком долго, — объяснила Лилиана, подтверждая худшие опасения Дейны.

— Понятно... — протянула та, силясь скрыть боль за звонким голосом.

В тот день Лилиана так радовалась теплой погоде и спокойному дню, что не обратила внимание на слова дочери, и быстро забыла об услышанном. Когда ребенку всего девять лет, у него не может быть ни проблем, ни страхов, ни горестей — с этим убеждением в семье Гартон выросло много поколений женщин и мужчин.

Они жили довольно мирно и радостно. После того, как бабушка София перестала посещать уютный домик своей дочери, а призрак Генри исчез навсегда, у Дейны было некоторое время и на радость и на печаль. Но потом она увлеклась книгами, найденными в старом, разохшемся шкафу хозяйки дома. Мать наказала ей обращаться с ними как можно аккуратнее, но Дейна и без того умела переворачивать желтые хрупкие страницы медленно и держа двумя пальцами.

Сколько десятков лет эти пыльные фолианты томились в шкафах? Читал ли их кто-нибудь?

Многое было написано непонятными взрослыми словами, и приходилось делать выводы об их значении только по смыслу фраз. А повторять некоторые фразы и вовсе было страшно. Еще призовешь кого-нибудь жуткого, прилипчивого, опасного из-за Грани. Об этом мать тоже предупреждала Дейну, поэтому она даже не пыталась читать книги вслух.

А Генри не обманул ее. Он и правда не вернулся, даже в те два раза, когда Дейна была опечалена плохим настроением матери. Видимо, за Гранью держат насильно, не позволяя покидать это место слишком долго и слишком часто.

— Мама, а ты была за Гранью? — задумчиво спросила однажды Дейна, когда они сидели за кухонным столом и пили травяной чай.

На этот раз без пирога. Слишком мало осталось в семье денег, потому что мама купила дочке новую шубку, а себе новую шаль. Теперь им приходилось экономить на каждом куске, каждом глотке и каждом часе сна.

Лилиана вздрогнула и чуть не выронила чашку.

— Ну и вопросы у тебя!

— Я просто много думаю о Стихийных Богах, — поспешно сказала Дейна, больше всего испугавшись того, что сморозила несусветную глупость. — Это ведь они построили Грань между живым и мертвым мирами. Нам рассказывали в школе.

Лилиана помрачнела и опустила голову. Ее побледневшее лицо закрыли волнистые каштановые волосы.

— Никогда я не была за Гранью, — сказала она глухо. — Только там томится душа моей

сестры-близнеца. Она прожила несколько дней, а я уже тридцатый год отчитываю.

— Мама! — воскликнула Дейна, пораженная до глубины души. — Прости меня за такой вопрос!

— Ну что ты, дочка... Не стыдись. Ты должна была узнать о том рано или поздно. Лучше знать и уметь говорить, чем пытаться забыть, но тосковать об утрате. Твоя бабушка выбрала второе.

Дейне опять стало стыдно. Бабушка потеряла дочь, и, наверное, уже тогда стала сходить с ума от чувств вины и горя. Интересно, как узнала мать о своей сестричке, если бабушка старалась не говорить об этом? Неужели сомнительные доброжелатели, вроде Генри?

— Кстати, мама, — невольно сорвалось с уст. — Меня хотел убить призрак.

Лилиана успела глубоко задуматься о чем-то, попивая чай, и пропустила слова дочери мимо ушей.

— Мама!

— А? Что? — переспросила рассеянно женщина и бросила быстрый взгляд на окно, за которым стремительно темнело. — Совсем поздно. Нам с тобой пора спать, а то придется жечь свечи. Их осталось слишком мало.

Послушно кивнув, Дейна допила чай и помогла матери убрать со стола, а потом пошла в постель.

На душе у нее скребли кошки. Горло пребольно царапала досада. Мама захотела поделиться рассказом о своей сестре, но не пожелала слушать о бедах Дейны. Это напомнило девочке случай, когда Лилиана прошла мимо в памятный день избиения. Равнодушно, неторопливо, постукивая каблуками туфель по деревянному полу.

Когда мать пожелала спокойной ночи, Дейна отвернулась к стене, засопела и притворилась спящей.

— Спокойной ночи, — повторила Лилиана и легла в свою постель. — Спи сладко, дочь. Завтра к нам придет бабушка София.

Дейна скорчила гримаску, глядя в темную стену. Нет, эта ночь спокойной точно не станет.

Бабушка и правда приехала в полдень следующего дня. Посвежевшая, радостная, улыбчивая и удивительно добрая, она принесла подарок для Дейны — большую толстую книгу в переплете из серой кожи.

— Драконья кожа, — похвасталась она, любовно поглаживая книгу по корешку морщинистыми пальцами. — Обращайся с ней аккуратно, не рви и не пачкай. А то прилетит дракон и сожрет тебя!

— Матушка! — возмутилась Лилиан. — Что вы такое говорите?!

Вместо ответа бабушка хмыкнула, и сразу пошла на кухню.

— Дурные толки идут по городу, дочка, — сказала она негромко, а потом присела на стул. — Ох, ноги старые, не держат. — Так вот, говорят, будто ты дурно влияешь на женщин.

— Я их осматриваю и прописываю лекарства от побоев. Исцеляю раны, залечиваю синяки, — сказала Лилиан, доставая ухватом пирог из печи.

Дейна каким-то образом оказалась у нее за спиной, и на девочку дохнуло красным жаром. Она тут же велела огню остыть, чтобы не обжег руки ее матери. Та, не заметив добродетели, обошла дочку и поставила горячий пирог на противень, накрытый мокрой тканью.

— Пусть остынет.

— Пусть-пусть, — кивнула старуха. — Садитесь обе. Хоть посмотрю на вас напоследок.

У Лилианы сверкнули глаза, начали раздуваться от гнева ноздри.

— Что значит — напоследок?

— А то. Оскорбленные богатеи пишут мэру кляузы. Мол, ты сама разведена с мужем, и поучаешь других женщин не подчиняться мужниной власти. Они скверно себя ведут. Не заботятся о детях, становятся одержимыми магией... Ты огонь-то свой не раздувай, раз не Водная ведьма. Знать, какая-то колдунья у нас в роду с драконом-оборотнем согрешила.

— Согрешила... — медленно повторила Лилиана, кусая губы. — Да нет, вздор какой!

— Откуда тебе знать, вздор или нет? Тогда и моей матери не родилось.

— Я не о драконах! — решительно отрезала Лилиана и вскочила на ноги, забыв про пирог. — Про мэра. Неужели у него нет более важных дел?

Старуха с невозмутимым видом развела руками:

— Откуда мне знать? Я с ним дружбу не водила.

Дейна слушала слова матери и бабушки с широко раскрытыми глазами. Она старалась смотреть на дымящийся пирог, чтобы ее не стали ругать за излишнее любопытство. Маленьким девочкам ведь не подобает проявлять сильный интерес. А также нельзя плакать, злиться, громко кричать и привлекать к себе внимание другими способами.

Ее мысли и разговоры бабушки с мамой прервал громкий и частый стук в дверь.

Бабушка охнула, закрыла глаза и положила сухонькие ладони на колени. По морщинистому лицу покатились слезы.

— Вот и началось... — прошептала она хрипло и чуть слышно. — Моего отца так же забрала инквизиция за маленькую неосторожность. Держись, дочка...

Лилиана мрачно посмотрела на нее, встала и пошла открывать двери дома.

Пока они с бабушкой сидели в кухне, Дейна замерла на месте и боялась издать хотя бы один звук. Она старательно вслушивалась в материнский голос — громкий, встревоженный, почти злой. Детское сердечко отчаянно колотилось, а пальцы вцепились в подлокотники старого кресла, в котором сидела Дейна.

Потом раздался скрип двери и испуганный, умоляющий голос незнакомой женщины. Дейна напрягла слух.

— Умоляю вас, дорогая Лилиана! Вы, меня, наверное, не запомнили...

— Если честно, то нет...

— Я — жена мэра города, Лусия Кроант. Сегодня с детьми мне пришлось сбежать из дома, от его жестокости и гнева... И я шла, куда глаза глядят. Отправиться мне некуда, но я случайно узнала ваш адрес от экономки... Она дружна с хозяйкой дома...

Сбивчивые фразы дополнялись детскими всхлипами и завываниями. Дейна встала, осторожно, на цыпочках прошла мимо бабушки и выглянула в коридор через щелочку между дверью и косяком. Там, возле порога, в полумраке коридора виднелись четыре силуэта. Два женских и два детских. Госпожа Лусия привела с собой мальчика и девочку двух-трех лет. Они хотели есть, спать, и ничего не понимали.

Лилиана обернулась и увидела подсматривающую дочь.

— Дейна! Неси сюда свечи! А потом доставай одеяла. Будем стелить постели на полу. Наши кровати уступим гостям.

— Хорошо... — протянула растерявшаяся девочка.

Чувство близкой опасности подстегнуло ее, и Дейна метнулась в комнату. Свечи,

огниво, одеяла, может быть, понадобятся еще ее старые куклы? Она не играла в них уже два года, но мать отчего-то не избавилась от дешевых тряпичных человечков. И это к лучшему. Сейчас они напоят чаем бедную женщину, теплым молоком — ее детей, а потом Дейна прочитает им напоследок сказку.

Или две сказки.

Лишь бы бабушка не напугала бедняжек своими безумными воплями. Но если она только вздумает поднять на них руку, Дейна закроет малышкой собой! Ей не было жалко себя, лишь бы с малышами ничего не случилось!

Полная решимости, она разложила одеяла на полу, а сама понесла на кухню свечи. Там уже суетились оживившаяся бабушка и мать, накрывая стол для большого чаепития. Детей — Арона и Миру — усадили в широкое старое кресло, где только что сидела Дейна.

— Это моя дочка, Дейна, — сказала Лилиана с улыбкой, поставив перед дрожащей гостьей в светлом платье большую красивую чашку. — Дейна, поклонись госпоже Кроант.

Дейна собиралась почтительно склонить голову, но темноволосая госпожа с красивым заплаканным лицом остановила ее жестом руки.

— Не стоит, крошка. Я более не собираюсь оставаться ему женой. И сделаю все для развода. Спасибо вам. Спасибо... что приютили...

Интересно, когда Лилиана начнет расспрашивать об обстоятельствах? Дейна ждала вопросов от матери к госпоже Кроант, но через минуту произошли две неожиданные вещи.

Сначала раздался оглушительный и требовательный стук в дверь. Опять. Бились несколько человек, ударяя в крепкое дерево кулаками и носками сапог.

— Откройте! Именем короны, мы приказываем, открывайте дверь!

А потом Дейна случайно посмотрела на заматавшуюся в ужас Лусию Кроант и заметила на левой щеке, до этого скрытой тенью, крупный темный синяк.

Дорогие читатели, если вам нравится история, я прошу вас ставить звездочки и оставлять комментарии. Это мотивирует меня писать активнее. Заранее спасибо!

Глава 7.3. Старый замок

Чем отчетливее и громче становились стуки в дверь, тем сильнее Дейна осознавала: в мире существует куда больше проблем и несчастий, чем исчезнувший призрак и немилость бабушки. Незнакомые люди, представляющиеся городской стражей, ломались в дом и хотели неизвестно чего.

Хотя в первые же минуты их цель стала ясна.

— Они пришли за мной! — испуганно прошептала госпожа Лусия, с ужасом оглядываясь на прикрытую дверь кухни. — Молю вас, не выдавайте меня! Или хотя бы спрячьте детей...

— Спокойно, госпожа Кроант! — выпалила Лилиана, сосредоточенно вслушиваясь в каждый стук и крик. — Мы спасем всех. Только скажите, вы умеете прыгать из окон?

— Что?..

— Первый этаж, госпожа. Не пугайтесь. Дейна, — обратилась Лилиана к посерьезневшей дочери, — найди в кухонном шкафу моток веревки. Я спущусь с детьми.

Между тем входная дверь затрещала под крепкими ударами кулаков и сапог. Казалось, еще немного и ее выбьют либо сорвут с петель. Дейна рылась в шкафу, но ничего не могла найти, за что получила немедленный нагоняй от матери.

— Давай быстрее! Что сложного в поисках веревки?! Отойди-ка, я сама все сделаю! Бери детей и беги!

Бежать предполагалось через подвальное помещение. Вход в него находился в полу: если сдвинуть тяжелую крышку люка, можно спуститься вниз, в обитель затхлости, забытых котлов и ингредиентов для ведьминских зелий. Иногда мама варила их на продажу, чтобы свести концы с концами зимой. Выход из подвала находился у противоположной подвальной стены. Маленькая, незаметная дверь, крутая лестница, и, если по ней подняться, очутишься на заднем дворе. А там небольшая калитка.

Все это чудесно, если только стражники не оцепили дом. В противном случае им не сбежать.

Лилиан открыла люк. Дейне вручили тяжелый фонарь, и она стала спускаться по лестнице, в прохладную пугающую мглу. Когда девочка добралась до середины лестницы, на первую перекладину поставили маленького Аристарха Коанта.

— Принимай ребенка! — раздался сверху напряженный голос матери.

Дейна помогла испуганному малышу спуститься. А потом оставила на каменном полу фонарь и полезла обратно, за малюткой Клое.

— Всех собрала? — спросила мать.

— Да!

— Отлично, тогда иди с детьми на задний двор. Там и встретимся. Они выламывают дверь!

— Хорошо, мама.

Глубоко вдохнув сырой воздух, Дейна взяла одной рукой фонарь, второй — двухлетнюю Клое за руку, а Аристарху велела идти за ней рядом и не плакать. Сомнительное, конечно, предложение. Мальчик беспокойно оглядывался по сторонам, хмурил темные бровки и готов был разреветься в любой момент. Еще бы — столько жутких приключений за один день, для неокрепшей души...

— Если тебе страшно, то ты можешь поплакать на улице, — предложила Дейна. — Потерпи еще немного. Мы скоро пойдем гулять.

Эта неуверенная речь не слишком воодушевила ребенка. Но всхлипывать и завывать он начал только, когда они все оказались на заднем дворе, миновав маленькую дверцу. Здесь уже находились обе матери, и, казалось, что опасность позади. Но даже за пределами калитки беглецов могла поджидать стража. Все это понимали, но не обсуждали вслух.

Синие сумерки сгущались, теплый ветер обнимал за плечи всех, кто покинул дом. Летняя черная ночь стремительно вступала в свои права.

— Вы мои храбрые крошки! — растрогалась госпожа Лусия, обнимая молчаливых детей.

— Нам надо уходить, — поторопила ее Лилиан.

— Да... да, конечно. Пойдемте, дети.

— Мама, а где бабушка София? — зачем-то спросила Дейна, оглядываясь на дом.

— Тебе-то что? — невесело усмехнулась мать. — Ты же ее ненавидишь! Бабушка осталась. Будет отвлекать стражу, пока мы убегаем.

Разговаривать больше не имело смысла, хоть и на душе у Дейны сразу стало горько и обидно. Едва речь заходила о бабушке, мать всегда считала необходимым уколоть ее. Но как можно заставить любить неприятного человека? Сама мама разлюбила отца, а теперь требует от дочери невозможного... Все эти мысли беспрестанно крутились в голове Дейны, когда они все уходили прочь от дома.

Вот и улица позади, и квартал. Жиденький желтый цвет невзрачных фонарей

расплескался по серым камням улицы, а свой фонарь им пришлось погасить. Беззвездное черное небо жестоко нависло над путниками, словно сама природа состояла в сговоре с врагами. Госпожа Лусия вела за руки своих детей, а Лилиана подгоняла отстающую Дейну.

Промедление было равносильно провалу. Казалось, еще несколько шагов вперед, и из-за угла вывернет любопытный констебль.

Между тем Лилиана явно знала, куда идти, но сказала об этом не сразу.

— Госпожа Лусия, вы знаете про заброшенный замок Аррана?

— Д-да...

— Мы идем туда. Официально там никто не живет, но в последние месяцы я обустроила несколько комнат. Хочу сделать приют для ведьм, которым некуда податься. И для всех прочих женщин — тоже.

Дочь и госпожа Лусия воззрились на нее с огромным удивлением.

— У меня неплохо работает дар предвидения вместе с целительством. Я знала, что однажды кто-нибудь обратится ко мне за помощью, и была готова.

— Мама, а мне ты ничего не говорила, — пожаловалась Дейна.

Она не ожидала подобной храбрости от матери, которая бесперстанно твердила, что им, одиноким ведьмам, следует сидеть тише воды и ниже травы.

— Конечно. Я никому не рассказывала. Это слишком тайные сведения.

Остаток пути Дейна смотрела на мать с восхищением.

Старая София осталась в полном одиночестве и немедленно начала действовать. Для начала она сбросила со стола три чашки с чаем, которые не следовало видеть страже. Звяк! Дзынь! Бряк! Великолепный старинный фарфор превратился в жалкие осколки, хрустящие под ногами, а бурые лужицы чая находчивая София залила водой, направив прозрачную струю прицельно на чайники. Их разметало по разным углам кухни, так и не поймешь в полутьме.

Где-то в прихожей с грохотом рухнула выбитая дверь. Ироды! Ломать ведь это не строить.

— Именем короны вы все арестованы!

С этим возгласом в кухню ворвались, громко топая, бравые молодчики в красно-синих мундирах. Личная стража мэра, храбро охотившаяся на женщин и детей.

София отпила свой чай и оглянулась на застывших в дверном проеме мужчин. Их предводитель — рыжий типчик с короткой густой бородой — ворвался в кухню и окинул ее быстрым, хищным взглядом.

— Добрый вечер, — сказала старая женщина не без фальшивого удивления. — У вас что-нибудь случилось? Я могу оказать помощь представителям власти?

— Можете! — гаркнул рыжий.

— Для начала представьтесь, молодой человек.

— Николас Орион, — неохотно ответил тот. — Нам нужны Лусия Коант и Лилиана Морлан.

По своему жизненному опыту София знала, что разговаривать с представителями власти надо спокойно и уверенно, без тени злости и насмешки. Особенно, когда лжешь им.

— Я не знаю Лусию Коант. И Лилиану Морлан — тоже. Есть только моя дочь, Лили Гартон, но она сейчас в отъезде. Поручила мне следить за домом. Вот, таскаю сюда старые кости через два дня на третий. Чай пью. Только руки магию не держат, посуду разбила

сегодня, воду пролила, старая тетеря...

На лице рыжеволосого стража появилось беспокойство. Он боялся поверить услышанному.

— Как надолго она отбыла? Куда?

— Не имею ни малейшего понятия, — любезно сообщила старуха. — Видите ли, моей дочери уже четвертый десяток, и у меня нет намерений за ней следить.

— Ваша дочь развращает приличных женщин! Навязывает им дурное влияние! Ваша дочь разведена, и это плохо сказывается на стихийных ведьмах!

— А я вдова, — спокойно заметила София. — И пока еще в моем квартале не нашла богатых старух, готовых поддаваться плохому влиянию. Здесь их тоже не сыскать. А жаль.

Несколько минут страж Орион молча смотрел на собеседницу, и его хищный стальной взгляд пылал от досады. А затем он развернулся и резко махнул рукой, давая знак своим людям:

— Уходим!

— И поставьте на место дверь! — припечатала им вслед София. — Или вас хозяйка к ответу призовет!

— Пришлем мастеров! — глухо ответил Орион на прощание.

Мать не разрешила Дейне пойти вместе с ней в замок, несмотря на все детские уговоры, и оставила одну, возле высоких черных дверей. Где они находятся и в какой местности, осталось неясным. Дейна просто шла вперед — по камням, мягкой земле, мосту. Перевалило за три часа ночи, горизонт чуть-чуть посветлел, и тогда они оказались возле заброшенного замка.

Механизм, поднимающий мост, оказался сломан, поэтому они так легко добрались до главных ворот — тоже заброшенных, открытых и никому не нужных.

— Останешься здесь, девочка. Будь начеку. Если что, колоти палкой вот в эти ворота, — давала ей наставления мать, укачивая на руках уснувшую Клое. — Я провожу госпожу Лусию и вернусь обратно. А ты никуда не уходи и ни с кем не знакомься.

— Хорошо! — пообещала Дейна. — Если меня схватят, я буду молчать!

На это мать ничего не сказала, и увела госпожу Лусию с детьми в замок.

Дейна осталась одна. Она бродила туда-сюда между густыми зарослями кустов цветущего шиповниками, молодыми дубками и дикими мелкими розами. Черное небо озарила запоздалая серебристая луна, выглянув краешком из-за туч. Это очень редкое явление, обычно либо рассвет, либо ночное светило.

Наконец, через некоторое время из замка вышла Лилиана. Она была добра, весела, шутила и смеялась. Она взяла дочь за руку, и вдвоем они направились обратно, в оставленный дом.

Глава 8. Поверженная волшебница

Остатки лета и второй класс прошли незаметно, в тревогах и суете. Сначала Дейна боялась, что в их дом вломится городская стража, потом просто вздрагивала от каждого шороха, и только к концу следующего лета ее тревога улеглась.

Новый учебный год в «Обители чудес» не предвещал ничего хорошего. Одноклассники Дейны повзрослели на еще один год и стали злее, сильнее, ожесточеннее. Она так и осталась маленькой забитой девочкой, вжимающей голову в плечи при любом резком звуке за спиной. Для сохранности ее тайны это было скорее хорошо, чем плохо. Только один вид ее

щуплой фигурки подстегивал обидчиков бесцеремонно лезть со злыми шутками и толчками.

Хорошо, что не с магией.

Дейна уже знала, как наколдовать огненный шар, как направить струю воды на кадку с жаждущим цветком, как одним движением руки вскопать грядку. Только Воздушная магия давалась ей пока не очень хорошо. Мама ее успокаивала словами, что ее используют только боевые ведьмы, а Дейну в их число точно никто не примет, даже когда она вырастет. Болезненные девочки и девушки нужны, чтобы сидеть дома, готовить обед и зашивать одежду.

Мать хотела успокоить ее, но от таких речей Дейна чувствовала себя дурно и скверно. Тяжело быть недостойным ребенком, без друзей, но с плохим здоровьем. Бабушка еще в свои короткие визиты утверждала, будто у Дейны поганый характер.

Поэтому девочка была по-своему рада вернуться в школу. Полдня незаметно обучаться магии, вдали от чужих злобных глаз — это ли не счастье? К тому же она уже успела привыкнуть к тяжелой учебной рутине.

Когда хотелось бегать по лужам, смеяться и наколдовывать дождик с радугой, приходилось сидеть за партой, опустив голову, и скрипеть пером, выводя несложные формулы алхимические формулы. Или, если госпоже Хелене не понравилось написание какого-нибудь символа, выводить его аккуратно, по сорок раз, пока не перестанут разгибаться пальцы. Или устно перечислять названия ингредиентов для определенных зелий.

— Планета Ауран управляет золотом! — звонко чеканила Дейна, пока окружающие дети кривили рожицы в ее адрес. — Аргентия управляет серебром. Рэтрэн — медью. Алмар управляет ртутью. Энират...

— Достаточно! Очень хорошо, но слишком много думаешь. Пожалуй, спрошу кого-нибудь другого.

Так проходили ее первые недели в третьем классе. Дейна поняла, что разучилась унывать. Каждый день, возвращаясь из школы, она заставала мать в самом прекрасном расположении духа. В последнее время Лилиана часто пекла фруктовые пироги и варила горячий шоколад — любимые лакомства дочери. Продажа ее целительных зелий пошла на ура, и по городу пошла добрая молва про Лилиану Морлан.

То, что касалось замка, оставалось для Дейны строжайшей тайной. Но, судя по тому, как спокойно и радостно вела себя мать, госпожа Кроант с детьми жили в замке припеваючи и ни в чем не нуждались. Или сбежали из страны.

В день своего десятилетия девочка воспользовалась тем, что мать особенно добра и приветлива, и осторожно поинтересовалась о судьбе жены и детей мэра.

— Позволь мне оставить это в тайне, — сказала мать, но улыбнулась и подмигнула дочери, давая понять, что все неплохо.

Отношения Дейны с другими детьми все также не складывались, но она уже привыкла к их нелюбви. Равнодушие или тычки совсем ее не задевали. Девочка была влюблена в магию и книги, и хотела познать, как можно больше чародейства.

Все резко изменилось, когда у десятилетней Дейны начались первые крови. Недомогание, тревога, усталость и прочие неприятные изменения, которых она не ожидала.

— Слишком рано, — задумчиво произнесла мать, узнав о случившемся. — У меня это произошло в четырнадцать лет. Но мы ничего не можем поделать. Только скрывать это.

Дейна испуганно посмотрела на нее.

— Зачем скрывать, мама? Разве это что-то плохое?

Тяжело вздохнув, Лилиана села на маленький диван посреди комнаты и похлопала ладонью по обивке, приглашая дочь занять место рядом. Та послушалась, дрожа от беспокойства, и тогда мать начала говорить:

— Во время кровей ты превращаешься из посланницы Богов в пособницу Сартона — повелителя всей тьмы нашего мира. Говорить об этом стыдно, так что помалкивай. Я сошью тебе красную юбку и дам на первое время кое-какие... приспособления. Сама ими пользуюсь.

Дейна слушала и грустила. Она так не хотела отличаться от обычных стихийных магов еще сильнее, но сейчас придется. Сердце тревожно колотилось в детской груди. При мысли о том, что ее будут подвергать гонениям потому, что она девочка, становилось совсем невыносимо на душе. И, пока Дейна об этом думала, мать второпях собирала для нее обрезки ткани.

— Их можно сложить и сшить вместе, — сообщила она дочке, вручая стопку разноцветных тряпочек. На первый раз хватит. А потом я дам тебе еще.

— Спасибо, мама.

— И не переживай. Ты превращаешься в женщину, это хорошо.

Но хорошего Дейна видела немного. Или вовсе ничего.

Сперва ее ничего не беспокоило, но очень скоро стала болеть растущая грудь и полнеть руки. Она не ожидала этого, ей казалось, что кровей достаточно.

Наступила зима. Дети из ее класса получили разрешение гулять на заднем дворе школы после уроков и там же отрабатывать стихийную магию. Дейна не слишком-то стремилась туда попадать, но в один из дней, когда ей стало совсем скучно и грустно, ноги сами принесли ее на круглую тренировочную площадку. Здесь стояли потрепанные манекены, огражденные низкой покосившейся изгородью — старшеклассники отрабатывали на них удары магических молний.

В тот день, вошедший в детскую память, будто острый нож в мягкое масло, на площадке собрались многие ее одноклассники. Девочка медленно брела между высокими сугробами, иногда останавливаясь и задумчиво проводя ладонью по холодной водянистой поверхности. Снег еще не затвердел, он был мягким, как влажный речной песок, и отлично комкался.

Поэтому она почти не удивилась, когда ей в голову прилетел первый снежок.

В этом нет ничего страшного, дети любят играть в снежки, и она, оглянувшись, увидела черноволосого долговязого мальчишку по имени Кайус. Он смеялся и лепил новый комок из снега. Это не так уж и плохо, но в доброту намерений мальчишек, ежедневно дразнящих ее дикой ведьмой и глупой девкой, верилось с трудом.

Вскоре около него выстроилась небольшая группа друзей. Они вместе лепили снежки, прицеливались в Дейну, и размахивались очень тщательно. Слепленные неумелыми детскими руками комья снега падали недалеко, но несколько штук до Дейны все-таки долетели.

Удары пришлись в голову. Один — в плечо. Еще один — в грудь. И все они были страшно тяжелыми и болезненными, словно в каждый снежок спрятали крепкий камень. Дейна не знала. Слишком мало времени у нее оставалось до того, как мальчишки осыплют ее новым градом снежков.

— Перестаньте! — закричала она звонко, замахав руками. — Остановитесь!

Ветер отнес ее голос в сторону. Да и мальчишки разрезвились и не собирались

прекращать свою страшную забаву.

С трудом уклонившись от новых снежков, Дейна хотела отбежать в сторону и вернуться в школу, а то и вовсе пойти домой. Но новый комок снега, неровный и очень крупный, долетел до нее и ударил прицельно в голову. Дейна ахнула, взмахнула руками и упала плашмя в сугроб. Ловя остатки ускользающего сознания, она вспомнила, что глупый и жестокий мальчишка владеет магией Воздуха.

«Так вот, для чего нужна эта магия...» — думала рассеянно Дейна, проваливаясь в темноту.

Очень быстро она очнулась, лежа в том же сугробе. Мальчишек ничуть не смутил ее обморок. Они продолжали кидаться снежками и звонко хохотать.

Дейна закусил губы и подняла обе руки, чтобы наколдовать стену огня, разделяющую ее и обидчиков. Только что-то пошло не так. Вместо огня появилась вода, и тут же замерзла, встав высокой стеной с острыми ледяными пиками на самом верху. С виду она казалась надежной, но едва раззадоренные препятствиями мальчишки стали швырять в стену камни, уже не маскируя их под снегом, быстро рассыпалась крупными льдинами.

Медленно поднявшись на ноги, Дейна сделала несколько шагов назад. Ее шатало из стороны в сторону, по лицу бежала струйка теплой крови, а шаль, которую заботливо повязала на голову мать, сбилась набекрень. Поворачиваться спиной к врагам опасно, поэтому надо их отвлечь.

Дейна собрала всю свою злость и направила ее в огонь. Горячие языки рыжего пламени встали между ней и мальчишками, совсем не собираясь потухать. Магический огонь гасится только магической водой, а они растерялись и молча переминались с ноги на ногу.

Чтобы закрепить успех, Дейна резко махнула рукой и воздушный поток погнал пламя вперед, навстречу мальчишкам. Вот и все. Жалко, что магию Земли пустить в ход она не сможет. Слишком мало осталось сил.

Девочка отвернулась от обидчиков и пошла своей дорогой.

Она упала без чувств и сил возле заснеженного крыльца школы.

— Как такое возможно?! — возмущалась Лилиана, ведя дочь домой. — Почему тебя, ведьму четырех стихий, победили какие-то отбросы?! Ты что, не могла их потрепать от души?!

— Я не знаю боевой магии, мама.

— Да чего там знать-то?! Ледышками в глаза, огнем в волосы, воздухом отбросить в сторону, да и землей чуть присыпать. Кто из нас ведьма четырех стихий? Почему я должна учить тебя таким простым вещам?!

— У меня болит голова, — пожаловалась Дейна.

Она с трудом переставляла ноги, а когда вернулась домой, упала без сил на свою кровать. Девочку била мелкая дрожь, она промерзла до костей, и в довершение ко всему, твердые снежки с камнями крепко разбили ей голову. Лежа в неразобранной постели, Дейна молча наблюдала за тем, как мать пишет письма маго-лекарям.

— Это все очень скверно, — посетовала Лилиана, немного успокоившись. — Щенки повредили твою магию.

Дейна помолчала, пытаясь не заплакать.

— Ты что-нибудь с ними сделаешь, мама?

— Я? С какой стати? Я могу договориться с маго-лекарями, а в остальном, дочка,

извини, ты сама виновата. Надо было лучше драться.

Ничего не ответив, девочка перевела взгляд на темный угол между потолком и стеной. Ей показалось на миг, что там балансирует силуэт призрака Генри. Но нет, это всего лишь пыль, тени, паутина. Иногда в чудеса лучше не верить, чтобы не разочаровываться и не дарить себе ложных надежд.

Левая нога Дейны едва заметно и непроизвольно дернулась. Только девочка не придала этому значения.

Глава 9.1. Весенняя война

Если Лилиана Гартон-Морлан и возлагала какие-нибудь надежды на помощь магоколдунов, то после пяти безуспешных визитов грезы отчаявшейся матери начали таять в воздухе, как остатки зимнего снега под жарким солнцем. Дейне не становилось лучше и вся ее магия, кроме Водных чар, постепенно сходила на нет.

Впервые за все минувшие годы, когда мать и дочь не зависели от княжеского семейства Морлан и от суровой старухи Софии Гартон, их проблема оказалась по-настоящему неразрешимой. Даже с помощью денег, которых Лилиана успела подкопить довольно за последнее время. Ни один из врачей не имел понятия, чем можно лечить увядание магии у детей.

Возможно такого еще не было. А может просто лечить простолюдинов считается невыгодным и не сопутствует успеху.

— Не переживай! — не уставала повторять Лилиана дочке, когда та принималась грустить или впадать в лютую тоску. — Мы со всем справимся.

— Да, мама, — устало выдавливала из себя Дейна и, прихрамывая, усаживалась за стол. — Дай, пожалуйста, мою любимую черную тетрадь.

С бумагой в Норденинне было плоховато. Но всех директоров магических школ обязали обеспечивать учеников тетрадями, чернилами и перьями. Необходимо было записывать лекции, сдавать экзамены, а самое главное — вносить в тетради необходимые формулы и заклинания, чтобы потом выучить их наизусть. Ведь книги на вес золота.

Поэтому дети в тетрадях не нуждались. А у Дейны даже остался некоторый излишек. Часто, склонившись по вечерам над раскрытой тетрадью, она записывала короткие истории про магов и ведьм, про вампиров и драконов. Старый надтреснутый стакан служил ей чернильницей, а огарки свеч заменяли хорошее освещение.

Сначала мать волновалась, что девочка ослепнет. Потом махнула рукой и молча зажигала хорошие нетронутые свечи всякий раз, когда Дейна садилась писать. Воск куда дешевле бумаги, его не жалко. А Дейна должна радоваться своему делу. Может статься, из нее потом выйдет хорошая летописица, если не удастся вернуть раздавленную магию.

Дейна Морлан ходила, говорила, ела и спала, как раньше, но все-таки стала другой. Изломанная девочка, разбитая вдребезги волшебница, она ничего больше не обещала. И Лилиана на все лады расхваливала Бога Воды, за то, что он позволил дочери оставить эту стихию.

Так прошло полгода до весны.

Это было тяжелое время для Дейны и невыносимое для ее матери.

Нет ничего хуже видеть жалость в глазах ведьм и колдунов, да и простых горожан. Известия, искаженные ядовитыми сплетнями, слишком быстро разлетелись по маленькому городу. Шила в мешке не утаишь.

— Вам, наверное, трудно воспитывать искалеченную дочь, — говорили богатые

пациентки-ведьмочки, из числа тех, кто никогда не нуждались в помощи и прекрасно жили на деньги своих мужей и родни.

— Вам следует забрать дочь из школы, — сказала госпожа Хелен — эта жестокая дура с холеным красивым лицом. — У нас бракованные дети надолго не задерживаются.

Все руководство школы «Обитель чудес», вплоть до усатого толстого директора, подтвердило эти злые слова. Не то, чтобы Дейну не хотели видеть в классах. Она очень образована и умна для своего возраста. Но родители поганцев, закидавших ее снегом и камнями, настаивали на гораздо большем вреде, который девочка нанесла их сыновьям. Магия Воздуха, Воды и Огня, которые пустила в ход Дейна, сыграли огромную роль в ее спасении.

Но ее же и выставляли главной злодейкой школы. Угрозой. Опасной ведьмой.

— Помилуйте! — твердила Лилиана из раза в раз. — Моей дочке всего десять! Она не может нанести вред!

— Ваша дочь стала девушкой, — яростно парировала госпожа Хелена. — В прошлые века ведьм, ей подобных, сжигали на кострах или отстраняли от занятий. А еще раньше они вовсе не ходили в школы магии. Учились готовить и вышивать, чтобы вести хозяйство!

— Действительно, — выплюнула разъяренная мать, глядя в ухмыляющееся лицо бессердечной женщины. — Жаль, что вы не родились в позапрошлой эпохе!

— Хватит споров, сударыни, — в разговор влез директор, чья фамилия была настолько трудновыговариваемой, что Лилиана не запомнила бы ее при всем желании. — Решено. Ваша дочь, любезная госпожа Гартон-Морлан, может остаться в нашей школе. Я выделю ей нескольких наставников для обучения на дому. Это все, на что вы можете рассчитывать.

— Спасибо и на этом, — выдохнула Лилиана сквозь стиснутые зубы.

Бороться с жестокой судьбой и злыми магами становилось все тяжелее.

Через несколько унылых и холодных месяцев, когда за окнами растаяли снега и появилась звонкая капель, состояние Дейны медленно, но верно стало улучшаться. Девочка немного ожила и стала писать больше рассказов о магах, ведьмах и инквизиции. Некоторые из своих творений она давала почитать матери, и та порой сильно удивлялась детским записям и заметкам.

Откуда у Дейны были настолько обширные познания о тех бесчинствах, что совершали инквизиторы в прошлых веках? Откуда она знала про Книгу Страха, куда вносились имена одаренных творцов? Пробегая по ровным строчкам взглядом усталых глаз, Лилиана время от времени задумчиво поглядывала на дочь.

— Что такое, мама? — спросила однажды Дейна вечером, готовясь ко сну. — Почему ты так смотришь на меня?

— Ничего, дочка. Я вижу, что ты действительно одаренная, несмотря на твои травмы. Однажды ты их победишь.

Дейна грустно улыбнулась и ничего не сказала в ответ.

Загранная тьма начиналась по ночам и проходила под утро. У Дейны непроизвольно дергались ноги и пальцы на руках, а еще нестерпимо болела шея. В те редкие ночи, когда мучения миновали ее, на смену им приходили другие. Она задыхалась. Воздух пропадал на пару-тройку мгновений, а потом возвращался, но происходило это невыносимо часто.

И на последнее Дейна старалась не жаловаться. Подумаешь, задыхается! Это пустяки. Настоящая боль от ударов или падений куда хуже.

Наверное, лучше бы ей было не рождаться вовсе. От нее ведь столько проблем для всех,

кто ее окружает. Даже бедного Генри убил отец. Из-за Дейны.

Тяжелее всего было хранить эту тайну от матери. Дейна не знала, как та отреагирует и отправится ли к городской страже, чтобы Андре Морлана тотчас же схватили, посадили в тюрьму и предали жестокой казни. Хотя он был отвратительным отцом, но все-таки Дейна слабо помнила его, как родного и близкого человека.

И она была очень рада, когда наступил теплый месяц Квинтис. К ней наконец-то перестали ходить докучливые учителя, заставляющей непрерывно писать их нудные лекции и не упускающие случая злобно подшутить над магией Дейны.

В первый день Квинтиса она подошла к большому зеркалу, оставленному хозяйкой, и придирчиво осмотрела себя в нем. За последние месяцы Дейна стала выше, расправилась в плечах, и... продолжала созревать, как девушка. Это обстоятельство ей совсем не нравилось. Быть маленькой и проворной девчонкой, убегающей от врагов, куда интереснее, чем медленно ходить по улицам и ловить на себе мужские взгляды.

Не то чтобы Дейна ненавидела мужчин и мальчишек, но сторонилась их. Беседовать с Генри по душам — одно дело. Он призрак и не может причинить вреда, за исключением того досадного случая с подпиленным деревом. И совсем другое — убегать на заднем дворе школы от мальчишек, которые занимаются гонениями на ведьм, просто потому, что ведьмы существуют.

Маги не терпят присутствие ведьм рядом с собой.

Эта простая мысль легко скользнула в голову Дейны, когда она примеряла новый синий костюм, состоявший из куртки и штанов. А раз так, значит, ей надо как можно дольше не надевать платьев. Тогда, может быть, ее смогут принимать за хорошую колдунью.

У Дейны была мечта, которую приходилось скрывать от матери старательнее, чем факт убийства Генри отцом. Она отчаянно желала вступить в отряд малолетних магов, чтобы закрепить свои способности. Может тогда, при частых тренировках стихийная магия вернется к ней.

О таких отрядах Дейна знала не очень много. В условиях войны Нордени с соседней страной Рантеран требовались военные маги любого возраста. Официально принимали туда с двенадцати лет, но что, если ей удастся солгать?

Дейну тяготило то, что одним своим рождением она испортила жизни нескольким людям. Пора исправлять это. И если цена — смерть, то лучше принять ее с честью и спокойствием. Не бояться и не смотреть в будущее с ненавистью, как это иногда делала ее бабушка София. Поэтому в один из светлых солнечных дней Квинтиса девочка выдернула из тетради белоснежный лист. Тетрадь не понадобится ей, а бумага сейчас нужна.

Усевшись за кухонный стол, Дейна второпях написала коротенькую записку для матери. Когда та вернется из госпиталя вечером, то обязательно увидит бумагу, исписанную мелким неровным почерком. Обычно Дейна выводила буквы красиво и старательно, но сейчас ей была настолько противна мысль о себе, как о хорошей девочке, что эти усилия едва ли чего-нибудь стоили.

Смысл записки был простым. Дочь уходит из дома и отправляется в отряд малолетних наемников, чтобы не причинять беспокойства и тревоги своей семье.

Закончив писать, Дейна опустила перо в самодельную чернильницу, коротко выдохнула и приступила к сборам. Короткий боевой нож с изогнутым лезвием — она нашла его случайно, среди кухонной утвари. Потрепанный вещевой мешок — они с матерью когда-то с ним убегали из княжеского поместья. Несколько твердых, как камни, сухарей.

Вот и все.

Синий костюм и черные блестящие ботинки. Пусть они станут последней одеждой Дейны Морлан.

По детским щекам, чуть тронутым ровным румянцем, текли горькие слезы.

Ее отец был бы рад второму сыну, а не одаренной дочери. Так пусть он однажды узнает, что его дочь стала героиней и погибла в неравном бою. Наверное, ему будет легче.

А мать вздохнет от облегчения, когда ее бесполезная и больная дочь наконец испустит дух.

С этими злыми мыслями Дейна шла по улице маленького города, зная, что за первым же углом ее ждет пункт призыва юношей и девушек двенадцати-пятнадцати лет. Единственное условие — они должны быть не младше и не старше, а еще обладать магией. Хотя бы чарами Земли. А уж если им попадется одаренный ребенок, его ценили на вес золота.

Каждый пункт находился в новеньком одноэтажном доме. Почти казармы. Над дверями красовались таблички с медными блестящими буквами, гласящие о предназначении этого дома.

Поднявшись по трем невысоким ступеням, Дейна медленно протянула руку и потянула на себя тяжелую тугую дверь за круглую деревянную ручку.

Ее ждали улыбающиеся ведьмы Воды, молодые женщины в голубых одеяниях, которые тут же окружили невинное дитя, готовое вступить в ряды смертников.

— Здравствуй, девочка! — зазвучали их звонкие, веселые, смеющиеся голоса. — Как тебя зовут? Сколько тебе лет? Хочешь вступить в отряд?

— Хочу, — ответила Дейна негромко и упрямо.

Ее блуждающий одинокий взгляд случайно наткнулся на невысокого черноволосого мужчину, который стоял возле стены, скрестив на груди руки. Он пронзил Дейну темным, неодобрительным и вместе с тем пронизательным взглядом, а затем отвернулся и собрался уйти. Она почувствовала нарастающую злость, заглушающую безразличие. Если сейчас кто-нибудь вздумает сомневаться в ее способностях, придется проявить их прямо здесь, у всех на виду!

— Господин Рэд! — позвала его одна из волшебниц. — Примите новенькую девочку? У вас есть свободное место в отряде?

Незнакомец резко остановился. Повернулся к Дейне и снова мрачно оглядел ее с головы до ног.

— Вы знаете мои взгляды, сударыня Тонт. Я не беру детей на войну. Пусть подрастет до пятнадцати лет, а там и поговорим.

— Я не могу! — выпалила Дейна тонким, натянутым, как струна, голосом. — Мне надо сейчас!

— Что тебе надо, дитя? Похоронить себя, не дожив даже до отрочества?

Мужчина говорил не зло и не повышал голоса. Мягко, бархатно, воздушно. Он отвлекает, поняла Дейна.

— Нет! — отчеканила она, делая шаг ему навстречу, и одна из волшебниц Воды, ахнув, отстранилась от упрямой наглой девчонки. — Мне нужно защитить свою страну!

Глава 9.2. Магия и разведка

Незнакомый Дейне мужчина, которого называли «господин Рэд», был, верно, не коренным норденийцем. За свою коротенькую жизнь Дейна успела побывать в двух городах

и даже в столице, но нигде не слышала таких резких и звучных фамилий.

— Хочу стать полезной своей стране! — сказала она так же твердо, но уже не настолько остро.

— Это я услышал, дорогая. Но чем ты сможешь помочь? Рантеранцы не щадят детей.

— Я маленькая и... узкая! — с готовностью выпалила Дейна, откуда-то знающая, что говорить. — Пролезу в любые двери, добуду важные сведения, украду что-нибудь нужное!

Мужчина мягко улыбнулся и махнул рукой. К добру ли этот его оценивающий темный взгляд?

— Не такая уж ты и узкая. Через несколько лет располнеешь.

— Не вам судить! — отрезала Дейна и подивилась своей дерзости.

Волшебницы Воды дружно ахнули и переглянулись между собой. Они не привыкли видеть и слышать таких резких, злых, несуразных девчонок в штанах. Но ни одна не осадилась и не отчитала Дейну за ее поведение. Все-таки здесь отбирали солдат, а не невест для северного герцога Нордени. Однако, по их недовольным лицам Дейна поняла, что не понравилась им. Если бы не господин Рэд, выгнали бы нахалку взащей.

Только сейчас, немного успокоившись и осознав свое положение, она осмотрелась. Находилась Дейна в небольшой, но светлой комнате с двумя письменными столами и шкафом бюро. Аккуратные стопки бумаг, маленькие изящные чернильницы, ворох перьев, медные подсвечники. Все это невыносимо напомнило Дейне об оставленном доме, и она приложила все усилия, чтобы не расплакаться.

Если взрослые чародеи увидят в ней слабость, то сразу же прогонят домой. Этого Дейна боялась больше всего. Страх заставил ее собраться с силами и духом, и четко отвечать на вопросы.

— Как тебя зовут?

— Дейна Морлан.

— Сколько тебе лет?

— Двенадцать.

— У тебя есть с собой бумаги?

— Нет, господин Рэд. Малолетним магам они не полагаются, — без запинки сообщила девочка, вытянув руки по швам и глядя прямо в теплые черные глаза собеседника.

— Ого! Слышали, дамы? Нам попался умный воин. А то некоторые ребятишки притаскивали сюда несуразные бумаги с чужими подписями. Мы их обратно отсылали. Нам лжецы не нужны.

Помолчав, господин Рэд улыбнулся и тут же стал очень серьезным.

— Также честь тебе и хвала, что не стала переодеваться в мальчишку и переделывать имя с фамилией.

Внутри вымороженной души Дейны зашевелилось что-то вроде смущения, и она неловко улыбнулась уголками губ. Она крупно солгала насчет возраста — ей оставалось больше месяца до одиннадцати лет, но вряд ли это захотят проверять. Да и как проверить без бумаг? Одним словом, она почувствовала себя наилучшим образом, пока ей не задали последний и самый решающий вопрос:

— Ты ведь стихийница? Какая у тебя магия?

— Я одаренная, — сообщила Дейна, решив, что скрывать это совсем глупо.

Несколько волшебниц Воды разом ахнули и обменялись многозначительными взглядами. Господин Рэд же наоборот остался спокойным.

— Четыре стихии? — спросил он медленно и недоверчиво, впившись внимательным взглядом в ее лицо. — Интересно... К нам еще не приходили такие дети. Ну что же, ты честна и честолюбива, значит, станешь прекрасным воинам. Добро пожаловать.

Все отношение к Дейне мгновенно переменялось, едва стало известно про ее магию. Но Дейна солгала и тут, ведь не знала ничего про статус и силу своего волшебства на данный момент. Очевидно, кто-то из окружающих ее магов умеет считывать ложь. Придется быть начеку, хоть это и очень сложно.

— Меня зовут Серхио Рэд, — продолжал между тем мужчина, подойдя к столу и достав несколько чистых листов бумаги. — Можешь называть меня просто Серхио. Сейчас мы напишем о тебе в двух словах. Буквально для отчетности.

Дейна удивилась.

— Перед кем?

— Каждый пункт отбора работает на герцога или графа Нордении. В каждом городе у них по одному пункту, — мелодично объяснила одна из Водных ведьм, активно жестикулируя. — Наш пункт принадлежит герцогу Виенто. Выходит, он — твой наниматель.

Сам герцог?!

Дейна замерла на месте, переваривая эту новость, а Серхио уже уселся за стол и быстро записывал все, что ему сказала девочка, даже не переспрашивая заново. Видимо, в войне действительно не хватает людей, если приходят дети. Но она пока еще не увидела никого своего возраста. Может, ее вышлют из города и уже там присоединят к крупному отряду.

Усевшись на скрипучий стул, Дейна загрустила. Она немного пожалела о своем решении. Когда мама вернется из госпиталя, то обнаружит лишь пустой дом, записку. А сама Дейна к концу дня займет место в одной из детских казарм, чтобы к концу недели ей снесли голову в бою.

Но убегать не хотелось. Живя у бабушки, девочка много раз слышала, что бояться и менять свое решение в последний момент — позорно и недостойно. Особенно, если в тебе течет дворянская кровь и ты — одаренное дитя. Поэтому надо смириться с собственной участью и делать только то, на что хватит сил.

Между тем Серхио справился со своей работой довольно быстро. Он выпрямился и кивнул Дейне.

— Вот и все, девочка. Сейчас тебя проводят в казарму.

Провожали две смешные воркующие волшебницы в голубых одеяниях. Они не были похожи на боевых ведьм, и внутри у Дейны слабо шевельнулось ощущение, что их наняли для успокоения напуганных детей. Она даже не запомнила их длинные имена. А ведьмы не замолкали ни на минуту, обещая новой воительнице крышу над головой, хорошие деньги, сытную пищу и добротную одежду.

Несколько раз Дейна оглянулась по сторонам, ища взглядом мать — то ли с опасением, то ли с надеждой. Но все тщетно. Сегодня Лилиана Гартон-Морлан работала в госпитале до глубоко ночи и никак не могла появиться в этом квартале, чтобы увести дочь от смертельной опасности.

А может никакой опасности и нет? Одаренные дети ценны на вес золота, их не станут посылать в огневые точки. Так думала Дейна, но ее надежды таяли с каждой минутой.

И когда за ней захлопнулась дверь казармы, стало очевидно, что пути назад точно нет.

Рослая и крепкая женщина с коротко остриженными седыми волосами и в белом

костюме встретила Дейну и тотчас же заперла за ней дверь. Отступила на шаг, чтобы придирчиво рассмотреть девочку, внимательно вчиталась в бумагу, которую ей прислали. Посмотрела на Дейну снова.

— Вроде не задохлик! — пробасила женщина. — Серхио, конечно, дубина, ему легко наврать с три короба. Но меня ты обманывать не сможешь, ясно?

— Да, госпожа, — тихо буркнула Дейна, глядя себе под ноги. Спорить с крикуньей у нее не было сил.

— Зови меня госпожа Рея. Генерал в отставке.

— Вы одаренная? — брякнула Дейна, хотя секунду назад боялась даже взглянуть на женщину.

— Да, именно так, — голос госпожи Реи чуть-чуть потеплел. — А теперь слушай меня. Я примерно в твоём возрасте пришла в детский полк при королевском дворе, и поблажек не ждала. Тебе тоже не советую.

— Да, госпожа Рея.

— Располагайся, — устало кинула женщина. — Женщин на войне не любят, но детишек иногда щадят. Может и тебе повезет.

Детская казарма, видимо, не отличалась от взрослых. Серые каменные стены, неровный пол под ногами, крутые лестницы, маленькие окна. Очень скоро в глубине души Дейны поселилась серая неприятная тоска, от которой хотелось плакать, забившись куда-нибудь в угол. Но теперь ей нельзя страдать. Если вдруг вздумают проверять на боевую магию, может выйти конфуз. Дейна все еще не знала, насколько восстановились ее чары после трагедии.

А если держать себя в руках и не поддаваться панике, она сможет защитить себя и свое имя. Так говорила мама однажды.

Между тем госпожа Рея привела девочку на второй этаж — очередное царство серых камней — и толкнула неприметную узкую дверь в одну из комнат. Дейна осторожно вошла следом за ней и огляделась. Здесь было всего две девочки, и они при виде госпожи Реи вскочили с кроватей и замерли по стойке смирно.

— Вольно, — буркнула та. — Я привела вам новенькую.

Девочки переглянулись и посмотрели на Дейну. Она — на них.

— Знакомьтесь. Дейна, это Катрин и Элизабет. Они тоже одаренные, как и ты. Но отряд у вас не боевой.

— Что? — растерялась Дейна, уже успевшая надумать много драм о своей печальной и самоотверженной смерти в кровавом бою. — А что же мы делаем?

— Разведка, — принялась объяснять женщина. — Лица у вас неприметные, возраст подходящий. Будете узнавать сведения в стане врага и отправлять нам, с почтовыми голубями. Или с надежным гонцом — там уж решим. Пока у нас боевых магов хватает с избытком. А когда их будет не хватать, вы и пригодитесь...

В воздухе повисла тяжелая пауза.

— Если до этого вас не схватят и не обезглавят враги, — закончила госпожа Рея. — Не обольщайся, Дейна, ты попала не в светлую сказку.

— Я и не думала...

— Правильно. Думать здесь не нужно. Бесполезно и опасно, знаешь ли.

Дейна молча кивнула. Она не могла понять, нравится ей госпожа Рея или нет.

— Через час тебе выдадут форму. Твой очаровательный голубой костюмчик останется на нашем складе. Его тебе вернут через три года, когда ты окончишь службу. Если окончишь.

Костюм Дейне стало жалко, но лишь на мгновение. Какой толк в бархате и шнурках, если совсем скоро лишат жизни?

— Вижу, ты все поняла. Знакомься с девочками и не делай глупостей.

Самую крупную глупость Дейна уже натворила, поэтому не стала ничего отвечать. Выходя из комнаты, госпожа Рей сильно хлопнула дверью по косяку, отчего в воздух взметнулось облачко сероватой пыли. Дейна отрешенно смотрела на него, пока высокая широкоплечая девочка с каштановыми волосами не дотронулась до ее руки:

— Я Катрин.

— А я Элизабет, — сказала вторая, рыжеволосая, миниатюрная и стройная.

— Очень приятно, — кивнула Дейна, не покривив душой.

— Нас было пятеро, — грустно сказала Элизабет. — Трех одаренных схватили в прошлом году. Мы так надеемся, что дослужим до конца.

— А сколько вы служите?

— Год, — на этот раз говорила Катрин. — Нам по тринадцать.

Только сейчас Дейна обратила внимание на пять деревянных кроватей, поставленных в ровный ряд. Они все были идеально заправлены, но три из них покрыты густым слоем пыли. И тогда, впервые за сегодняшний день, храброе сердце безрассудной Дейны Морлан сжалось от ужаса и тоски.

Глава 9.3. Разбитая лодка

Вражда между Норденией и Рантераном началась еще с тех давних и полузабытых времен, когда бабушка Дейны, София Гартон, была молодой девушкой. Что происходило тогда, мог бы знать отец Софии, он же — прадед Дейны. Будучи одним из разведчиков, он погиб при странных и очень темных обстоятельствах. Одни говорили, что он героически пал в сражении, будучи раскрытым врагами, чтобы не сдаваться в плен. Вторые утверждали, что он был схвачен врагами, перешел на их сторону, а потом его убили норденийские лазутчики. Третьи считали, будто он вовсе не умирал, а сменил имя и фамилию.

Маг Воздуха, непостоянная душа — так называла его жена. Это легко объяснило Софии его исчезновение, но дочери и внучке она в старости немного рассказала.

Сидя в серой холодной казарме, Дейна уныло смотрела на плотно закрытую дверь и вспоминала бабушкины слова, рассказанные однажды зимним вечером. Сабриэль Гартон, ее прадед, отличался легкомыслием, небрежностью и преступной беспечностью. За это и поплатился жизнью.

Кто бы мог подумать, что правнучка окажется такой же глупой и недальновидной, как прадед?

А потом Дейна задумалась про двух маленьких девочек — бабушку и ее младшую сестру, которых отец оставил на произвол судьбы. Вместе с овдовевшей матерью они были вынуждены скитаться и побираться, пока не нашли крышу над головой.

Поступила ли она похоже?

Вряд ли.

Ее мать сначала будет долго плакать, потом пойдет за утешением к бабушке, а та поздравит ее с утратой никчемной и немощной дочери. В этом Дейна вовсе не сомневалась. Бабушка всегда любила только Лилиану, а внучку — только в редкие моменты хорошего настроения.

Впрочем, это будет нескоро. Сначала ее ждет короткое обучение, затем опасное задание. Либо Дейна не вернется с него вовсе, либо вернется героиней. Тогда ее никто не

будет отчитывать и бранить за своевольный уход из дома.

Шел третий день пребывания в казарме. По утрам девочек вели на завтрак, потом — на крошечный внутренний дворик, залитый лужами, где велели демонстрировать силу Огня на воде. После этого наступала черед обязательных ежедневных тренировок в круглом зале на втором этаже. Обед, свободное время, поздний ужин и сон. Запоздало Дейна заметила, что казарма обнесена высоким забором с чугунными воротами, и что сбежать отсюда выйдет едва ли.

Сегодня Катрин и Элизабет молча сидели на одной кровати и листали толстую старую книгу. Военный трактат. Что-то о разведке? Дейна утром попросила книгу тоже, но госпожа Рея отказала. Новичкам книги не полагались. Интересно, почему?

— Катрин? — позвала тихонько Дейна, когда совсем заскучала.

Та с радостью оторвалась от чтения и подняла голову, тряхнув копной светло-каштановых волос.

— Да?

— А как казнят разведчиков?

— Отрубают головы, — сообщила Катрин. — Или отдают рантеранской инквизиции. А что делают там, я не знаю.

— Понятно... Спасибо.

— Но это необязательно, — прохладно заметила Элизабет, не отводя взгляда от книги. — Могут загипнотизировать так, что мигом забудешь, зачем пришла на войну, и станешь им служить.

— А... — Дейна сглотнула, вспомнив одну из версий об участии прадеда. — Понятно...

Больше они об этом не разговаривали.

Еда в казарме была сносной, обучала и тренировала госпожа Рея не слишком деспотично, хотя в первое время казалось иначе, а постели были довольно удобными. Дейна понимала, что долго это не продлится, и их отправят на задание скорее рано, чем поздно.

И все-таки, несмотря на свое смирение, Дейна стала считать дни.

Всего их прошло четырнадцать — ровно до того рокового утра, когда госпожа Рея вошла в комнату девочек вместе со слугой, принесшим еду. Испуганный взгляд девочки скользнул по крупным мискам с кашей, из которых поднимался легкий пар, по толстым ломтям хлеба и медным кружкам с чаем. Раньше им приносили вдвое меньше пищи. Значит ли это, что...

Не доведя мысль до конца, она посмотрела на госпожу Рею. Губы у той были сжаты в тонкую нитку, а сощуренные глаза метали громы и молнии.

— Ешьте, разведчики, — велела она холодно и жестко, пока слуга ставил поднос на стол у стены. — Вы получили задание.

Дейна хотела спросить, в чем оно будет заключаться, но оробела и молча села за стол. Аппетит, разыгравшийся у нее с раннего утра, пропал, поэтому приходилось молча ковырять ложкой кашу и слушать слова наставницы. Элизабет и Катрин и вовсе словно не заметили еду. Они обе сидели с ровными спинами и смотрели в упор на госпожу Рею.

— Задание непростое, скажу сразу, — проскрипела старая мудрая женщина. — От вашего внимания, Дейна, зависит, вернетесь ли вы с ценными сведениями или подохнете на рантеранской виселице.

Девочка вздрогнула, отпустила ложку и подняла на госпожу Рею виноватый взгляд. Та, как ни в чем ни бывало, продолжила:

— Герцог Виенто отдал приказ. Вы должны проникнуть в Рантеран, устроиться на

работу в любом дворянском поместье и выведывать их тайны. Обычно эти олухи не считают прислугу за людей, поэтому мелют все, что заблагорассудится. А потом удивляются, почему нам известны их стратегические планы, — госпожа Рея с некоторым злорадством ухмыльнулась. — Поскольку вы еще дети, вас переправят через Ледяное море на рыбацком судне. Взрослые разведчики обычно едут сами.

Девочки молчали, хотя Дейну так и подмывало сказать «хорошо».

— Цель простая. Узнавать расположение боевых полков и о наличии одаренных магов. Если удастся послать голубиной почтой ценные бумаги, вас озолотят. Понятно?

Тишина и робкие, нерешительные кивки.

— Кто-нибудь из вас имеет представление о дворянском поместье?

Дейна несмело подняла руку. Как в школе.

— Я, госпожа Рея.

— Отлично. Едва ли их комнаты сильно отличаются от наших. А теперь — ешьте и готовьтесь. Форму оставите здесь, вам дадут другие одежды.

Дейна с сожалением оглядела свою мешковатую форму из серого полотна с красными вставками. Она уже начала привыкать к этим грубым вещам. А Катрин и Элизабет наоборот переглянулись с восторгом.

— Одежда всякий раз другая, — пояснила Катрин, едва за госпожой Реей захлопнулась дверь. — Иногда приносят совсем новенькую.

— Снятую с мертвых сирот? — брякнула невпопад Дейна.

Девочки неловко переглянулись и опустили глаза.

— Мы стараемся не думать об этом, — деликатно заметила Элизабет.

Город Нортэн был приморским. В порт часто заходили рыбацкие и военные судна, а пассажирские — редко. Сонными ночами их паруса белели во мраке, колыхаясь от ветров, и, если не опускался туман, по ним можно было ориентироваться запоздалым путникам. Или вора́м, контрабандистам, беглецам, бродягам.

А теперь еще и шпионам.

Трех девочек, переодетых в старые неприметные платья и поношенные башмаки, сопровождал сам Серхио Рэд. Он шел впереди, указывая им путь по извилистым городским улочкам. Чем дальше они уходили от центра города, тем меньше становилось фонарей. И в порту приходилось выбирать дорогу только по парусам. Маяк светил суднам, но не горожанам. И это честно.

— Хорошо, что есть звезды на небе и нет тумана, — проговорил Серхио, запыхавшись. — Мы почти на месте.

Он ссутулился и в тот момент, когда из-за невидимых в темноте туч выплыл серебристый месяц, стал походить на унылого старика, закутанного в плащ. У Дейны невольно сжалось сердце от жалости, но девочка продолжала идти вперед твердой походкой. Через несколько недель ей исполнится одиннадцать, а встретит она этот день живой или мертвой, знают только Стихийные Боги.

Катрин и Элизабет молчали, забыв о своих перешептываниях за спиной Дейны. Как будто ей интересны их мелкие сплетни.

Здрав подбородок, Дейна глубоко вдохнула соленый морской воздух и зашагала вперед быстрее, резче, увереннее.

— Кстати, Дейна, — негромко произнес Серхио, когда девочка поравнялась с ним. —

Тебя не тревожат мысли о покинутой семье?

В душе зашевелились угрызения совести. Потом их резко вытеснил острый страх.

— Нет, — легко солгала Дейна. — А что?

— Твоя матушка приходила в наш пункт. Очень сильно беспокоилась и просила не отправлять тебя на войну.

Внутри у Дейны все сжалось. Гнев, ярость, страх, досада. Все смешалось в одно целое, девочка сжала кулаки, чувствуя, как ее бьет нехорошая дрожь. В крови забурлила магия, некстати вернувшаяся к хозяйке и грозившая вырваться наружу стихийными выбросами. Дейна сглотнула и посмотрела на собеседника угрюмо, зло, исподлобья. Как волчонок.

— Я сказал ей, что ты, наверное, отправилась в другой пункт.

Узел внутри медленно расслабился, стало легче дышать.

— Но я не перестаю корить себя за это, — закончил Серхио.

— А вы перестаньте, — дерзко посоветовала Дейна. — Моя магия и моя жизнь принадлежат только мне. Что я хочу, то с ними и делаю.

Серхио шумно и горестно вздохнул, но прекратил ее увещевать.

Между тем они подошли к самой пристани. На черной блестящей воде покачивались несколько маленьких рыбацких суденышек, и Серхио повел девочек к самому дальнему. На носу корабля уже стоял какой-то человек. Военный? Маг? Просто перевозчик? Дейна хотела было спросить у Серхио, потом вспомнила, что минуту назад нагрубила ему, и решила промолчать. Да и какая разница?

Пока она размышляла, Серхио жестом велел девочкам оставаться на месте, а сам поспешно подошел к лодочнику, чтобы перекинуться с ним парой слов. Они говорили, Кэтрин и Элизабет молчали, а Дейна напряженно думала, пытаюсь представить себе, что их ждет. На небе поблескивали мелкие серебристые звездочки. Бабушка Нейта говорила, что души магов становятся звездами и сияют вечно на небесах. Она тоже станет сиять ночью, когда погибнет от кинжала или топора?

— Прошу, девочки, — прервал ее размышления Серхио, не глядя на юных шпионок. — Господин Якоб доведет вас до места.

Дейна удивилась и шепотом спросила у приятельниц:

— Мы переплывем все море на рыбацком судне?

— Нет-нет, — также шепотом успокоила ее Катрин. — Рантеран гораздо ближе, чем кажется.

Одна за другой они начали медленно подниматься на причал.

Дейна была медлительна, Элизабет и Катрин обогнали ее и быстро очутились на судне. Она же оглянулась на Серхио, стремительно уходящего обратно по улице. Вскоре его силуэт скрылся в ночной мгле, словно его вовсе не появлялось в этом квартале.

— Девочка, иди быстрее, — поторопил хрипло лодочник. — Я не собираюсь ждать тебя до утра.

Дейна поджала губы, злясь на Серхио, на себя, на лодочника, на проклятое Ледяное море. Она хотела героически погибнуть в бою, а не скрываться и прислуживать рантеранской знати! Но теперь уже никого не убедить и не обмануть. Дело сделано.

Она заторопилась и ускорила шаг, но как только собралась сделать последний шаг, как сзади, точно позади судна что-то оглушительно грохнуло. Пушки? Дейна ничего не знала о морском деле, но слышала в школе, будто из пушек стреляют только самые наглые пираты, лишённые магии. И еще — враги Нордени, желающие напасть с моря.

Сердце отчаянно заколотилось — сознание Дейны отказывалось верить в страшную правду. Стреляли издали, паруса в темноте моря не разглядеть, только холодно поблескивала черная вода и высоко поднимались брызги потревоженных волн.

Грохот! Удар! Еще один!

Зажав обеими руками уши, Дейна в ужасе замерла на шатких досках причала и звала Катрин с Элизабет. Она кричала или шептала? Неважно, девочки все равно не услышали чужого голоса.

Потому что небольшое ветхое суденышко с сетями, рыбаком и двумя детьми перевернулось от двух ударов крупных ядер.

Потому что Дейна сорвалась с места и кинулась прочь, пока третье ядро не долетело до нее самой.

Потому что исцелившаяся магия Воздуха вела, несла, гнала княжескую дочь Морлан прочь от смерти.

Глава 9.4. Разговоры по душам

Дейна долго брела наугад по запутанным черным улицам спящего города — оглушенная пушечными выстрелами, сбитая с толку и растерянная донельзя. Этих кварталов она не знала, как и того, куда ей теперь следует идти. К госпоже Рее и герцогу Виенто? А что, если они оба сочтут ее трусливой лгуньей, сбежавшей в последний момент из лодки? К тому же, в доме герцога привратник даже не откроет простой девчонке в старом платье. Можно и не мечтать.

Да и живет он совсем не в Нортэне.

Последняя мысль стрелой пронзила сознание Дейны, она резко остановилась и задумалась. А есть ли смысл оставаться в этом жалком провинциальном городишке, ничем не отличающимся от Иренто? Здесь с ней ее не ждет ничего хорошего. Может стоит разузнать, где находится герцог и наняться на службу? Сослаться на пункт малолетних наемников, госпожу Рею, в конце концов? Может, он сжалится над одаренной девочкой и отправит на надежном корабле в Рантеран?

Мысли так захватили онемевшее сознание Дейны, что она долго стояла посреди темной прохладной улицы, обняв себя дрожащими руками и кусая губы. Идея очень понравилась ей. Главное теперь — найти ночлег, а утром можно будет расспросить людей, и...

Дейна обшарила карманы.

Как славно, что накануне ухода из дома мать дала ей три серебряные монеты. Их Дейна опустила в карман нового костюма, а потом, переодеваясь в форму разведчицы, переложила деньги в карман куртки. Сейчас они находились у нее в переднике, тихонько позвякивая.

Наверное, их хватит на проезд до местонахождения герцога Виенто. А может быть, и на еду.

Только Дейна успела об этом подумать, как за спиной раздался громкий стук копыт. К ней стремительно приближались неизвестные всадники — как совсем недавно к маленькому рыболовному судну огромный корабль. С двух сторон.

Злой храп коней, топот по каменным плитам, неясные выкрики. Ничего не понимая, растерявшаяся Дейна кинулась бежать. Вперед, затем в сторону. Укрыться за колонной или аркой! Но нет, везде было пусто. Видимо, Дейну занесло в торговый квартал. Вымощенная серым камнем дорога, по обе стороны от которой тянулись ряды купцов.

— Именем герцога! Стоять!

Невпопад Дейна Морлан махнула рукой назад и плеснула в преследователей ледяную

воду. В спину ей полетели хриплый смех и грубые ругательства.

— Ишь ты, ведьма какая!

— А может и впрямь, ведьма...

— Надо брать!

Это все, что расслышала девочка за миг до того, как над ее ухом раздался тонкий мерзкий свист. Нож? Нет. Веревоочная петля, крепко схватившая за горло и вынудившая немедленно остановиться? Да! Дейна захрипела, схватилась за горло, отчаянно и беззащитно хватая ртом воздух. Она упала на колени, разбивая их в кровь, и до последнего пыталась сорвать проклятую веревку с полузадушенной шеи.

В глазах темнело и не только из-за ночи. Кровавые всполохи плясали перед ее взором еще несколько минут после того, как преследователи спешили, заставили ее подняться и грубо заломили руки за спину.

— Ведьма, как твое имя?

— Дейна... Морлан...

Из глаз невольно бежали слезы, к горлу изнутри льнула тошнота. Девочка не могла надыхаться.

— Мы удачно поймали ее, — хохотнул высокий мужчина в блестящей броне стражника. — Как герцог и наказывал.

Дейна ничего не понимала. Она стояла и смотрела на незнакомых и страшных людей, отчаянно моргая, а те, кто стояли за спиной, связывали ей руки.

— Герцог Виенто? — шепотом переспросила девочка.

— Именно, дорогуша. Твоя мамаша чем-то насолила Его Сиятельству, так что он велел доставить к нему тебя.

Теперь Дейна вообще ничего не понимала. Слишком много для нее произошло событий в эту злую ночь, а при упоминании матери в груди немедленно выросла холодная острая льдина. Сил на сопротивление не осталось, и Дейна позволила усадить себя в седло.

— Извините, сударыня, пони для вас не нашлось, — пошутил усатый воин, на чье загорелое лицо упал свет снова выплывшей луны.

— Ничего, — с достоинством ответила Дейна. — Это не угрожает меня.

После всего случившегося у девочки кружилась голова и дрожали ноги, но она не позволила себе упасть в обморок в пути. Держалась она и по прибытии, когда через несколько часов ее, шатающуюся от огромной усталости, сняли с лошади, развязали и повели в огромное, роскошное поместье.

Давно рассвело и на нежно-голубом небе медленно выплывали золотистые солнечные лучи. Перед тем, как войти в распахнутые высокие двери особняка, Дейна успела оглянуться назад и подумать, что, наверное, видит солнце в последний раз.

Но не этого ли она хотела, покидая родной дом?

Серхио Рэд жил в небольшом доме на окраине Нортэна. Каждое утро он просыпался рано и пил свой любимый бодрящий чай, собранный в восточных странах, поглядывая в маленькое окошко гостиной, как нежно розовеет полоса рассвета. Экономка, кухарка и повар давно привыкли к ранним подъемам господина, тем более, что платил он им достойное жалование.

Середина месяца Квинтиса — благодатное время теплой погоды на севере. Уже растаял снег, но изнуряющий зной еще не мучает горожан. Серхио любил эту пору и одновременно

ненавидел. Именно в месяц Квинтис он был тяжело ранен в бою пять лет назад, излечен лучшими целительницами, и отправлен в отставку. Из генералов в наемники. И даже убивать как следует Серхио не смог, из-за чего был отправлен в Нортэн, чтобы натравливать на врагов подрастающее поколение.

По рождению он являлся боевым магом Земли. Но куда сейчас девать эту стихию, будучи в отставке? Не картошку же окучивать!

С досадой поморщившись, Серхио одним глотком допил остатки горячего чая и отодвинул фарфоровую чашку. Ему стало дурно и тошно от осознания собственной никчемности и ущербности.

Этой ночью он своей рукой отправил на убой трех девчонок. Младшей из них не было и двенадцати лет. Он-то не дурак и сразу понял, что Дейна Морлан лжет. Но и как обличить ее обман без бумаг, не имел понятия. А девчонка твердая и целеустремленная. Была. Жалко ее.

Именно так. Обо всех юных разведчиках, уплывших в стан врага, Серхио предпочитал думать в прошедшем времени.

Сегодня был его выходной. Серхио Рэд не знал, сколько еще просидит в раздумьях перед окном и когда отправится на длинную прогулку по городу. Но его ближайшие планы нарушила встревоженная молодая служанка, вбежавшая в гостиную без стука.

— Господин, к вам рвется какая-то женщина... Говорит, что целительница... Очень срочно...

Серхио не мог отказать ведьмам-целительницам. Именно эти храбрые женщины в свое время оттеснили смерть от него, подарили ему возможность видеть, ходить, говорить. Жить... Прерывисто вздохнув, он забыл про завтрак и решительно махнул рукой.

— Пусть заходит. Пригласи ее сюда и накрой стол для чаепития. На двух персон.

— Но, господин, эта женщина из бедного квартала...

Серхио свел брови и сурово глянул на служанку

— Я все сказал. Зови и накрывай.

Та скривила губы, но поспешно поклонилась и вышла прочь.

Через несколько минут в комнату ворвалась молодая и красивая женщина в небогатой, но добротной одежде. Ее светлые глаза метали молнии, каштановые волосы слегка растрепались от быстрой ходьбы и ветра, а тонкая красивая ладонь указывала на Серхио.

Он уже знал Лилиану Гартон-Морлан, но раньше не имел понятия, что она целительница. Это подогрело его уважение и симпатию.

— Вы солгали мне! — крикнула она срывающимся голосом. — Моя дочь! Герцог Виенто!

Лилиана тяжело дышала и чуть не плакала, пока Серхио внимательно на нее смотрел, пытаясь понять, чем он может помочь материнскому горю.

— Прошу, присаживайтесь, — сказал он спокойно, указывая в свободное кресло. — Я выслушаю вас.

Красавица села в кресла, не сводя с него гневного, обвиняющего взгляда.

— Мою дочь похитили люди герцога Виенто! Потому что я помогла его беременной жене скрыться от побоев в заброшенном замке! Он узнал, что Дейна хочет пойти в разведку, а вы солгали мне, будто она не в вашем пункте!

— Солгал, — вздохнул Серхио. — Но, уверяю вас, я незнаком с герцогом настолько близко, чтобы помогать ему строить планы о похищении детей. Я... я сам не знаю, зачем это сделал. Просто пошел на поводу у неразумного ребенка.

— Теперь он шантажирует меня жизнью дочери!

С этими словами Лилиана выхватила из-под передника помятый вскрытый конверт и шлепнула им по пустому подносу. Серхио и бровью не повел.

Между тем открылась дверь, и служанка принесла новый поднос, с чашками, чайником, сливками и вазочкой конфет. Серхио взял конверт, пока девушка расставляла угощение, и быстро пробежался взглядом по тонким черным строчкам. Весь текст — сплошная угроза. Мерзавец Виенто писал, что раз девчонка нанялась в разведчики именно в принадлежащем ему пункте, то стала чуть ли не его собственностью. А так как ее помощницы, сироты Катрин и Элизабет пропали при неизвестных обстоятельствах, можно обвинить Дейну Морлан в причастности к их убийству.

— Глупости какие-то, — вздохнул Серхио, положив бумагу на колени.

— Эти глупости, мой дорогой, начали вы! Потакаете прихотям детей, а их потом убивают! — припечатала Лилиана.

— Я такой же подневольный человек, как и вы. Но я не считаю, в отличии от многих других, что вы потакаете прихотям неразумных женщин.

У красавицы задрожали губы. Она посмотрела на Серхио блестящими глазами.

— Правда?

— Да.

— Но что нам теперь делать? Я не хочу потерять свою дочь!

— Для начала успокоиться, — Серхио взял письмо и перечитал внимательнее. — Вы можете вернуть беглянку?

— Не думаю. Она на последнем месяце беременности. Возвращение не пойдет на пользу ей или ребенку.

— В таком случае, — Серхио решительно поднялся с кресла и тут же поморщился от резкой боли в старой ране, — нам остается только одно.

— Штурмовать поместье герцога?

Усмехнувшись, он покачал головой и окинул наряд Лилианы придирчивым взглядом.

— Почти, сударыня. Мы просто придем к нему в гости.

Глава 9.5. Обман и прощение

Когда Дейна исчезла, оставив прощальное письмо, Лилиана не могла найти себе места от тревоги, страха и отчаяния. Она до сих пор помнила, насколько тяжело далось ей рождение единственной дочери. Сама мысль о потере Дейны была невыносимо удушающей, почти убийственной. Мечась по дому в поисках любых других следов, оставленных несносной девчонкой, безутешная мать несколько часов пыталась взять себя в руки и мыслить здраво.

А потом отправилась в пункт набора наемников.

И столкнулась с Серхио Рэд, который солгал, с улыбкой глядя ей в глаза.

Да, Лилиана знала, что люди и маги обожают ложь, но Серхио почему-то показался ей человеком, неспособным на нее. Что ни говори, а в людях она ошибаться умела мастерски.

Все стало хуже, когда она вернулась к своим рабочим обязанностям. Герцогиня Виктория Виенто, смуглая южанка с темными кудрями, восьмой месяц вынашивала ребенка, и ей пришлось сбежать из поместья, спасая сразу две жизни, когда Даниэль Виенто пристрастился к вину. Из любящего супруга он превратился в чудовище, способное убить.

Лилиана пережила нечто похожее с Андре Морланом, который впал в безумие буквально за считанные месяцы. Но бежать пришлось уже с ребенком. И она всего лишь

хотела, чтобы у незащитного ребенка детство было приятнее, чем у Дейны. Поэтому лично проводила беременную женщину в заброшенный замок, под покровом ночи. Там уже нашли свое пристанище несколько несчастных дам из разных сословий. Вместе они вели хозяйство, утешали друг друга и воспитывали детей.

С родами сложнее, но Лилиана подсуетилась и отыскала хорошую повитуху, которая поселилась в этом же замке.

Только это пришлось не по нраву герцогу Виенто. Его взбесило, что какая-то жалкая простолюдинка-целительница пошла поперек его воли. И срок для выполнения распоряжения — месяц. Герцогиня должна родить ребенка и вернуться к мужу, иначе последствия станут ужасными.

Лилиана не знала, насколько причастна к случившемуся болтливая Сара или другие доброхоты, но очень скоро герцог выяснил, кто причастен к исчезновению его супруги. Счастье, что не догадался о месте ее нахождения, иначе бы кроме герцогини пострадали другие женщины и дети. Нет, Лилиана не могла допустить этого! Самоотверженная и храбрая, она мечтала уберечь их всех от большой беды.

Схватив помятое письмо, она наскоро узнала, где живет проклятуший лжец Рэд и помчалась к нему, очертя голову.

А тот оказался не таким уж и плохим человеком.

Лилиана знала, что одни люди делают ошибки и не стремятся исправлять их, а другие наоборот сожалеют о содеянном. По выражению лица Серхио она поняла: этот добрый и честный мужчина принадлежит ко второму типу людей.

— Мы просто придем к нему в гости, — сказал он, подразумевая жестокого герцога.

Лилиана тяжело вздохнула и закрыла руками разгоряченное лицо.

— Если это изменит положение, то конечно... я согласна...

Пристальный и теплый взгляд черных глаз окинул ее сжавшуюся ссутуленную фигуру.

— Но не сегодня.

— Что?! — вскричала Лилиана и резко вскочила с кресла. — Вы разве не понимаете...

— Как бы вам объяснить... Господин герцог Даниэль Виенто терпеть не может простолюдинов. Они для него — что-то вроде уличной грязи под сапогами. Нам понадобится пара недель, чтобы обучить вас манерам. А пока вы слишком худы и напуганы, чтобы выглядеть, как настоящая дворянка.

— Дворянка? — неловко переспросила Лилиана. — Что вы имеете в виду?

— Я представлю вас своей невестой, — объяснил Серхио.

Лилиана судорожно выдохнула.

Обычно такие слова вызвали бы у нее бурю эмоций и возражений, но сейчас, когда речь шла о свободе и жизни родной дочери...

— Хорошо, сударь, — сказала она, опустив глаза. — Я притворюсь вашей невестой, чтобы попасть в дом герцога Виенто.

Отдельно она отметила, что Серхио не начал настаивать на настоящей помолвке, за что была благодарна ему.

Жизнь в герцогском поместье для Дейны текла скучно, но вместе с тем и тревожно. Ничего не зная о своем будущем, девочка сидела взаперти, в одной из богатых комнат, но, когда за ней приходил слуга, чтобы проводить в обеденную, она с готовностью выходила. Здесь вся обстановка разительно отличалась от той, что была в доме ее отца, княжича Андре

Морлана. Яркая, вызывающая, кричащая роскошь в виде обилия золота, красного бархата, излишка тяжелых картин, которыми увесили все стены, не понравилась Дейне.

На миг она допустила мысль, что слишком привыкла к скромности и неприязнительности. Но думать об этом было сложно.

Герцог Даниэль Виенто оказался рослым и крепким молодым мужчиной с бледным лицом, черными волосами и надменно-усталым видом. Он велел привести к нему пленницу первым же утром после того, как ее доставили в поместье. И, едва увидев Дейну, посмотрел на нее свысока. Угрюмо. Почти зло.

За свою коротенькую жизнь Дейна привыкла к подобным взглядам. Она многим не нравилась.

— Девочка, ты знаешь, почему тебя привезли сюда?

Сначала Дейна поклонилась, как подобало человеку ее сословия, а затем невозмутимо ответила:

— Ваши люди сказали, что моя мама вас чем-то обидела.

— Верно, — кивнул герцог. — Она растоптала мою честь, позволив моей глупой жене от меня сбежать. Впрочем, ты еще слишком мала и не поймешь.

Дейна молчала. Она-то как раз все поняла, но не стала в этом признаваться. Мало ли, какой нрав у злодея!

— Останешься здесь, пока твоя вздорная мамаша не приведет обратно герцогиню.

— Да, господин герцог.

— Не печалься, ты будешь получать все, что тебе понадобится.

— А если моя мама не сделает этого?

— То закончится данная история очень трагично, — герцог оглядел приемную и остановил свой взгляд на замершей пленнице. — Для тебя.

— Я была готова отдать жизнь за свою страну! — заявила Дейна, надеясь призвать Его Сиятельство к совести.

— А отдашь ее за безрассудность своей матери, — хохотнул Виенто, и щелкнул пальцами, давая понять, что разговор окончен. — Уведите ее.

Свое одиннадцатилетие Дейна встретила взаперти, в компании тяжелой книги и маленького окна, забранного решеткой. Но теперь она ни о чем не хотела жалеть из того, что натворила в последнее время. Плакать тоже было нечем. Все слезы словно перегорели, и внутри остался серый холодный пепел.

Лилиана и Серхио нанесли визит герцогу Виенто в двадцать восьмой день месяца Сикстиса. Боевой маг и целительница оделись в роскошную и неудобную одежду, и, пока ехали в пригородное поместье, Лилиана судорожно припоминала, все ли манеры и правила этикета ей известны. Серхио не углублялся в тонкости и подробности, но преподнес ей самые основы. Предстояло проявить себя и не ударить в грязь лицом.

Нанятая карета ехала довольно быстро по неровной дороге. В другой ситуации Лилиану бы это начало раздражать, но теперь она думала только об удачном исходе дела.

— Давайте повторим все в последний раз, — негромкий голос Серхио вывел ее из тяжелых раздумий. — Вы — моя невеста. И мы вот-вот бы поженились, если бы не похищение вашей дочери.

— Да, именно так, — промолвила Лилиана. — Моя помолвка заставит герцога поверить в то, что я остепенилась и перестану морочить головы женщинам, как он считает. Но...

— Что?

— Он еще не знает, что его жена вернется к нему сама через несколько дней. Бедняжка родила мертвого ребенка.

— Вот как? И зачем ей к нему возвращаться? Она свободна от бремени, и...

— Мужчине не понять, уж извините. Вы свободны с рождения. Мы же переходим из-под власти отцов под власть мужа.

Серхио задорно улыбнулся.

— Что-то я не заметил вашего отца. Или вы...

— Моя мать стала вдовой через год после рождения Дейны, — с достоинством ответила Лилиана.

И Серхио помалкивал весь оставшийся путь.

Все оказалось гораздо легче, чем Лилиана себе представляла.

Когда угодливые и вежливые слуги проводили гостей в огромное поместье, то не заставили ждать герцога, а сразу повели в приемную. Огромное, просторное и очень холодное помещение. Камни дышали зимним морозом и пили тепло из тел визитеров, хотя на улице расцветало жаркое лето. Герцог Виенто, одетый в темный бархатный костюм, сидел в высоком узком кресле, пристально глядя на целительницу. А чуть подалее...

— Дейна!

Имя дочери сорвалось с материнских уст неожиданно. Девочка встрепенулась и затравленно посмотрела на мать.

В серых глазах Дейны окреп недетский холод, а сама она походила на обозленного волчонка. Разве что не зарычала в ответ. Лилиана вздохнула. Неужели они с матерью так жестоко воспитывали девочку, что той стало проще умереть, чем жить с ними?

— Здравствуйте, генерал Рэд. Здравствуйте, сударыня, — Виенто даже не удосужился назвать ее имя. — Вам повезло. Я как раз вчера получил письмо от моей женушки. Она сожалеет об утрате нашего ребенка и хочет вернуться ко мне.

Немигающий взгляд герцога устремился прямо в лицо Лилианы.

— Мой ребенок умер из-за вашего вмешательства. Будь я тираном и деспотом, обязательно убил бы вашу дочь, чтобы отомстить. Но я великодушен и отпускаю Дейну Морлан.

Лилиана ахнула. Дейна встала и неуверенно сделала два маленьких шага ей навстречу, когда герцог продолжил скучающим голосом:

— Пойдите, дамы. Не все так просто и быстро. Дейна Морлан, я отпускаю вас при одном условии.

Девочка возвела глаза к потолку и нетерпеливо оглянулась.

— Вы все так же будете служить в моей разведке, когда вам исполнится восемнадцать лет. И вас ждут самые почетные и трудные задания, за которые другие боятся браться. Вы настолько тихая и незаметная, что идеально подходите для жизни разведчика.

Лилиана отчаянно надеялась, что дочь вопросительно посмотрит на нее, взглядом спрашивая разрешения, но та лишь кинула тихое «да», прежде чем пойти дальше.

— Нет! — как во сне Лилиана услышала свой голос, пока Серхио обнимал ее за плечи. — Дейна! Нет!

— Первое слово сказано, — ледяной голос Виенто больно ударил по слуху. — Ваша дочь согласна, остальное вас тревожить не должно. До встречи, Дейна Морлан, через семь

лет. Надеюсь, ты проживешь их хорошо.

— Да, Ваше Сиятельство, — мертвым голосом ответила Дейна.

Она первая вышла из поместья, а следом за ней — ошарашенная Лилиана под руку с Серхио, и все вместе уселись в карету. Ругань, споры, разногласия — все это пока придется оставить в стороне. Согласие Дейны опять-таки было вырвано не свободным выбором, а шантажом в обмен на свободу девочки. Это Лилиана поняла быстро.

А значит, остается надеяться, что за семь лет герцог Виенто сохнет.

Или им удастся сбежать.

Лилиана с горечью смотрела на сидящего напротив нее ребенка, а видела юную девушку, повзрослевшую на несколько лет.

«Важно помнить, что она все равно осталась ребенком», — подумала молодая женщина по дороге в дом Серхио. И она была благодарна господину генералу за то, что он любезно предоставил им приют на несколько дней. Нужно привести в чувства Дейну и ожить самой. Ведь плохое осталось позади.

Пусть и ненадолго.

Глава 10.1. От лета до лета

Впервые за последние одиннадцать лет Лилиана Гартон-Морлан не знала, как найти язык с родной дочерью. С той, кого выносила, родила, вскормила. С милой, чудесной, самой доброй малышкой Дейной.

Малышка выросла и обнажила маленькие, острые белые зубки в диком оскале.

С одной стороны, Лилиана понимала, что детям, рожденным на стыке трехсотлетий, называемых тринтами, приходится очень и очень непросто. Год рождения Дейны — как раз 299 год Красного Тринта. Сейчас уже одиннадцать лет шел голубой тринт. Шла затянувшаяся война, рушились судьбы, приносились и нарушались клятвы. А страдали от всего этого простые маги из провинции.

В этот раз Дейна усвоила необходимый урок, поняла свои ошибки и уже через неделю, когда оттаявшая от гнева и страха мать предложила запоздало отпраздновать прошедший день ее рождения, смотрела весело и говорила бойко. У Лилианы отлегло от сердца. Даже тревожная мысль о будущей службе дочки казалась сейчас напрасной. За семь лет многое изменится, сложно предугадать, что случится.

— С днем рождения, моя маленькая княгиня! — сказала она торжественно и радостно, доставая из печи фруктовый пирог.

Любимое лакомство дочери. Наверное, Дейна считала, что матери нет до нее дела, и поэтому сочла себя недостойной находиться под крышей этого дома. Гордая девочка. Лилиана сама была такая. В каждом поступке, каждом слове Дейны она видела саму себя.

Или то дурное, что осталось от Андре.

Вспоминать бывшего мужа было невыносимо. Да, он больше не присылал ей гнусные, переполненные жестокой клеветой письма, обвиняя в несуществующих изменах. Не являлся в кошмарах. Не чудился в уличной толпе. Но это не отнимало того факта, что Лилиана готова была выбросить из памяти любые воспоминания о нем. Даже несмотря на то, что когда-то безумно любила этого человека.

Она наблюдала, как неуловимо меняется дочь, и боялась того, что однажды милое и доброе личико Дейны исказит злобный оскал. Как у Андре, когда он был зол. Дочка была склонна к необузданной ярости и гневу.

Нет, еще одного вспыльчивого человека в своей жизни Лилиана точно не выдержит.

А Серхио казался ей совсем иным, нежели Андре. Он был добр и к ней, и к Дейне, и даже помог с вызволением девочки из плена, хотя не был обязан это делать.

— Спасибо, мама, — ответила дочь, не догадываясь о материнских мыслях.

И они вдвоем принялись есть фруктовый пирог, запивая его травяным чаем.

Гости в этом году были бы неуместны.

Дейна старалась не вспоминать, сколько времени с ней нет рядом призрака Генри. От этого становилось тошно, горько и обидно. Раньше, когда она принималась грустить или тосковать, призрак мог в любой момент оказаться рядом и сказать пару-тройку утешающих фраз. В них не было ничего особенного, но слова умершего доктора исцеляли ее обожженную душу.

Жаль, что отец оказался таким невыносимым мерзавцем, что у него поднялась рука на врача!

Несколько раз Дейну так и подмывало разболтать матери эту чужую тайну, но она каждый раз проглатывала слова и отводила взгляд, чтобы избежать соблазна. Если убийство касается только отца и Генри, она расскажет тайну только после отцовской смерти. Не раньше. Так будет честно, ведь Андре Морлан, как не крути, ее отец. Хоть и не самый лучший.

А сейчас, когда ей можно спокойно учиться и не надо служить герцогу Виенто, все будет хорошо.

— Мама, я хочу навредить герцогу, — сказала она однажды за завтраком спокойным, но все равно дрожащим голосом.

— О, Боги! — вскричала Лилиана и гневно звякнула вилок, бросив ее на стол. В воздух взметнулись и мягко шлепнулись на столешницу брызги горячей жидкой каши. — Почему ты не хочешь направить свою магию в созидательных целях?! Обучение, помощь матери... я уже не говорю о бабушке...

Дейна почувствовала, как к глазам подступают слезы, и громко шмыгнула носом. Она не понимала, почему мать так злобно реагирует на любое ее слово.

— Не переживайте, мама. Я это сделаю не завтра и даже не в этом десятилетии, — сдавленно пробормотала Дейна, а потом принялась молча глотать безвкусное варево. — Возможно, вы будете рады узнать, что моя изломанная магия становится прежней. Герцог Вианто добавлял в мою еду целительные зелья.

Она посмотрела в глаза притихшей матери и громко, с обидой, выпалила:

— Или отраву с целительным эффектом!

Лилиана отшатнулась и закрыла лицо руками.

— Кто ты, Дейна? Тебя словно подменили! — запричитала она глухим, дрожащим голосом. — Я совсем не узнаю мою милую, маленькую, покладистую девочку!

— Просто я взрослею, мама, — ответила Дейна так же тихо и надломленно.

Несмотря на неудовольствие сильных мира сего дела у Лилианы шли прекрасно. Теперь нуждающиеся в защите и помощи женщины тянулись к ней в госпиталь из предместий и даже соседних городов. А Дейна, несмотря на все печальные прогнозы магических лекарей, потихоньку набиралась сил.

Миновало жаркое лето и незаметно подкралась золотая осень. В душах матери и дочери снова расцвели гармония, взаимопонимание и доброта. Обычно они очень хорошо ладили,

если этому не мешала бабушка София, у которой еще сильнее испортился характер.

Дейна больше не испытывала к бабушке страха. Скорее — неприязнь, тревогу и полнейшее нежелание общаться со старой ведьмой. Прошло то время, когда бабушка вызывала у внучки панику одним своим видом, теперь она стала сильнее и злее.

И все-таки, как же сильно ей, в этом бесконечном и безграничном одиночестве, не хватало призрака Генри!

Училась Дейна играючи, испытывая небольшие трудности разве что в нумерологии, появившуюся на пятой ступени школы. И этот год пролетел беззаботно — от осени до следующей осени. Все это время девочка восстанавливала силы, практиковала простенькую защитную магию. Это самое начало для одаренного ребенка, желающего научиться возводить вокруг себя барьеры из воздуха, огня, воды или земли.

Все эти стихии опасны, каждая по-своему. Любое излишество может стать смертельным, если его не воспринять всерьез.

После длительных тренировок Дейна проводила время за столом, склонившись над любимой черной тетрадью. В ней уже заканчивались листы, но девочка не унывала. Несмотря на сложные времена, в школе магии всегда хватает бумаги — это она крепко помнила. Даже если ученики занимаются с наставниками отдельно, записывания лекций, решения нумерологических и философских задач, и прочих работ это никак не отменяет.

Мать относилась к увлечению дочери двояко.

— Занимайся больше магией, чем писательством, — любила говорить Лилиана. — Не дай творениям помешать твоим четырем дарам. Возможно, ты — именно та ведьма, кто вытащит нашу семью из бедности.

Эти слова не очень понравились Дейне.

Меньше всего она хотела стать разменной монетой для матери и бабушки. Но в тот день она ничего не сказала, не найдя достойных аргументов. Да и к тому же к словам юных девочек обычно не прислушиваются. Или считают их злыми, глупыми, незрелыми, и так далее. Когда Дейна была совсем маленькая, то слышала странную фразу: «Речь серебряная, а тишина — золотая».

Слышала и не вполне понимала, чем серебро хуже золото. Вот если бы речь шла о железе или о меди...

Героями рассказов Дейны становились совсем юные маги и ведьмы, ребята и девушки, чуть старше нее самой. Они вели свободную от родителей и наставников жизнь, спасались от некоего темного короля и отважно сражались с его слугами.

— Если бы я знала, что ты любишь историю магии, то подумала бы, что ты ею вдохновилась, — сказала Дейне мать, через месяц после ее двенадцатилетия, прочитав один из рассказов.

— История интересна, — простодушно ответила девочка. — Но неинтересно учить и запоминать эти даты. Кому нужно знать, в каком году король Эстебан Тринадцатый заболел лихорадкой? А королева Элла умерла от чахотки? А принц Альфред Первый чихнул на своем дне рождения?

Лилиана вздохнула, поджала губы и покачала головой.

— Дейна, дорогуша, это изучают все волшебники — от простолюдинов до принцев. Я, твоя бабушка София, твоя прабабка Нерия — все узнавали об этом, учили и не морщили носы, подобно тебе!

Усмехнувшись, Дейна не осталась в долгу:

— Ну и в каком же году Альфред Первый чихнул?

Лилиана оскорбленно всплеснула руками:

— Ой, хватит! Я тебе слово — ты в ответ десяток! Иди лучше магию тренируй, чем с матерью пререкаться!

И Дейна ушла на задний двор, к привычным цветочным кустам, к низеньким кривым яблонькам и грушам. Через два года на третий они давали удивительно крупные и спелые плоды золотистого и алого окраса. Из них мать и готовила фруктовые пироги. И каждый раз обещала Дейне, что, если ее магический огонь случайно заденет хоть одну веточку, та будет сажать новые деревья сама. Выращивать — тоже.

Дейна не знала, насколько эта угроза правдива, но вела себя достаточно осторожно. В самом углу цветущего дворика, между неровным рядом груш и старым забором находился клочок пустынной земли. В его центре красовалось круглое костровище. Хозяйка домика упоминала, что давным-давно здесь разводили огонь и пекли на нем хлеб, чтобы развлечь и накормить полуголодных детей. Но те времена давно прошли, костровище осталось холодным и пустым.

Подумав, что неплохо бы это исправить, девочка направила крепко сжатый кулак на свою цель и резко разжала пальцы. В костровище, засыпанном старым серым пеплом, тут же ярко вспыхнул рыжий огонь. Его синие языки резво взметнулись сначала вверх, потом — к забору. Дейна махнула другой рукой, наколдovывая воду.

Только волшебной водой можно остановить волшебное пламя. Обычная его не берет.

Рыжее чудовище недовольно зашипело и съежилось, не добравшись до цели.

Дейна облегченно выдохнула, облизала пересохшие губы и с опаской огляделась по сторонам, надеясь, что никто не увидел ее магии. Рядом никого не оказалось, только девочка чувствовала на себе чей-то внимательный взгляд. Сердце быстро колотилось от напряжения, испуга, неизвестности. Кто может подглядывать через забор? Хозяйка дома, мать и бабушка, если бы увидели такое, долго бы выслеживать не стали и сразу кинулись бы ругать, а то и колотить.

Хотя за магию наказывает только инквизиция. И то взрослых.

Плохо, когда сами взрослые маги злятся на детей за их нарастающее чародейство.

Дейна уныло огляделась по сторонам, но никого не увидела. В чистом синем небе ярко светило золотое солнце, над головой звонко пели птицы, а сама она сидела на зеленой траве, вытянув ноги. Подол светлого платья уже, наверное, запачкался, как и старые чулки, но она не хотела из-за этого тревожиться. У бедных двенадцатилетних девочек лет души поют, а глаза светятся счастьем, какими бы одаренными, болезненными и бедными они ни были.

Она уже собралась уходить, когда снова почувствовала на себе любопытный и внимательный взгляд.

Медленно обернувшись, Дейна увидела, как на заборе сидит незнакомый мальчишка с растрепанными черными волосами, смуглым лицом и узкими глазами. Таких ребят она раньше не видела — ни в школе, ни в столице, ни в герцогском поместье.

Едва поняв, что замечен, мальчик быстро слез и умчался прочь от дома. И Дейна осталась в полнейшем замешательстве.

Глава 10. 2. Маг и пекарь

Незнакомый мальчишка вернулся в месяце Уинтине — последнем месяце осени. К тому времени Дейна успела напрочь забыть о нем, углубиться в историю магии еще сильнее и узнать, что на юге Норденин рантеранцы убили нескольких малолетних разведчиков. За

теплом пришла легкая прохлада, ее в свою очередь сменили проливные дожди и слякоть, а жизнь продолжалась.

Обычно, когда наступали суровые осенние холода, Дейна коротала время дома. Но этот Уинтин выдался на удивление солнечным и сухим, хоть и не безветренным. Когда Дейна заканчивала писать лекции и прощалась с проходящими наставниками, то надевала новый костюм — на этот раз зеленый, купленный матерью взамен утраченного голубого, и выходила на задний дворик.

Летний уют и яркая прелесть ранней весны давно оставили это место, сделав его скучным и тоскливым. Костровище было сухим, только зажигать огонь в одиночестве Дейна побаивалась. Не дай Боги загорится ближайший куст, а потом пламя перекинется на крышу дома! Тогда мама не сможет расплатиться с хозяйкой, а та выселит их на улицу! О таком даже страшно думать!

А вот когда матушка была дома, они вдвоем смогли бы потушить пламя волшебной Водой.

Поэтому Дейна не трогала огненную стихию в одиночестве. Но магию Воды, Воздуха, и даже Земли отрабатывала ежедневно.

В этот день она настолько увлеклась магией, что не сразу заметила появления того самого мальчика, что заглядывал в их сад летом. Отношение у Дейны к мальчишкам всегда было не очень лестное. Когда она училась в школе, одноклассники высмеивали ее, издевались и чуть не оставили без магии. А про кровного брата лучше и вовсе не вспоминать.

— Тебе чего? — грубовато спросила она, повернувшись к забору и скрестив руки на груди.

Иногда так делала ее бабушка, переругиваясь с соседками. Бабушка в своем квартале — одна из самых сильных ведьм, ее уважали и боялись. Дейна знала, что своим видом не способна кого-нибудь напугать, но хотелось просто отвадить человека с дурными намерениями.

— Привет! — дружелюбно сказал мальчик.

Он помахал ей рукой и спрыгнул с забора — уже не по ту его сторону, как в прошлый раз, а во дворик. Эта вежливость немного удивила Дейну. Мальчишки так себя не ведут, они обычно задиристые и высокомерные.

— Привет, — сказала она добрее, но оставаясь такой же настороженной.

— Меня зовут Наоки Сино. Я из этого квартала. Одаренный маг.

— Одаренный? — Дейна очень удивилась. — Надо же! Я тоже.

Дети еще немного поговорили в тот день. Наоки было двенадцать, как и ей, но родился он в месяц Тертис. Переехав летом из столицы вместе со старшим братом Райто, он пытался освоиться в незнакомом городке. К сожалению, нравы здесь были крутыми, а люди — суровыми. И даже в магической школе «Обитель чудес», куда не смогла ходить Дейна, его не воспринимали всерьез.

— Люди не любят одаренных, — печально заключил мальчик, усевшись на холодную скамью, занесенную давно опавшими желтыми листьями.

— Маги тоже, — сообщила Дейна. — Меня пару лет назад избили. С тех пор я не хожу в школу.

— Что, совсем?

Дейна вздохнула и замялась. Признаваться в том, что ее отстранили от посещения

школы, но не от самого обучения, не хотелось, и она предпочла сменить тему.

— А почему вы уехали из столицы? Говорят, там славно.

Мальчишка погрузился и запустил пальцы в волосы, кусая губы.

— Славно, — сказал он коротко. — Для дворян. Райто — простой пекарь, а наши родители — потомки рантеранцев. И нам дали понять, что мы в Брении лишние. Буквально сброд. Хотя за хлебом брата выстраивались вот такие очереди.

И Наоки развел в стороны руки, показывая длину очереди.

— Меня не приняли в королевскую школу магии, — горестно поделилась Дейна, уже полностью доверившись новому знакомому. — И я стала учиться здесь.

— Может, это и к лучшему? — предположил Наоки. — Здесь нас не любят простые маги, потому что мы не похожи на них. А там любимчикам короля не нужны соперники.

У Дейны по спине побежали мурашки.

— Хочешь сказать, нас там убили бы?

— Не знаю, — с сожалением сказал Наоки. — Честно, не знаю. Но там все очень сложно и страшно.

После затянувшегося разговора Наоки немного замерз и ушел домой. Дейна предлагала открыть калитку, но он отмахнулся и с легкостью перемахнул через забор. Девочке сначала стало неловко из-за того, что она не догадалась пригласить гостя в дом. Потом она одернула себя — кто же в здравом уме приглашает малознакомого человека в гости? Даже если это симпатичный мальчик?

Когда мать спросила на следующий день, отчего дочка так светится счастьем, та быстро ответила, что подружилась с одаренным братом пекаря.

— Рантеранские мальчишки? — нахмурилась Лилиана. — Те, которые пекарскую лавку открыли по соседству?

— Они не совсем рантеранские. То есть...

— С одной стороны я не запрещаю тебе общаться с этим пареньком. С другой стороны, будь, пожалуйста, осторожнее. Помни о том, что никого дороже тебя у меня нет.

От этих слов у Дейны на глаза навернулись слезы. Она редко слышала такое от матери, и подозревала, что в ее годы Лилиана слышала добрые речи от Софии почти никогда. Но про бабушку лучше не говорить и не расспрашивать. Или — наоборот перебивать все материнские речи о «несносных мальчишках» разговорами про бабушкину злость.

Как хорошо, что в последнее время старая София совсем не приходила к ним в гости.

Наступила зима — холодная, колючая, вьюжная. Мороз рисовал на оконном стекле диковинные узоры, которые не всякому художнику по плечу. Из-за погоды почти все наставники Дейны простудились и перестали приходить до весны, а оставшиеся двое написали Лилиане письма с просьбой остановить занятия до наступления теплоты.

Об этом мать рассказала дочери с легким негодованием, но она совсем не огорчилась. Нет досуга лучше, чем читать толстые старые книги, писать рассказы при дневном свете и любоваться на великолепный зимний пейзаж, прильнув лбом к ледяному окну. Отсутствие учителей, конечно, не означало, что девочка может проводить время, как ей вздумается. Но читать и запоминать она могла и сама. Без наставников.

Однажды, когда новый год и первый его месяц Примис вошли в свои права, Дейна сидела за столом и листала скучную книгу по нумерологии. Казалось, что весь холод планеты Вирит сосредоточился именно здесь, в этой большой комнате маленького съемного

домика. Дейна зябко куталась в толстую материнскую шаль поверх своей, тонкой, и мрачно думала о вечере, когда приходится рано лечь спать, чтобы не разводить огонь в камине и не расходовать понапрасну дрова.

В окно прилетел снежок. Маленький, белый и крепкий.

Из-за белых морозных узоров ничего не разглядеть, поэтому пришлось выбежать на улицу. Хотя мать и запретила это Дейне, но сохранность хозяйских окон куда важнее здоровья двенадцатилетней колдуньи. Она быстро надела зимние башмаки, и все также, кутаясь в две шали, выскочила на порог.

Под окнами комнаты стоял Наоки, катая в ладонях новый снежок.

Он был одет в теплые куртку, штаны и рукавицы. А вот обувь Дейна не рассмотрела — мальчик по щиколотку утопал в снегу.

— Эй, ты что делаешь?!

— Тебя вызываю, — преспокойно ответил Наоки и посмотрел прямо на Дейну. — Твоя мама просила принести тебе письмо.

— Попросила? Не верю!

Дейна топнула ногой и в гневе посмотрела на мальчика, ожидая увидеть на его лице довольную усмешку. Но он не глумился, а сосредоточенно искал что-то за пазухой. Неаккуратно сложенную, испачканную чернилами, помятую бумагу с двумя строчками.

— Вот, держи.

Выхватив из руки Наоки письмо, она без труда узнала материнский почерк, и у нее тотчас же отлегло от сердца. А потом волнение нахлынуло с прежней силой.

«Дейна, отправляйся в заброшенный замок, где мы уже были. Иди, как только прочтешь. Постарайся успеть до темноты».

— Спасибо, — запоздало поблагодарила она Наоки, сделав несколько шагов к забору и спохватившись.

Он с удивлением посмотрел на Дейну.

— Оставишь дом незапертым?

Вместо ответа она послала ему мрачный взгляд, направила руку в сторону захлопнувшейся двери, щелкнула пальцами. С помощью воздушной магии щеколда и замок закрылись, а ей в ладонь прилетела тяжелая связка ключей.

— Я пойду домой, — заторопился Наоки. — Меня брат ждет в пекарне.

И тут же, не дожидаясь ответа, ушел своей дорогой.

Дейна посмотрела ему вслед, прежде чем кинуться в противоположную сторону.

Хорошо, что Наоки не увязался следом. Мать ничего не говорила о слезке, но после досадной и мрачной истории с герцогом Виенто Дейна догадывалась, что никто, кроме нее и матери не должен попадать в замок. Поэтому она шла очень быстро, то и дело оглядываясь по сторонам. Времени оставалось все меньше, сил тоже, а успеть надо было до темноты.

Дейна пришла в сумерках, и сразу ступила на подъемный мост — к счастью для нее он был опущен. Несколько десятков шагов, и вот, она уже в прохладном, темном, незнакомом холле замка. Из густого мрака навстречу шагнула уставшая мать, держа в руке медный подсвечник с пятью свечами.

Первым делом женщина поставила ношу на небольшой стол и заключила дочку в объятия.

— Мальчишка принес письмо? Это хорошо, значит, надежный. Спасибо, что пришла, мне понадобится твоя помощь. Но почему ты не оделась, как следует? Где твоя шубка?

— Я очень торопилась, — Дейна пожала плечами. — Не сердись.

За последний месяц в замке прибавилось постоялиц. Кроме знатных ведьм шли крестьянки, купчихи, торговки, жены ремесленников, и приводили с собой детей. Некоторые приплетались избитыми, умоляя спасти их и защитить. И Лилиана принимала каждую с сестринской любовью, но сразу предупреждала, что она — не Богиня, и не сможет сделать ничего, что не в ее власти.

Она не призналась дочери, что призвала ее не ради помощи, а из соображений безопасности Дейны. Слишком уж много в городе и предместье богатеньких типчиков, готовых на все, дабы потешить свою гордыню и вернуть измученных жен. После печальной истории с четой Виенто не хотелось испытывать судьбу.

Через день простуженная Дейна Морлан слегла с лихорадкой.

Глава 11.1. Дары Богов

Дейна провела в лихорадке и беспомощности слишком долго. Иногда у ее матери Лилианы, несмотря на целительную магию, возникали стойкие сомнения в том, что дочь способна выжить. Им пришлось остаться в замке, пока злые морозы не разжали ледяные тиски, пока не наступила весна. В Нордении и весна иной раз обжигала холодом, но в этом году им повезло. Когда возвращались в город, Дейну нес на руках Серхио Рэд, ведь она была очень слаба, чтобы идти самостоятельно.

Это нарушило все планы Лилианы скрывать местонахождение замка. Но женщина решила не огорчаться из-за такой малости. Во-первых, не такой уж и тайной было для горожан убежище женщин, но пока они это терпели. Во-вторых, Дейну надо было выносить и все тут. Никто другой, лучше Серхио бы не справился с этой задачей.

Лилиан сердечно попрощалась со своими подопечными и попросила их беречь себя, прежде чем они втроем ушли в город.

Шагали по мосту глубокой черной ночью, ведь осторожность никто не отменял. Серхио нес сонную девочку на руках и шёл очень осторожно, чтобы не оступиться. Случись за ними погоня, он мог бы и не успеть убежать. Но пока все было ровно и гладко.

Наконец-то они подошли к дому, и тут Лилиана смогла заговорить:

— Спасибо вам, господин Рэд.

— Просто Серхио, прошу вас.

— Вы делаете столько хорошего для нашей семьи, Серхио!

Она пригласила его зайти, зажгла свечи и посмотрела на мужчину с огромной благодарностью в усталом взгляде. А он подарил ей взгляд, полный любви и тревоги.

— Кровать Дейны в комнате, — произнесла Лилиана, когда молчание стало совсем уж неловким. — Сейчас я вас провожу.

Она медленно открыла свободной рукой дверь, слыша каждый его шаг. И сердце Лилианы билось все сильнее, словно она была не взрослой женщиной, а юной девчонкой, вроде Дейны.

— Оставайтесь, сколько пожелаете, — предложила она Серхио, чувствуя странную неловкость.

— Нет, — так же неловко отказался тот. — Мне пора домой. Завтра ждет служба...

И он торопливо ушел, боясь, что Лилиана вспомнит о том, насколько гадкая и гнусная у него служба на самом деле. А она осталась с дочерью, и долго сидела возле свечи, пока не начало светать. Только тогда Лилиана Гартон-Морлан сумела уснуть на пару часов.

Когда она проснулась, кровать Дейны была смята и пуста.

Не в силах подавить растущую тревогу внутри себя, Лилиана встала, потеряла сонные глаза и медленно побрела на кухню. Там было по-утреннему светло и уютно. Закутавшись в материнскую шаль, Дейна накрыла на стол, найдя продукты в леднике и приготовив простой завтрак. Кипел чайник с бодрящим чаем, а на столе лежали в красивой посуде сухари, сушеное мясо и подгоревшие на сковороде яйца.

— Доброе утро, матушка! — поприветствовала ее Дейна, широко улыбнувшись. — Я полностью здорова!

— Доброе утро, дочь. Приятно слышать хорошие вести. А ваша магия?..

— В полном порядке! Даже лучше, чем была!

Нет, все-таки Лилиана совсем ничего не понимала в силе божественного промысла! Почему ее дочь долго лежала без сил и сознания, не тренируясь и не возвращая магию, а теперь говорит, что у нее все отлично. Лукавит? Да, возможно, не без этого, но совсем немного.

На самом деле Дейна чувствовала себя не так прекрасно, как сказала матери, но на эту легкую ложь у девочки были свои причины. Пока она находилась в лихорадочном болезненном сне, ее мысли и видения не покидал Наоки Сино — одаренный мальчик-пекарь. И она успела влюбиться в него — так сильно, как только могут влюбляться девочки двенадцати лет.

Но взрослым об этом говорить нельзя. Ведь девочки двенадцати и даже тринадцати лет должны отдавать все свободное время обучению, магии, домоводству в конце концов. Легкая дружба с мальчиками допускается, но только если она не вредит всему остальному. А Дейна сомневалась, что ее вспыльчивая, нервная и легкоранимая натура это выдержит.

Да и Наоки не приходил.

Мальчик словно испарился и все время сидел в пекарне, вместе с братом. Сама пекарня не закрылась, даже Лилиана ходила туда за хлебом и нахваливала владельцев и поваров. Кроме хлебов здесь пекли пироги, сладкие булочки, коржики, и многое другое.

— Как только у них хватает времени! — восторгалась Лилиана. — Маленький Наоки еще и магией занимается. Одаренный, как и ты, Дейна. Ох, была бы ты мальчиком, я отправила бы тебя в подмастерья.

В ответ на это Дейна ничего не отвечала или старалась избежать разговора всеми возможными способами.

Несколько весенних месяцев прошли очень быстро. К Дейне снова стали ходить наставники из школы, к теоретической магии прибавилась практическая, а это означало чаще вызывать огонь и воду. Нередко девочка обжигала руки — ее ладони и запястья покрылись крупными волдырями и шрамами, и только целительная магия матери делала увечья незаметными.

Она делала успехи играючи.

Но однажды наступит пора боевой магии, и тогда будущей служанке герцога Виенто придется приложить все свои старания, и даже больше. Дейна старалась об этом не думать. Когда надо будет, тогда она этим и займется. А сейчас ее единственной целью был глоток свежего воздуха после долгих и изнурительных занятий.

— Я хочу отдохнуть, матушка! — часто жаловалась она по вечерам.

Та смотрела на нее поверх дымящейся чашки чая и разводила руками:

— А рантеранские воины не отдыхают, дорогая Дейна. И знаешь, чем они заняты?

— Чем же?

— Убийством наших одаренных разведчиков. Понимаешь? Поэтому ты должна... нет, ты обязана стать первой и лучшей. Если хочешь дожить хотя бы до тридцати лет, то...

— О, Боги! Матушка! — воскликнула как-то раз Дейна. — Да я и до двадцати не горю желанием!

Вместо ответа мать скривилась, будто от зубной боли, и дала ей две пощечины. Звонко, больно, обидно! Вскинувшись, Дейна с яростью взглянула на мать, но увидела такой же дикий взгляд. Несколько секунд они смотрели друг на друга, будто волчица и волчонок.

— Молчи, глупая! Ты не смеешь говорить о смерти! Ты не знаешь, каким трудом я дала тебя жизнь!

Дейна внезапно осеклась и замолкла. Она вспомнила призрака Генри, появившегося из ниоткуда и ускользнувшего в никуда. Если бы она не родилась, то и бедному врачу не пришлось бы умирать от рук ее разъяренного отца...

— Я все знаю, мама, — обронила Дейна, и ушла на задний двор, оставив чай нетронутым.

Очередное летнее солнце светило, но не грело. Уже в конце месяца Сикстиса, когда Дейне исполнилось тринадцать лет, начались холодные ветра и дожди. Жизнь в северной стране себя оправдала, но не это волновало Дейну. Она знала, что у ее матери завязался роман с Серхио, и он зачастил к ним в гости, но не собиралась осуждать Лилиану. Тем более, после примирения.

Больше Лилиана не поднимала руку на дочь, и та оставалась довольной.

В первый день месяца Севинса — день рождения матери — Дейна вышла на улицу в самых расстроенных чувствах. Она хотела бы подарить Лилиане букетик цветов, но летние дожди размыли землю, превратив ее в жидкую грязь, а крупные градины побили все посадки Морланов. Оставалось надеяться на цветочников, но их цены после начала дождей взлетели до небес. Оно и понятно. Их яркие и красивые цветы выращиваются в оранжереях, а не на огородах.

Денег Дейны не хватило бы на подарок матери, и она, недолго думая, направилась в гости к Серхио.

Если он их навещает, то почему бы и ей не зайти? Серхио — хороший человек. Он заменил ей отца и время от времени приносит небольшие книги по стихийной магии, а также жития одаренных. Это дорогого стоит. Если он любит ее маму, должен помочь с подарком. С этой мыслью Дейна бодро шагала по сырому городку, шлепая по дождевым лужам.

Удобный зеленый костюм защищал девочку от сырости, а высокие сапожки из драконьей кожи — ноги от луж. Их Дейне подарила бабушка, передав обувь через мать. Видимо, ей проще любить внучку на расстоянии.

Дорога до Серхио заняла два часа пешком, но Дейне некуда было спешить. Дверь открыла улыбчивая экономка, и без лишних разговоров проводила девочку в кабинет хозяина дома.

— Дворецкий захворал, — пояснила добрая женщина. — Я его заменяю.

Серхио сидел у себя и разбирал стопки бумаг. Вопреки худшим опасениям Дейны он радушно принял гостью.

— Господин Серхио, — взволнованно сказала она, не забыв почтительно

поклониться, — сегодня у моей матушки день рождения. Я хотела бы ее порадовать, но наши цветы...

Не договорив, девочка покосилась на окно, за которым опять сгущались серые тучи.

Серхио тепло улыбнулся ей и встал.

— Я понял, Дейна. Я пойду и куплю подарок госпоже Лилиане. Скажу, что от нас обоих.

Дейна улыбнулась ему в ответ от счастья. Еще ни разу она не слышала, чтобы ее маму называли госпожой... кроме того полузабытого времени, когда они жили в княжеском поместье.

— Спасибо, господин Серхио.

— Хочешь прокатиться в карете?

— Нет, — решительно отказалась Дейна, неожиданно смутившись. — Я лучше прогуляюсь.

И, сердечно попрощавшись с ним, девочка твердым шагом вышла на улицу. На самом деле поездка в карете прельщала ее сильнее, чем возвращение домой по лужам, но и злоупотреблять чужой добротой Дейна не хотела. Поэтому она прошлась по городу, пришла домой к обеду и собиралась уже пойти сушить свою одежду, как вдруг...

— Дейна, стой!

Наоки, паренек из пекарни, стоял возле забора и неотрывно смотрел ей вслед.

— Привет, — растерялась Дейна. — Я думала, ты никогда не придешь...

— Я не успевал отлучиться, — мальчик развел руками. — Брату нужна была помощь.

За то время, что они не виделись, он сильно подрос и расправился в плечах. Дейна тоже не упустила времени зря и стала красивой девушкой. Но сказать друг другу что-то еще они оба очень стеснялись.

— Ладно, Наоки, — она тронула дверной замок. — Я пойду.

— погоди! — в его ломающемся голосе звенела стальная тревога. — Стой, тут для тебя есть весточка. Две девушки, Элизабет и Катрин. Шпионки. Они выжили и хотят с тобой встретиться.

Глава 11.2. Встреча с чудовищем

Дейна долго молчала, растерянно глядя в спокойное лицо Наоки. Сперва ей показалось, что мальчик шутит, но откуда ему знать про Элизабет и Катрин? Ведь она никогда не рассказывала о приятельницах из казармы. На самом деле Дейна старалась просто не думать о них, чтобы от боли не перехватывало дыхание.

— Что ты сказал?

— Катрин и Элизабет живы, — терпеливо повторил Наоки. — Они хотят с тобой увидеться.

— А... хорошо... — слова срывались с ее уст хрипло и недоверчиво. — Где они назначили мне встречу?

— Пойдем, я тебя провожу.

Дейна не знала, может ли Наоки знать про юных разведчиков, и что будет, если узнает. Несмело шагая за ним, она думала, что, если вдруг кто-то из взрослых узнает о знакомстве мальчика со шпионками, их всех ждет суровая кара. Или нет? Может, ее нарочно приучили бояться непредсказуемости взрослых больше, чем положено? Чтобы не высывалась и держала язык за зубами.

Они шли по узким окраинным улочкам, минуя грязные трущобы и кварталы с

тавернами, гостиницами, трактирами. Снова начал моросить дождь, на поверхностях блестящих мутных луж пошли крупные пузыри. Бабушка однажды говорила: такие штуки — верный признак того, что непогода затянется.

— Ты не боишься меня? — глухо спросила девочка, глядя в широкую спину Наоки, идущего впереди.

— Нет. А зачем?

— Я шпионка. Вдруг тебя...

— Ты не шпионка до восемнадцати лет, — перебил ее наглый мальчишка. — Об этом все в нашем квартале судачат. Пока тебе не о чем тревожиться.

Дейна коротко вздохнула и задумалась.

Когда герцог Виенто сказал, что ему не нужны ее услуги до восемнадцати лет, у Дейны отлегло от сердца. Она, как и ее мать, не сомневалась, что за эти годы может произойти абсолютно любое событие. Но время ползло вперед медленно и неумолимо, как приближающаяся ядовитая змея, гипнотизирующая жертву немигающим золотым взглядом. При мысли о будущем Дейне становилось не по себе.

Наоки Сино держался спокойнее и увереннее, но он молчал весь путь. Дейна предположила, что ему может быть грустно или страшно, а может он просто не хотел разговаривать с одаренной шпионкой. Дейна всегда тревожилась, если рядом с ней кто-то упорно молчал, когда ничего не препятствовало беседе.

Этому ее невольно научила мать.

Много раз Лилиана Гартон-Морлан резко замолкала, едва ее переставало устраивать поведение дочери. И с тех пор Дейна разучилась понимать, затаив человек из-за собственных раздумий или из-за внезапной обиды на нее.

Какая все-таки глупость — наказывать молчанием! Неужели наказывающие не понимают, что в один прекрасный момент наказуемые станут воспринимать их молчание, как величайшее благо?

Шагая следом за Наоко, Дейна долго думала и пришла к выводу, что молчуны, издевающиеся над людьми, что от них зависят, не хотят думать над своим поведением в принципе. Им это неинтересно. Они лучше станут корчить из себя великих господ над чувствами других людей, потому что безумное желание обрести власть куда дороже рассудка.

Так ожесточенно думала тринадцатилетняя девочка, семени за сопровождающим, пока они не вышли к пустынной улочке. Здесь располагалась маленькая таверна со смешным названием «Три кота». На вывеске и правда красовались неуклюже намалеванные коты. Разноцветные. Белый, рыжий, черный.

Увидев их, Дейна невольно улыбнулась и перестала злиться и грустить.

— Дождь расходитя, — сказал Наоки, нервно оглядываясь. — Пойдем быстрее?

Дейна резко остановилась. Воздух вокруг нее стал пугающе холодным, словно резко из Бездны — мира мертвых — выплыли полчища призраков и окружили их с Наоки. Стихийная магия не оставляет своих носителей в беде и подсказывает присутствие опасности, если та близко. Сердце девочки неистово заколотилось, душа ушла в пятки. А Наоки просто стоял спиной к ней и ждал ответа.

Тем временем, дождь не расходиля. Небесные капли стали чуть крупнее, но на самом дожде это не сказалося, и Дейна не почувствовала особых перемен. Ее волновало только одно: почему Наоки так спокойно стоит на одном месте, если только что боялся дождя?

Огромное чувство тревоги накрыло девочку, будто куполом. Она стояла на месте несколько минут, переводя взгляд с серого неба на мокрый черный затылок Наоки.

— Почему ты молчишь? — спросила она, решившись, чуть слышно. — Повернись ко мне.

И он повернулся. Моментально, резко, со злобным шипением, представ перед Дейной совсем в другом облике. Таким она Наоки еще не видела, да и не Наоки перед ней стоял. Незнакомое существо с желтым лицом, черными провалами глаз и оскаленным ртом с мелкими острыми зубами. Оно шипело, хрипло хохотало и смотрело точно в глаза Дейны, хотя она не была уверена в его остром зрении.

— Подружек увидеть хочешь? — ехидно спросило существо. — Заходи, будь добра. Обратно не выйдешь. Мы тебя заживо сожрем. Обглодаем до косточек.

Дейна попятилась, у нее пересохло во рту, а по спине пробежали волны мурашек.

— Мы?.. — только и спросила она.

— Я и подружки твои! — существо щелкнуло зубами. — Не они это. Подменьши. Слыхала, что одаренных сманиваем, а?!

И, расхохотавшись, оно хищно лязгнуло зубами.

Не помня себя от ледящего ужаса, Дейна Морлан отпрянула от подменьша и бросилась бежать, куда глаза глядят. Она все эти годы жила в центре Нортэна и плохо знала эти кварталы, но ноги и магия несли ее верной дорогой. Ветер пронзительно свистел в ушах, усилившийся дождь бил за шиворот и по лицу, а холодная вода струилась по телу.

Как добралась до дома, она тоже не помнила. Опрометью пролетев мимо пекарни братьев Сино, она вбежала в дом, упала на свою кровать и громко зарыдала.

На кухне была наглухо закрыта дверь, оттуда раздавались веселые голоса Лилианы и Серхио. И мать услышала завывания дочери. Быстро выйдя из кухни, она осторожно вошла в комнату, застав рыдающую Дейну на кровати.

— Дочка, что с тобой случилось? — медленно спросила Лилиана, с тревогой поглядывая на Серхио, идущего по пятам.

— Подменьш! — всхлипнула девочка, утирая рукавами мокрое лицо. — Кто-то подменил Наоки Сино! Он хотел меня сожрать!

— О, нет... — Лилиана сжала тонкими руками виски и в ужасе закрыла глаза. — Я так надеялась, что это обойдет нас стороной.

— Что, мама? — Дейна быстро вскочила с кровати, села на нее и внимательно посмотрела на нее, словно не билась только что в страшном припадке. — Ты знаешь про подменьшей?

— Это страшные твари, нападающие на одаренных, — сказала Лилиана, вздохнув. — Они раньше бродили по городам и селам, сманивали одаренных и съедали их где-нибудь в глуши. Притворяются их родственниками и друзьями, чтобы вызвать больше доверия. Но в последние двадцать лет от них не было ни слуху, ни духу.

— Замечательно, — буркнула Дейна, впав в состояние полнейшего равнодушия. — Еще одна напасть на меня.

— Не тревожься, дочка. Я сделаю тебе защитный амулет.

— Могу помочь, — неожиданно вмешался Серхио. — Ты можешь вернуться в корпус разведчиков.

Дейна не успела ответить — ее мать метнула в мужчину грозный взгляд, и он притих.

— Вам лучше идти, господин Рэд, — холодно сказала Лилиан. — Оставьте нас. В

ближайшее время может произойти все, что угодно. Я вам сама напишу, если ситуация изменится.

Серхио ушел, а Дейна осталась сидеть на кровати, замерев и прислушиваясь к разным звукам за окнами. Запахи свежее испеченного хлеба и меда, проскальзывающего в дверные и оконные щели, вызывали у девочки тошноту, а от веселых голосов на улицах она передергивалась. Когда стемнело, она не заметила, как заснула, а ночью уставшая Лилиан осторожно сняла с дочери сапоги.

Утро наступило резко, быстро, слишком ярко. Свет золотого солнца бесцеремонно проскользнул в комнату и разбудил Дейну. Она медленно села на кровати, чувствуя, как душно и как ноет голова. Во рту пересохло. Соседняя кровать пустовала — значит, мать уже проснулась. Да, точно! Дейна напрягла слух: на кухне Лилиана звенела посудой и налила воду. Неужели, Серхио вернулся?

Не ожидая ничего дурного, девочка вышла на кухню и замерла от ужаса и отвращения.

Рядом с матерью за кухонным столом, в старом кресле сидела бабушка София и пила целебный чай. Она состарилась еще сильнее, но и лицо у нее стало мрачнее, угрюмее, морщинистее. Неужели старость приходит рука об руку с ненавистью к окружающему миру? Если это так, Дейна хотела бы умереть молодой!

— Здравствуй, дочь, — мать избегала смотреть на Дейну и говорила очень серьезно, почти строго. — Я знаю, как тебя защитить. Ты возьмешь амулет и поживешь у бабушки до конца лета.

Сердце Дейны сделало пируэт, а потом разбилось вдребезги.

— Хорошо, — неохотно выдавила из себя она, уже зная, что молить и плакать смысла не будет. — Пойду соберу вещи.

— Много не собирай! — каркнула вслед ненавистная старуха. — Я тебе у себя рядиться не позволю! Будешь по хозяйству работать!

Полная отчаяния и бессильной злости Дейна с силой ударила дверью по косяку.

Бабушкино обиталище стало еще невзрачнее, грязнее, уродливее. Зато у Дейны теперь появилась собственная комната, заваленная всяким барахлом, от которого бабушка отказалась избавляться. И, чтобы лишний раз не попадаться под горячую руку, девочка коротала здесь время, листая книги о магии.

В один из таких дней, когда бабушка копалась на грядках, Дейна выскользнула из душного дома на улицу. Здесь уже давно светило холодное солнце, а дождь не шел уже несколько дней. Несмело пройдя несколько десятков шагов по блестящим от воды камням, Дейна внезапно увидела Элизабет и Катрин, чинно прогуливающих чуть поодаль от нее.

За минувшее время они обе стали красивыми и взрослыми девушками шестнадцати лет, в роскошной одежде и с прекрасно заплетенными волосами. И маленькая, невзрачная, угловатая Дейна в своих лохмотьях точно не сможет стать хорошей подружкой для них. Особенно после того, как сбежала от нападения рантеранского судна, бросив их на произвол судьбы.

Развернувшись, пока они ее не увидели, Дейна тихонько удалилась прочь, к бабушкиному дому, чтобы пойти в другую от него сторону.

Позднее она считала, что героически перенесла временное проживание у бабушки, а потом блестяще училась на седьмой ступени школы «Обитель Чудес». В этом году больше никаких страшных или печальных событий не происходило.

Кроме того, Дейна наотрез отказалась видиться с Наоки Сино — не из желания оборвать свою первую любовь и дружбу к нему, а из отчаянного, дикого, не поддающемуся контролю страха.

Глава 12.1. Раненый друг

Двадцать пятого числа месяца Сикстиса Дейне Морлан исполнилось четырнадцать лет.

Для норденийских юношей и девушек это лучший возраст, если они дворяне, и золотой, если они маги. И пусть Дейна была и княгиней, и ведьмой по происхождению, королевская добродетель обошла ее стороной. Для зачисления на старшие курсы школы королевской магической академии требовалось заявление отца или любого другого старшего родственника мужского пола, имеющего дворянские корни. Для вступления девушки в элитные магические отряды требовалось то же самое, плюс письмо самому королю.

Сколько бы ни писала Лилиана бывшему мужу, он никогда не отвечал даже отказом. Письма словно испарялись, словно не доходили до адресата.

— Это твоя бабка Нейта, — грустно вздохнула однажды летним жарким днем Лилиана, устав всматриваться в слепящее зарево. — Она наверняка перехватывает письма. Или запретила сыну отвечать на них.

— Да? — рассеянно отозвалась Дейна. — А почему не дед?

— Князь Морлан умер в прошлом году, — как ни в чем не бывало, объяснила Лилиана. — Его хватил сердечный приступ. Теперь твой отец княжит в Ирэнто.

Это известие поразило девушку в самое сердце. Не то, чтобы она не знала о неминуемой смертности магов, но уже давно не думала в таком ключе о своем семействе. Как вообще может маг или ведьма скончаться? У бабушки была родная сестра, чей сын — кузен Лилианы — был убит в шестнадцать лет. И та, согласно древнему поверью, не могла умереть, не оставив наследников. А других детей у Надин Гартон не осталось.

Или не Гартон? Лилиана говорила, будто бабушкина сестра несколько раз подряд становилась вдовой, поэтому ее фамилия не уточнялась.

Но теперь Дейну тревожило не это.

— А Пол? — спросила она полусшепотом-полувыдохом.

— Твой кровный братец окончил королевскую магическую академию и остался в столице, — с неудовольствием ответила мать, после чего занялась своими делами.

Дейне стало трудно дышать.

Помогая матери мыть посуду, она безмолвно боролась со своим странным недугом, что преследовал Дейну с прошлого года. Это никак не было связано с охотой на нее Подменьшей, потому что началось на пару месяцев раньше случившегося. Просто прежние подергивания рук и ног сменила частая нехватка воздуха.

Побочные действия от магии? Возможно. Но одаренной уже никак и никогда не отказаться от своего чародейства.

Прошло еще несколько дней. После дня рождения матери, о котором теперь Дейна вспоминала с трудом и болью, пришлось улизнуть с семейного праздника. После трех кусочков мамино пирога и первого в своей жизни бокала вина ей было незачем оставаться там. Слушать добрые пожелания от бабушки и Серхио казалось невыносимым, когда в голове пульсировали мысли о случившемся год назад.

Наоки, Элизабет и Катрин оказались Подменьшами. Но что, если они изначально не были магами и преследовали единственную цель — уничтожить ее, одаренную?

Поразмыслив немного, уже будучи на теплой, залитой солнечным светом улице, Дейна

опровергла эту идею и мысленно посмеялась над собой. Ведь у Катрин с Элизабет было огромное количество возможностей сделать свое дело, когда они втроем жили в одной казарменной комнате. С Наоко они тоже постоянно оставались наедине.

— Вздор, — сказала спокойно Дейна сама себе. — Я ведь живая.

В доказательство этих слов она ущипнула себя за руку. Вышло больновато, зато реальность обрела свои краски.

Через несколько минут Дейна сумела вынырнуть из омута тревоги и паники, и пошла быстрее, веселее, спокойнее. Ее душа пела, а глаза горели радостным огнем. Сложно оставаться грустной и взволнованной надолго, если тебе четырнадцать лет, ты — подающая надежды молодая ведьма, почти одолевшая приобретенный недуг.

К бабушке Софье ее больше не отправят. После прошлого лета, скучного и тяжелого, как затянувшийся урок нумерологии, Дейна долго говорила с матушкой. Та пообещала оставить ее дома, но скорее из желания поскорее отвязаться от тяжелого разговора, чем из настоящего желания понять дочь.

Так это или нет, неважно. Главное, что Дейна останется у себя дома, достойно проведет это лето.

Размышляя об этом и еще много, о чем другом, девушка шла, куда глаза глядят. До темноты оставалось еще несколько часов, она обязательно успеет вернуться, а пока можно гулять и наблюдать за жизнью городского центра.

Люди предпочитали не замечать одаренную ведьму и то, куда она шагает. Наверное, это к лучшему.

Однако, в какой-то момент девушка растерялась и застыла на одном месте, перепугавшись до полусмерти. Ее бедное сердце неистово заколотилось, пересохло во рту, а волосы, и без того непослушные, встали дыбом на затылке.

Все потому, что из узкого переулка, мимо которого она хотела беззаботно пройти, тянулась длинная, широкая кровавая полоса.

Как не огромен был ужас Дейны Морлан, совесть и сострадание не позволили ей пройти мимо чужой беды. Скрепя сердце, она осторожно зашла в этот переулок, стремясь не вступать подошвами добротных сапог в лужу крови. Дыхание снова замерло, сердце пропустило удар.

Наоки Сино безжизненно лежал на серых камнях, раскинув в стороны руки. Его глаза были плотно закрыты, а правое предплечье безжалостно проткнуто холодным оружием. Бедолага получил свежую рану в недавнем бою и, верно, истекал кровью.

— О, Стихийные Боги! — вскричала Дейна и прикрыла рот дрожащей ладонью.

Затем огляделась.

Переулок был пуст, никто не стремился прийти на помощь раненому одаренному. Интересно, кто его так сильно ткнул клинком? Дуэли и простые поединки происходят неподалеку от центра города, на заднем дворе харчевни «Острая серьга», но маги младше шестнадцати лет к ним допускаются. Что же такое случилось с Наоки?

Все эти мысли лихорадочно вертелись в голове у девушки, когда она несла спасенного в свой дом, используя магию Воздуха. Что-то вроде воздушных носилок обеспечивало ему безопасность и не тревожило рану. Тем не менее, Дейне было невыносимо тяжело передвигать его. Немногочисленных сил хрупкой и болезненной ведьмы едва хватило, чтобы доставить в свой дом — ах, какое же чудо, что она жила не слишком далеко от злополучного

переулка!

— Простите, матушка!

С этим возгласом Дейна вошла в прихожую дома и устало опустила тело юноши на дощатый пол. Ее руки дрожали, ноги подкашивались, и сама она была на грани обморока.

Из кухни выглянули по очереди мать, бабушка, Серхио.

— О, Великие Стихийные Богини! — вскричала хрипло София Гартон, а потом прочистила горло и драматично заломила руки. — Помилуйте нас, грешных! С этой негодной девчонкой никакого покоя не будет!

— Я нашла его в переулке! — возмутилась Дейна. — Неужели мне надо было оставить его умирать?!

— А если бы им прикинулся Подменьш? Мы бы не успели тебя спасти!

— И не надо!

— Дейна! Как ты разговариваешь с бабушкой?!

— Да мужа ей надо хорошего, чтобы всю ее дурь выбил! Чтобы избивал, как... как... мужья твоих пациенток колотят!

— Мама, успокойтесь! — в спор вмешалась Лилиана. — Что вы такое говорите, послушайте себя со стороны!

— А тебе... тебя...

— Тихо! — прикрикнула храбрая целительница и взглянула оценивающе на Наоки. — Нет, это не Подкидыш. Они слишком живучие и крови у них нет. Вот что, Дейна, отмой камни от крови, госпоже Шер, которая сдает этот дом, не понравится такой сюрприз. Господин Серхио, охраняйте двери и окна от посторонних. Но сначала помогите перенести мальчика.

— А мне что делать? — угрюмо спросила старая ведьма София.

— Сдвиньте все занавески и не мешайте, — распорядилась Лилиана, не моргнув глазом.

Лечение продолжалось до ночи, а потом Дейне разрешили идти спать. Она к тому времени долго клевала носом, и сон в мягкой удобной постели стал для девочки избавлением. Самое лучшее — не думать про участь Наоки, не тревожиться и не плакать. Мать быстро поставит его на ноги, на то она и целительница. Но даже если что-то пойдет не так, Серхио поможет и подскажет.

Этим Дейна упорно успокаивала себя весь вечер и до той минуты, когда заснула. А потом, проснувшись утром, первым делом, прямо в ночной сорочке и босиком, побежала на кухню. Еще не полностью взошло солнце и за окном на серо-голубом небе ярко алела рассветная полоса. Мать сидела на кухне и пила травяной чай. Ее тонкая рука мелко дрожала, а под глазами залегли глубокие темные тени.

В углу стола лежали небрежно ссыпанные в кучу крепкие нитки, белые медицинские иглы с крупными ушками, пузырьки темного стекла и окровавленная корпия. Сердце испуганной девушки вновь заколотилось с невероятной частотой.

— Мама, что случилось?! — воскликнула Дейна, едва наткнувшись блуждающим взглядом на следы лечения. — Где Наоки?

— Доброе утро, дочь, — устало поздоровалась целительница. — Твой мальчик ушел.

— Но он не мой... Стой, что значит, ушел?

— Я залатала ему руку и постелила на полу. Бабушка и Серхио разошлись по домам, а Наоки... ушел ночью.

— И не попросился со мной...

У Дейны дрогнул голос, она села на стул и хотела заплакать. Но мать улыбнулась ей, подмигнула и сказала с теплотой:

— Не печалься, красавица моя! Мужчины бывают несознательными копушами. Особенно молодые.

— Но что с ним случилось? — продолжала недоумевать Дейна. — Он не рассказал?

Лиλιана вздохнула и махнула свободной рукой:

— Его внешность рантеранца сыграла злую шутку. Сама понимаешь, раз идет война с рантеранцами...

— Ранили и бросили умирать! — взвизгнула оскорбленная до глубины души Дейна. — Гнусные поганцы!

Поставив пустую чашку на стол, мать всплеснула руками.

— Дейна, ты же юная дева! Веди себя пристойно!

— Я не хочу быть норденийкой! — заявила Дейна через минуту, после коротких злых размышлений. — Наш народец такой злой, что тошно!

— И ты тоже злая, — подытожила Лиλιана. — Хватит ругаться и кричать. Или ты ведешь себя подобающе, или отправляешься жить к бабушке.

Дейна не ответила. В ее обеспокоенном сознании зрел план того, как найти Наоки. Зачем, казалось бы? Они все еще просто соседи друг для друга, но девушка впервые за последние годы и месяцы поняла, что окончательно и бесповоротно влюбилась в этого растрепанного смуглого, но бесконечно обаятельного и одаренного мальчишку.

Глава 12.2. Неслыханная дерзость

Следить за пекарней Дейне пришлось до конца осени.

Это было очень сложное время, когда необходимо и магию познавать, и запоминать усложнившиеся формулы, и варить зелья, и выполнять материнские поручения. А слежка за пекарней — как-нибудь мимоходом. Во время прогулки. В двухэтажном доме из красного кирпича целыми днями из трубы шел дым, а слуги богачей, желающих полакомиться свежим хлебом, выстраивались в огромные очереди. Значит, Наоки жил в пекарне, как и раньше? Иначе бы брат без него не справился?

Однажды в слякотный, дождливый и в целом отвратительный день, выслушав пару выговоров от наставников за свою лень, Дейна насилу отделалась от них и пошла в пекарню. У нее не было при себе денег, она не собиралась покупать хлеб или пирожные, но просто страстно желала увидеть Наоки.

И увидела.

Юноша сидел за вторым прилавком, пересчитывал деньги, и вид у него был довольно болезненный, изможденный. Улучив минутку, Дейна проскользнула через толпу, пытаясь не расталкивать людей.

— Эй, Наоки! — позвала она шепотом.

Из-за шума он не услышал, тогда девушка позвала чуть громче.

Наоки поднял лохматую голову, увидел Дейну и слабо улыбнулся.

— Добрый день, Дейна. Рад тебя видеть.

Подойдя ближе, она разглядела, что его предплечье забинтовано, и что правой рукой юноша двигает очень вяло и неуверенно.

— Матушка волнуется за тебя, — легко солгала Дейна, не желая признаваться, что волнуется на самом деле она сама. — Ты убежал, когда был так слаб! Зачем?

— Не хотел навлекать гнев городской стражи на вашу семью, — нехотя признался Наоки, чуть помолчав. — В столице дворяне относятся к рантеранцам терпимо и с пониманием. А в поганых городишках, вроде этого, чернь и стража пытаются нас убить.

— Но вы ведь приехали из столицы, спасаясь от преследования?

Наоки быстро взглянул на нее, осекся и резко сменил тему.

— Твоя матушка сказала — это ты меня спасла. Я очень благодарен тебе. Если бы не твоя помощь, истек бы кровью и сдох, как собака.

— Эй, Наоки! — внезапно раздался низкий и бархатный мужской голос — как раз в тот самый момент, когда Дейна хотела протянуть руку и погладить Наоки по плечу. — Ты занимаешься работой или разговорами?

Обернувшись, Дейна увидела, что к ним подходит улыбающийся черноволосый мужчина с тонкими чертами на смуглом лице, одетый в черную рубаху и белый огромный фартук. Он был сильно похож на Наоки, но если тот был коренастым и крепко сбитым, то Райто — высокий и худой. Дейна перевела любопытный взгляд с лица одного брата на лицо другого и обратно. Сходства в них было больше, чем различия.

— Я работаю, — недовольно ответил Наоки. — Юная дама развлекает меня беседой.

И Дейна немного смутилась.

— Так это вы спасли моего брата? — Райто сощурил и без того узкие глаза, взгляделся в Дейну так пристально, что ее щеки залились румянцем. — Спасибо вам. От всей моей сиротской души я благодарен настолько, что готов исполнить три любых ваших желания.

— Как джайн из южных сказок? — уточнила Дейна.

— Именно так, красавица.

— Тогда позвольте оставить их на потом, — сказала она с улыбкой, и сделала несколько шагов к двери. — Я просто зашла узнать, что у Наоки все хорошо.

Райто тепло улыбнулся.

— О да, этот маленький негодник ни в чем не нуждается и идет на поправку. Не волнуйтесь.

Дейна заметила, что узкие ладони Райто покрыты шрамами и волдырями. Точь-в-точь, как у нее, только у него от печи, а у нее от магии. И тут же девушка сболтнула давно вертевшийся на языке не очень тактичный вопрос:

— А какая у вас стихия, Райто?

Он грустно улыбнулся, пожал плечами.

— Огонь, дорогая Дейна. Как и у наших с Наоки родителей.

Разговор стал уходить не в ту сторону, и Дейна поспешила распрощаться с радушными хозяевами пекарни. Всю дорогу до дома она чувствовала себя не в своей тарелке и даже немного ругала себя за этот визит. Ведь ее никто не приглашал! Да, она спасла Наоки, но без всякой цели и задней мысли. А теперь Райто еще ей и обязан!

Но подходила к дому девушка с мыслью о том, что нужно быть чуточку расчетливее, а не стелиться у всех под ногами мягким ковриком. Она же, в конце концов, ведьма. Именно ведьм, а не магов, все называют злобными, жестокими и жадными тварями. Даже маги и мифические вампиры с оборотнями считаются белыми добрыми котиками в сравнении с ведьмами.

Поэтому ведьм не принимают на государственную службу. Избегают брать на работу вообще. Их боятся. С одной стороны, это воодушевляло Дейну, с другой она понимала, что ей в будущем придется бороться за открытие своего дела и свой заработок.

Матушка стала прекрасной целительницей, а она станет замечательной писательницей. Если доживет до этого.

Когда она собиралась войти в дом, то двери распахнулись, едва не ударив ее по лицу. Два дюжих стражника вывели на улицу бледную мать, крепко держа ее под руки, и потащили куда-то в сторону стоявшей далеко кареты.

— Мама! — воскликнула Дейна, сбитая с толку и ничего не понимающая.

— Я вернусь, дочка, — глухо и тихо донеслось в ответ.

На деревянных ногах и с гулко бьющимся сердцем Дейна вошла в дом, кусая пересохшие губы от ужаса и тревоги. Стражники порылись в комнате, выбросив много вещей из платяных шкафов. Хотели ли они найти женщин, сбежавших от мужей, или что-нибудь еще, осталось неизвестным. Пытаясь прийти в себя, Дейна ходила по комнате, убирая одежду обратно. Она не понимала, в чем виновата ее мать.

Лилиана сдержала слово и вернулась — этим же вечером. Осунувшаяся, бледная, постаревшая на десяток лет, она заварила для себя и дочери бодрящий чай и позвала Дейну к столу.

Они молча пили чай из хозяйских фарфоровых чашек, пока Лилиана не сказала чуть слышно:

— Запомни, дочь. Наши власти всегда стремятся уничтожить самых слабых и непокорных.

— Но как такое возможно, мама?

— Самые слабые и непокорные в Нордении — ведьмы, — сказала Лилиана печально и твердо. — Маги и простые смертные пытаются нас подавить, принизить, подмять под себя. Им важно возвыситься за наш счет. Понимаешь?

Дейна вспомнила госпожу Рею, Катрин и Элизабет, множество женщин и детей, вынужденных скрываться в заброшенном замке. И решительно кивнула в ответ.

— Да, я понимаю, мама. Но куда вас уводили?

— К главному прокурору Нортэна. Его своевольная дочка сбежала из дома, и он решил, будто это моя вина.

— Хорошо, что это не так...

Мать вздохнула и ничего не сказала в ответ.

Катрин и Элизабет остались живы после нападения рантеранского корабля на крошечное рыбацкое суденышко. Об этом, а также о том, что это именно они, а не подменыши, Дейна узнала зимой. Под ногами хрустел снег, ледяные снежинки охладили открытую шею, мороз бесстыдно прикасался холодными ладонями к девичьим щекам. Дейна старалась не замечать этого.

Втроем они шли по серым каменным плитам центральной улицы города, припорошенным белой снежной пылью. И разговаривали — о многом и важном.

— Как вы выжили?

— Мы плюхнулись в воду. Старого рыбака убило на месте.

— Какой ужас!

Элизабет тонко улыбнулась.

— Ужас случился, когда я несколько дней не могла слышать. Все время ощупывала уши и щелкала пальцами над ними.

— А еще мы собираемся проникнуть в рантеранское посольство, — сказала Катрин

скучающим голосом, словно каждый день занималась этим наипростейшим делом.

— Что? Зачем?

— Госпожа Рея велела. Она, кстати, стала совсем старухой.

Дейна вздохнула и посмотрела на приятельниц. Вряд ли они когда-нибудь станут даже ее подругами, но ее подкупала разница в возрасте. По словам бабушки и матери, всегда выходило, что чем человек старше, тем мудрее и опытнее. Относится ли то к Катрин и Элизабет?

Поразмыслив еще немного под их торопливые рассказы и смех, Дейна решила, что относится. Эти две девушки пережили немало испытаний и невзгод, выжили при ужасном нападении, так значит, лучше поверить их словам. И они — не Подменыши! Магия Воздуха не сгущалась вокруг Дейны, не стискивала голову холодной дланью. Значит, все хорошо.

— Госпожа Рея велела найти помощниц, — продолжала словоохотливая Катрин, и Дейна невольно подумала, что в старости та станет отменной сплетницей. — Обещали крупные деньги. Заплатят...

— Я согласна! — выпалила Дейна.

Неважна сумма, важен сам факт оплаты.

Во время разговора они свернули с центральной улицы в узенький, безлюдный переулок. Здесь не было слышно бойких криков торговок с базаров, не ржали лошади и не кричали уличные мальчишки-глашатаи. Тишина затмила все, кроме подробных объяснений Катрин, как и когда лучше пробраться в посольство.

— Что нам нужно вынести оттуда? — не утерпев, спросила Дейна.

Катрин невозмутимо поправила толстую русую косу, в которую вплелось множество мелких ажурных снежинок.

— Ценные бумаги. Письма, порочащие честь нашего короля. Больше там взять нечего.

Дейна хотела было уточнить, почему разведчиц неожиданно сделали воровками, но не смогла.

За спиной раздался пронзительный свист.

А потом узкий, заваленный густым снегом, переулок накрыло плотным куполом смертельного ужаса. В нос ударил железный запах крови, а между Катрин и Дейной рухнула навзничь тоненькая девичья фигура. Мелкие кольца медных волос расплескались по снегу, вместе с алыми каплями, раскрашивая клочок бесконечно снежных просторов.

И Дейна стояла, молча глядя на упавшую Элизабет. Девушка была мертва окончательно и бесповоротно: из ее тонкой белой шеи торчала перистая стрела. Но поверить в это было невозможно, пока Катрин не стиснула больно-больно ее замерзшую руку своими сильными пальцами.

— Бежим! — закричала Катрин хриплым и изломанным болью голосом.

Они обе кинулись опрометью вперед, удирая то ли от городской стражи, которая вот-вот пожалует на место убийства, то ли от неизвестного убийцы. Каждый вдох в горле отзывался горячей острой болью, казалось, еще немного, и из него польется кровь. Но Дейна продолжала мчаться, словно ее преследовала лично сама смерть.

Переулок закончился, и девушки разбежались в разные стороны. Но прежде Катрин снова схватила Дейну за руку и притянула к себе.

— Никакого посольства! — прокричала она, силясь заглушить горестный вой поднявшегося ветра. — Я никуда не пойду, и ты не ходи!

С этими словами она разжала пальцы и ринулась бежать куда-то вдаль.

Дейна судорожно выдохнула, пытаясь унять боль в груди и в душе, и медленно побрела домой, обойдя проклятый переулок как можно дальше.

Глава 13.1. Преступный умысел

Рассказы у Дейны получались все хуже и хуже, а черная тетрадь давно закончилась и куда-то пропала. У девушки в голове путались мысли, стиралась тонкая грань между приятным и полезным, а ночами ее мучили и душили кошмары. Снилось милостивая улыбающаяся Элизабет, одетая в белую шубку и серый платок. Она протягивала тонкую руку к Дейне и что-то говорила, но уже через минуту становилась мертвой. Вместо нежного румянца на девичьем лице появлялись серые трупные пятна, шея оказывалась неестественно изогнутой и окровавленной.

— Узнай... кто... убил... меня... — шелестела несчастная покойница и царапала шею ногтями, пытаясь вытащить стрелу из горла. — Душно... нечем дышать...

Первое время Дейна просыпалась от собственных криков, вскакивала и долго лежала в холодном поту, нерешительно поглядывая на крепко спящую мать. Ей она не собиралась рассказывать о том, что невольно стала свидетельницей убийства. Сначала пострадал Наоки, потом Элизабет... Неужели это все из-за нее?

Лиана заметила, что с дочкой происходит неладное, но предпочла думать, что та страдает из-за обучения и магии. На девятой ступени обучения Дейна начала ходить в школу самостоятельно, ее больше не тревожили боли и нехватка воздуха. А юноши и девушки из ее класса больше занимались практической магией и не мешали ей жить, учиться, колдовать.

Дейна была рада такому положению вещей. И в какой-то момент из ее памяти выскользнула смерть Элизабет.

С Наоки они общались редко: он, как и она, был полон надежд хорошо сдать экзамены и продолжал помогать брату. Зато Дейна не прекратила встречи с Катрин. Каждая совместная прогулка давала ей силу и надежду, хотя первое время без воспоминаний про несчастную Элизабет не обходилось.

— Я хочу познакомить тебя кое с кем, — сообщила Катрин на одной из прогулок.

Снова была холодная зима, совсем, как год назад. Они больше не гуляли по пустым переулкам, только по оживленным и многолюдным проспектам, однако для впечатлительной Дейны это было слабым утешением. Девушка то и дело смотрела по сторонам и оглядывалась назад.

— С кем же?

— Они — хорошие люди. Иногда наши действия идут вразрез с планами герцога Виенто, но...

Слова Катрин заглушило ржание лошади, а потом отнес в сторону сильный порыв ветра. В лицо Катрин прилетела горсть снежинок, стало щекотно, и она рассмеялась.

— Ты слушаешь? — спросила Катрин с досадой.

— Да.

— Они хотят с тобой познакомиться.

— Чем они занимаются?

— Шпионы, наемники, грабители, — Катрин зябко передернула плечами. — Я ненавижу герцога и госпожу Рею. Я ушла от них прошлой зимой. Думаю, тебе понравится наша идея.

Дейну не покидало тревожное, нехорошее, тяжелое предчувствие, но она ничего не сказала, боясь огорчить приятельницу, и позволила отвести себя в один из ближайших

домов. Неизвестно, кому он принадлежал, но жили в нем четверо молодых людей и четыре девушки. Узнав последнее, Дейна почувствовала облегчение — ведь всем красавицам известно, что лучше не заходить в дома, где живут одни мужчины. Это может плохо кончиться.

Три узкие комнаты на первом этаже и две, просторные, светлые и прохладные, на втором. Туда Катрин и повела Дейну.

— Приветствую всех! — тоненьким, надтреснутым голосом сказала она, войдя в распахнутую дверь, и позволив Дейне пройти. — Прошу любить и жаловать. Моя боевая подруга Дейна Морлан. Одаренная...

После этого слова Дейна стала ценной для присутствующих. Стали бы девушки так оживленно шептаться, поглядывая на нее, а парни смотреть на молодую ведьму, как на равную себе? Едва ли!

— Ну, проходи, Дейна, — самый старший из компании, долговязый рыжеватый юнец, выдвинул перед ней свободный стул. — Меня зовут Жак.

— Очень приятно, — солгала Дейна, продолжая чувствовать себя не в своей тарелке.

— Виктор.

— Лоренцо.

— Натан.

Девушки представлялись менее охотно. Только от одной из них Дейна узнала, что ее зовут Меган, а остальные спрятали глаза и затаились. Ну и пусть молчат! Любопытнее было знать, что затевают сейчас эти маги.

— Катрин, закрой двери, — командовал тем временем Жак, некрасиво развалившись на жалобно скрипнувшем стуле. — Полли, сделай нам чаю. Жанет, затопи камин.

Так работа нашлась для всех девушек, кроме нее, и Дейну кольнуло неприятное ощущение, что ее готовят к участи прислуги. Да, она немного знала об истинном отношении магов к ведьмам, но, чтобы настолько... Замерев на стуле, она сидела и ждала, пока ее заставят мыть полы или готовить ужин, но ничего не происходило. Жак продолжал пожирать девушку внимательным и задумчивым взглядом — слава Богам, в этом взгляде не было ни капли похоти!

Иначе бы пугливая Дейна мигом вскочила и убежала.

Но пока она упорно и успешно делала вид, что чужое внимание ее не пугает, и невозмутимо рассматривала белоснежный потолок с лепниной.

— Катрин говорила, будто ты важная птица, — Жак начал издалека. — Служишь герцогу Виенто.

— А? — она резко вынырнула из своих мыслей. — О нет, я ему не служу... пока. Только через три года я стану его...

— Неважно, — перебил девушку Жак. — Смотри, какая штука. Через пару ночей мы собираемся напасть на его особняк, перебить охрану и пристукнуть его самого. А потом заберем все его хваленые богатства. Этот остолоп больше верит в силу, чем в магию. Ну и поплатится.

— Постой! — ужаснулась Дейна. — Почему именно он?!

— Так ведь он же — рассадник детского наемничества в Нортэне и округе, — удивился Жак. — Ты и сама в этом замешана. Вы с Катрин — две выжившие шпионки, которые хотят отомстить... хотя бы за Элизабет. Ну а мы, дети его взрослых солдат. Он убил наших родителей своими фокусами. Или послал под град магических искр.

Закусив губу, Дейна полминуты боролась со смятением.

Нельзя говорить, что не согласна с убийством герцога, потому что ее тогда едва ли выпустят из дома живой. Дейна выросла княгиней, их с герцогом связывало обещание, он, в конце концов, отпустил ее под честное слово. Для этих магов с ведьмами понятие благородства ничего не значит. Но как сохранить и честь и жизнь?

Думать приходилось стремительно, и ей это удалось.

— Я согласна, — выдохнула Дейна, простодушно улыбаясь негодяю.

— Вот и хорошо!

Вряд ли Жак заметил ее крошечное промедление с ответом, поэтому оставался бодрым и веселым вплоть до возвращения ведьм в комнату. Остальные парни сидели молча, не шевелясь, и выглядели совсем вялыми. Так он и ими помыкает?

Разговор не задался. Остаться на ужин Дейна не хотела. Чтобы усыпить бдительность Жака, она немного посидела за дубовым столом, сохраняя максимально заинтересованный вид и слушая каждое его восторженное слово. Если кто и был остолопом, то точно не герцог Виенто, а этот нескладный парень. Но ему об этом знать не полагалось.

Сославшись на срочное возвращение домой из-за нездоровья бабушки, Дейна быстро встала на ноги и вылетела из дома, как пробка из винной бутылки. И только на улице поняла, что ее дикое сердцебиение наконец-то унялось, ноги перестали быть ватными, а из горла исчез тугий ком. Стараясь выглядеть спокойной и расслабленной, она наняла экипаж. Серебра, подаренного матерью на зимние праздники, хватит на дорогу к герцогу и обратно.

Если, конечно, Виенто не прикажет скрутить ей руки и отправить в тюрьму — доживать свои последние свободные от него годы под надежной охраной.

Когда она села в карету, стряхивая с неприкрытых волос липкий снег, на город опустились мягкие синие сумерки, а когда доехала до герцогского поместья, сгустилась черная непроглядная ночь.

— Благодарю, — сказала Дейна извозчику, выйдя навстречу холоду. — Подождите меня, и я заплачу вам за обратный путь.

Старый усатый извозчик утвердительно что-то промычал, и девушка кинулась к черным высоким воротам — колотить дверным молотком по звонкому железу.

Открывшие стражники окинули незваную гостью суровыми взглядами, переглянулись и схватили Дейну под руки. А затем повели в дом.

— Отпустите меня! — кричала девушка, извиваясь дикой кошкой. — Не смейте ко мне прикасаться. Я — дворянка! Я — княгиня Морлан. Я — человек герцога Виенто, в конце концов!

Она так сильно брыкалась, что у одного из стражников начали сдавать нервы, и он крепче стиснул ее тонкое запястье.

— Молчать, глупая ведьма! Пошла!

Ее втащили в дом и плотно закрыли двери.

«Вот и сбываются опасения», — горестно подумала Дейна. И на всякий случай пнула носком сапожка стражника по голени. Второго, изловчившись, укусила. А потом кинулась, было к двери, под болезненное завывание солдат. Но всех троих остановил грозный, усталый, тяжелый голос герцога Даниэля Виенто.

— Довольно. Что здесь происходит?

Дейна остановилась и резко обернулась, сверкая глазами. Стражники пришли в себя и снова попытались ее схватить, но были остановлены одним движением руки герцога. Он

продолжал внимательно смотреть на нее, ожидая ответа.

— Я пришла к вам, — сообщила Дейна, сперва растерявшись и забыв, что хотела сказать. — А они так грубо обошлись со мной...

— Они будут наказаны, — ответил холодно герцог. — Дальше.

— Вас хотят убить бывшие наемники! — выпалила девушка, больше всего боясь, что ей не поверят. — И дети ваших убитых солдат.

Повисла тяжелая и нехорошая пауза, которую Виенто закончил парой коротких рубленных фраз:

— Говори. Вы — уйдите. Я разберусь с вами потом.

Не веря в свое счастье, Дейна принялась сбивчиво рассказывать то, что узнала, и что не желала зла герцогу Виенто. Или желала, но не от рук разбойников, а от правосудия.

Выслушав всю ее тревожную речь, герцог Даниэль тяжело вздохнул и сказал:

— Эти дурни поплатятся за свои прихоти. А ты, — его тяжелый взгляд остановился на девушке, — молодец, что решилась доложить об этом. Попадись ты вместе с ними, пощады бы не ждала.

— А если бы вас убили? — брякнула Дейна.

— Меня? — мрачно усмехнулся Даниэль. — Не дождетесь.

— Я могу идти?

— Иди. Когда влезете ко мне, я схвачу тебя за волосы и запру в комнате, чтобы во время боя не зацепило. Ясно?

— Да. Ваше Сиятельство, а сколько вам лет?

Вопрос сорвался с ее уст быстро, неожиданно и необдуманно.

На бледном красивом лице герцога отразилось прохладное удивление, а потом он спокойно и четко ответил:

— Двадцать три.

— Что?.. Я думала, вы старше.

— А я думал, ты не болтливая, — ухмыльнулся Даниэль, и распахнул перед ней дверь. — Прошу.

Но, прежде чем выйти за порог, Дейна оглянулась и послала герцогу лукавую, веселую улыбку.

Глава 13.2. Нападение на особняк

Над временем вторжения в дом герцога Жак долго не размышлял. Он вообще относился к своему плану слишком легкомысленно, как поняла Дейна, рассчитывая только на свою и чужую магию. Присутствие одаренной девушки Жак считал своим козырем, а возможности герцогских воинов не воспринимал всерьез.

— Что мне эти солдаты? — говорил он, смеясь, когда Катрин, имеющая в компании некоторое влияние, или друзья пытались его переубедить. — Мой огонь против их клинков!

— Для огня нужны свободные руки и сознание! — твердила Катрин. — Если тебя скрутят или оглушат, что будешь делать?

— Спасаться! — усмехался в ответ наглец.

Дейна в эти распри не встревала. Суровое воспитание у бабушки и в школе приучило ее стесняться собственного голоса, к тому же Жак был крикливым грубияном. Дейна много лет провела в своем уютном доме, обучаясь наукам и магии, поэтому боялась грозных мужских голосов.

Отпросившись у матери на дружеские ночные посиделки у Катрин, девушка пришла в

дом разбойников темным ледяным вечером, дрожа от холода и страха. Она уже не была рада, что согласилась на странную авантюру с людьми Жака и пошла предупредить герцога. Зачем? У него есть своя стража, охрана, и Бездна знает, что. Вон, как ей ловко скрутили руки, запястья ноют до сих пор...

Но, переступив порог разбойничьего убежища, она натянула на лицо улыбку и старалась как можно невиннее хлопать ресницами, чтобы никто, даже Катрин, не заподозрил ее в предательстве. В конце концов, она не могла поступить иначе после того, как герцог Даниэль Виенто даровал ей свободу. Все эти люди, что окружали ее, не дворянского происхождения, им чужды достоинство и честь.

Впрочем, будь Дейна грустной и тревожной, едва ли кто-нибудь бы заметил. Все были слишком заняты предстоящим убийством и грабежом, никого не тревожил душевный покой одаренной ведьмы.

Сейчас Дейна поняла, что знает про своего будущего господина совсем немного. Только то, что он молод, бездетен и вдовец. Несчастливая женщина, которую несколько лет назад укрыла ее мать, умерла от лихорадки, потеряв второго ребенка. Это обстоятельство было досадным и никак не могло защищать герцога.

Но был ли он настоящим тираном?

В Нортэнийских землях, принадлежавших герцогу, конечно, царили беззаконие и бедность, но Дейна твердо помнила слова наставников и пациенток своей матери, что такое творится во всей Нордении. Только в столице Брении люди живут тепло, беззаботно и сытно — от королевской семьи до последнего разбойника.

Возможно, герцог просто молод, неразумен, неопытен. Совсем, как ее кровный брат.

Воспоминание про Пола заставило Дейну брезгливо передернуться.

— Пошли! — прервал мысли девушки веселый Жак. — Выходим!

Она не заставила себя ждать и покинула дом в компании молчаливых девушек. Парни быстро шагали вперед, успеть за ними и тем более обогнать оказалось невозможным. На город опустилась глухая, густая ночь, но на черном небе выглянула луна, заливая землю холодным серебряным светом. Россыпь мелких звезд украшала небо, и некоторое время Дейна молча смотрела на них, пытаясь найти хоть что-то прекрасное в сложившейся ситуации.

Только медлить было нельзя. Путь до городских предместий далек и сложен, Дейна даже сомневалась, что они за пару часов доберутся до цели, как наивно пообещал Жак. Но тут он оказался непростым малым и привел откуда-то четырех лошадей, вместе с Лоренцо.

— Едем по двое на каждой лошади, — сообщил он со знанием дела. Девушки с девушками, парни с парнями.

Дейна нерешительно посмотрела на гнедую красавицу, которую ей подвели, и невольно усомнилась в том, что Жак купил ее.

— Ты умеешь кататься верхом? — спросила Катрин шепотом.

— Немного. Каталась в детстве... один раз.

Тогда они с матерью уже жили в Нортэне. Лилиана взяла шестилетнюю Дейну в госпиталь, чтобы не оставлять одну дома, а вечером им предложили прокатиться верхом до дома. За отдельную плату, конечно...

— Главное — не бойся, — прошептала Катрин, словно ее речь была опаснейшей тайной. — Держись за меня покрепче.

— Хорошо.

Катрин и Дейна. Меган и Аннет. Жак и Лоренцо. Виктор и Натан.

Ехать было очень неудобно и тряско, будто на бревне. И как только солдаты скачут в своих походах целыми днями, а то и сутками? Когда кони остановились неподалеку от герцогского поместья, у Дейны затекли ноги и ужасно болела спина. Скрипя зубами, она неуклюже спустилась на землю.

Сегодняшней ночью снег не шел и ветра не было. Наверное, это к лучшему. Жак сказал, что на рыхлом снеге остались бы следы, но им повезло. Дейна слушала его и знала, что им уже не повезет. А снег в Нордении есть зимой везде, кроме самого юга.

Когда направились к поместью, ее так и подмывало прыснуть со смеху. Если самодовольный Жак шел к воротам вразвалочку, то все остальные крались едва ли не на цыпочках. Но он настолько был уверен в собственной непобедимости и неуязвимости, что предпочитал ничего не замечать.

— Одаренная! — шепотом позвал ее Лоренцо. — Ты знаешь магию Воздуха?

— Да, — отозвалась девушка не совсем уверенно. — А что?

— Может пригодиться при атаке на стражу. Отшвырнешь их подальше, чтобы в стену врезались.

Дейна хотела было сказать, что не умеет кидаться людьми, но тут Жак отомкнул неведомым способом замок и распахнул ворота перед сообщниками. Закусив губы от волнения, девушка бросила быстрый взгляд на окна особняка — они зловеще чернели, причем все. Прожив здесь в детстве некоторое время, она услышала от кого-то из слуг, будто герцог ложится спать глубоко за полночь, но так ли это сейчас?

Что, если он ей все-таки не поверил, и Жак его убьет?

На миг Дейну навестила отчаянная тоска, а затем она в последний раз вдохнула полной грудью морозный колющий воздух и решила пустить все на самотек. Юная девушка пятнадцати лет не обязана заботиться о безопасности герцога, если он не платит ей за это. Особенно, после того, как предупредила его об опасности.

Но тревога оставалась с ней до тех пор, пока они все не вошли тихонько в спящий особняк.

— Факелы! — шикнул кто-то из парней. Кажется, Лоренцо.

— Куда еще факелы, дурень? — а это, верно, Жак. — Хочешь всех перебудить?

— Пустое. Наша одаренная их раскидает.

В полной темноте и тишине ехидно хмыкнула Катрин.

Дейна не знала, куда идти, ориентируясь только по звуку чужих удаляющихся шагов, и шла за ними. При этом она не забывала ощупывать неровные стены, каждый раз затаивая дыхание. Тьма могла готовить много приключений и неприятных сюрпризов. Во тьме творился ее главный страх из детства, когда братец и ее дружки пришли отобрать ее магию.

Помнила ту ночь Дейна слабо, но воспоминания не вытравить ядом, будто прожорливых крыс, а память не усеять лепестками роз, как бы этого не хотелось. Во рту пересохло, а она продолжала идти. И понимала, что уже начала отставать от процессии. Голоса стихли, остались лишь шаги — глухие, удаляющиеся, жутковатые.

Внезапно кто-то схватил ее за волосы и зажал рот.

Ни стоны, ни возгласа, ни даже напуганного мычания Дейна не издала, мигом вспомнив о своем уговоре с герцогом. А он тем временем увлекал ее в другую сторону, не привлекая чужого внимания, и молчал, пока не завел в одну из комнат. Здесь было так же прохладно, но немного душно.

— Тссс! — прошипел герцог Даниэль из темноты.

И тут же выскочил, заперев девушку на ключ.

Она немедленно кинулась к двери, сиюсья расслышать, что происходит по ту ее сторону. И не прогадала! Звуков раздалось полно. Брань, возня, чей-то вскрик, грубое проклятие. В узкой щелочке между дверью и полом сверкнули желтые и синие вспышки, затем сменившись красными. Маги колдовали и сражались, а стражники, судя по частому топоту и командам, бестолково пытались помочь своему господину.

Прислонившись спиной к двери, Дейна кусала губы и молила Богов со слезами на глазах, чтобы никого из девушек не убили. Конечно, в бою без этого невозможно, но что, если повезет?

Колдовать она не решалась, и только когда все стихло, в замке дважды повернулся с легким скрежетом ключ. Герцог Виенто вошел в комнату с блестящим подсвечником и четырьмя зажженными свечами из красного воска.

— Ах! — воскликнула она и от облегчения едва сдержала порыв кинуться ему на шею.

— Мои люди прогнали твоих приятелей восвояси, — сухо сказал Даниэль, ставя подсвечник на стол. — Кого-то тяжело ранили. Словом, им будет не до тебя.

— Ага... Хорошо... — пролепетала Дейна, вглядываясь в окружающее, чуть более различимое, пространство с благоговением и радостью. — Спасибо... Я пойду домой...

— Не пойдешь, — сообщил любезно герцог. И возвел глаза к темному потолку.

— Но я же спасла вас!

— Дейна Морлан, успокойся! Сейчас почти полночь. Ты останешься в гостевых покоях до утра.

— Понятно...

— Про меня, конечно, ходят злые толки. Но я не выгоняю одиноких девушек в такое время. Особенно зимой.

— У меня была лошадь, — неуверенно сказала Дейна. — Я на ней приехала.

— Чудесно. Сейчас на ней везут раненого.

— Простите, я не подумала.

— Я вижу.

Он продолжал смотреть на девушку льдистыми голубыми глазами, на дне которого поблескивало острыми ледышками ехидство. А Дейна успела так устать и перепугаться, что смутилась и отвела взгляд.

— Боишься меня? — задумчиво спросил герцог.

— Нет, — она осторожно взглянула на него из-под густых ресниц. — Вы красивый.

— А ты — нет.

Дейна быстро подняла на Даниэля пылающий негодованием взгляд, и мужчина глухо рассмеялся.

— Вот, теперь я вижу одаренную разведчицу, а не бессловесную рабыню из южных стран, приведенную на заклятие. Все, достаточно слов. Сессилия! Подойдите сюда!

Последние слова он прокричал, высунувшись в коридор. И тут же кто-то зашпешил к комнате, шурша домашними туфлями. Очень скоро вошла женщина средних лет, одетая в добротное платье, посмотрела с удивлением на Дейну и поклонилась герцогу.

— Я пришла, Ваша Светлость.

— Славно, Сессилия. Проводите девушку в гостевые покои. И не распространяйтесь о ней.

— Хорошо, Ваша Светлость. Пойдемте, госпожа.

Эту странную и наполовину бессонную ночь Дейна провела в герцогском поместье, а наутро уехала домой в его экипаже. Но попросила кучера остановиться возле ее квартала и не приближаться к самому дому.

Глава 14.1. Признание в любви

После возвращения домой от герцога Виенто Дейна была сама не своя. Душа неистово плясала в больном, дурном, диком танце от непонятной радости. Воспоминания о щедрости и доброте герцога Виенто заводили ее, лишали сна и покоя, потому что не каждый взрослый маг так хорошо обращался с одаренной.

Слава Богам, мать не сразу заметила резкие перемены в настроении дочери, а когда заметила, пыл Дейны уже поутих.

— Ты светишься, как южное солнышко, дочка.

— Спасибо, мама.

— Надеюсь, ты не влюбилась? — спросила Лилиана с легким беспокойством и сомнением.

— Нет.

По хитрому взгляду матери Дейна поняла, что та не особо-то ей поверила, но разговоры о первой любви прекратились.

Ведь симпатии Дейны были отданы Наоки.

Наверное.

За колючим зимним холодом пришла теплая весна, а за ней пожаловало прохладное лето. Благо дожди в этом году миновали Нортэн. Дейна с тревогой ожидала первую ступень экзаменов по магии. Всего их две, и обычно первая проще второй. Ученики «Обитатели Чудес» обычно узнавали, что им придется сдавать, только на самом экзамене.

Явившись в школу, Дейна с неудовольствием поняла, что одноклассники старательно ее избегают. Ну еще бы! Пока они увивались от занятий и делали всякую дрянь, вроде использования магии во вред, она успевала учиться и попадать в передряги, и спасать жизни... А теперь еще подвергается их косым взглядам и кривым усмешкам?!

Но не все так просто.

Тот самый Кайус, что пять лет назад искалечил ее за школой, вымахал в высокого нескладного парня и теперь вился вокруг нее, проявляя интерес.

— Уйди! — прошипела Дейна, отпихнув мерзавца после очередной пылкой непристойности.

— Что такое, красавица? Твой разлюбезный рантеранец нашел кого-то лучше?

Все, кто слышал это, дружно загоготали.

Дейна хотела было метнуть в них Водной магией, но ее внезапно накрыло осознанием: эти глупые отродья нарочно выводят ее из себя, чтобы к приходу экзаменаторов выставить себя жертвами, а ее — агрессором. Им не нужна одаренная ведьма в классе. Они всегда и все делали, чтобы выдавить Дейну отсюда, и у них почти получилось.

А у нее получилось сдать экзамены.

Первый — по стихийной магии, в случае Дейны, по магии Воды, каким она обладала официально. Никаких трудностей, кроме нехватки чернил, девушка не испытала, но едва ли это было серьезной проблемой.

Второй — история волшебства Нордени. Со всеми ее подтасовками фактов и

утаиванием истины. Скрипя пером и низко склонившись над своим свитком пергамента, Дейна хотела, было, упомянуть малоизвестные факты и сослаться на источники, которые прочла в библиотеке, но вовремя вспомнила мудрые слова старенького наставника:

— Историю пишут победители, — говорил он. — Запомните накрепко это, дети.

Второй экзамен Дейна сдавала, сжавшись в комок за задним столом, в самом углу класса, и молясь всем Богам, чтобы никто из гнусных мальчишек не обратил на нее свое поганое внимание. И в тот день ей повезло больше.

Экзамены прошли, оценки за них были лучше, чем ожидала Дейна. И хуже, чем ожидала ее мать.

— Ты меня в гроб вгонишь своими выходками! — вздыхала Лилиана, нервно ходя туда-сюда по кухне. — И в кого ты у меня такая беспокойная?

— В тебя, — брякнула Дейна, и неловко улыбнулась.

— Дочь, тебе придется приучать себя к скромности и спокойствию. Я, твои наставники, Серхио, все мы относимся к твоему бурному нраву со снисхождением и пониманием. Но через несколько лет герцог Виенто задаст тебе жару, если ты не научишься правильно себя вести.

Дейна лишь вздыхала в ответ на такие слова.

«Правильно себя вести» — не реагировать на оскорбления и злые шутки, не огрызаться на обидные слова родственников, не повышать голоса, не плакать и часто улыбаться. Уметь приспособливаться и прислуживать. Иначе просто не выжить. Так считала Лилиана Гартон-Морлан.

И с этим отказывалась мириться Дейна.

День рождения прошел скучно. Как всегда, из года в год. Горячий шоколад, фруктовый пирог, посиделки на кухне и разговоры ни о чем. И только сейчас Дейну накрыло новое осознание: она никогда не знала, как проходят чужие дни рождения. И проходят ли вообще? Стало грустно. Девушка подумала про Наоки и о том, что он никогда не приглашал ее в гости. Не позволял дарить ему подарки.

И сам не дарил ей.

— Матушка, а почему дни рождения в Нортэне такая редкость? — спросила она осторожно, когда они вечером убрали со стола.

— Людям надо работать, — резонно ответила Лилиана. — Не хватает денег, времени и сил.

Дейна вспомнила, как много работы в пекарне, и ей стало грустно.

— Я бы хотела поработать этим летом, — сказала она еще осторожнее. — Заработаю немного денег.

Мать осуждающе покачала головой.

— Ну уж, глупости! Еще не хватало испортить щрамами и ожогами твои милые белые ручки! Не забывай о прилежности и стараниях в учебе. Помни о твоей будущей службе герцогу Виенто.

— Но мама! Не вы ли проклинали его и желали ему смерти?

— Я и сейчас не забываю это делать, — ответила женщина с достоинством. — Но более умеренно.

Дейна рассмеялась.

Годы шли, а Лилиана если и старела, то очень незаметно. Ей было сорок четыре года, но в серебристых глазах светилась веселая молодость. Она разительно отличалась от своей

матери — вздорной самодовольной старухи. И Дейна понимала, что в те же годы будет так же резко отличаться от Лилианы.

Если вообще доживет.

Летние дни летели очень быстро, словно искры стихийной магии, пущенные в цель. Дейне исполнилось шестнадцать, Наоко — тоже, и теперь они безмятежно гуляли по городу, иногда забредая в самые отдаленные его уголки. Одной Дейне было тревожно выходить за пределы своего квартала, но с Наоко она чувствовала себя спокойно и умиротворенно.

— Почему ведьмы подвержены большей опасности, чем маги? — спросила она одним теплым днем.

Они вышли на набережную, залитую золотым солнцем. Морские волны с шипением ударялись об камни, оставляя на них белую пену, а потом возвращались обратно. Над синезеленой водой истошно вопили белые чайки. Где-то в отдалении раздавалась брань матросов и портовых грузчиков.

— Закрой ушки, — попросил Наоки. — Они слишком нежны для таких слов.

— Пустое, — Дейна отмахнулась. Остановившись, она впиалась в лицо юноши внимательным, нетерпеливым взглядом. — Почему?

— Не понимаю, о чем ты, — он искренне удивился. — Каждого из нас может бросить в тюрьму инквизиция. С молчаливого согласия короля.

Дейна быстро кивнула.

— И сжечь на костре. Да, знаю. Но...

И, вздохнув, она выложила ему историю про убитую Элизабет, банду то ли разбойников, то ли мятежников, собственный визит к герцогу Виенто. Про ночь в его поместье она промолчала. Слухи по маленькому городу разносятся быстро. Чуть что пойдет не так, и прощай репутация приличной девушки.

Выражение лица Наоки постоянно менялось, когда он слушал сбивчивый рассказ о подлости, совершенной ради верности, и, кажется, юноша понял про ночь в поместье герцога. Но не стал уточнять.

— Говоришь, Элизабет убили стрелой в шею? — переспросил он задумчиво.

— Да!

— Не хочу делать поспешных выводов, но на меня напали так же. Сперва оглушили, потом пырнули чем-то острым в руку. Видать, кинжалом. Наверное, метили в грудь, но их спугнули.

Сердце девушки замерло от ужаса.

— Как же так?!

— А вот так, — взгляд юного рантеранца стал жестким. — Идет война, Дайна. Рантеранцев ненавидят в Нордени. Норденийцев ненавидят в Рантеране. И это будет продолжаться очень долгое время, пока один из королей не одержит победу.

Дейна судорожно вздохнула и прижала прохладные ладошки к горящим щекам.

— Я хочу остановить эту чудовищную войну! — выпалила она.

— Что? Нет!

— В мире не должно проливаться крови женщин и детей, это чудовищно!

— Это война! Так было, есть и будет!

Она с удивлением смотрела на его лицо, искаженное болью и гневом, все сильнее понимая, что перед ней стоит совсем не тот добрый мальчик Наоки, которого она встретила в двенадцать лет. Душа сжалась от печали и тоски, на глаза навернулись слезы.

— Наоки, неужели ты выступаешь за эти чудовищные злодеяния?

— Нет, — он покачал головой, а потом притих, подбирая верные слова. — Только кому какое дело до наших желаний и чувств? Короли будут воевать, а потом разбираться, кто прав, а кто нет. Нас к тому времени не останется в живых.

— Неправда! — она топнула ногой, в отчаянии чувствуя, как щеки заливают злой румянец. — Ты жесток!

— Я правдив, Дейна. И я... Люблю тебя.

Слова ударили ее в грудь, в самое сердце. Оглушенная ими девушка долго стояла на месте, не в силах поверить услышанному. Скажи это Наоки до разговоров о войне, она была бы счастлива, но теперь чувствовала смятение, тревогу, холодную пустоту. Что теперь делать — разделить жизнь, кров и постель с врагом, презирающим ее народ?

Он развернулся и пошел прочь быстрыми, торопливыми шагами.

— Наоки! — жалобно крикнула ему вслед Дейна, протягивая бессильно руку.

Наоки Сино не обернулся и не остановился.

Глава 14.2. Летние поцелуи

Целый месяц после признания Наоки Дейна честно пыталась сдерживать слезы, обиды и боль. Потому что ее мать и зачастившая в гости бабушка терпеть не могли чужих несчастий и только обсуждали свои невзгоды. Боль юной девушки была для них смешной и глупой. Так что Дейна держала язык за зубами, помогала матери по дому, а в свободное время отрабатывала магию. И только сейчас она невольно подумала, насколько ее жизнь скучна.

— Матушка, мы могли бы поехать на южные острова? — спросила она однажды, словно невзначай.

— Нам, северянам, это ни к чему. Слишком у нас бледная кожа, — вздохнула Лилиана, склонившись над горой посуды в железном тазу. — Да и денег мало.

— Но ты же продаешь свои зелья.

— Конечно. А откуда, ты думаешь, у нас берется новая красивая одежда и вкусная пища? — мрачно усмехнулась мать и посмотрела на Дейну то ли оценивающе, то ли недовольно. — Пора бы тебе узнать цену деньгам.

— Не вы ли, матушка, твердили, что моя главная ценность в учебе и магии?

— Разумеется. Но тогда ты была мала, а сейчас повзрослела. Я договорилась с пекарем Сино — будешь у него подмастерьем.

— Что?! — вскричала Дейна, пораженная до глубины души. — Матушка, кто подменил вас? Вы сами утверждали, что моим белым и нежным рукам не пойдут на пользу ожоги?

— Я заблуждалась, — сказала Лилиана, чуть помолчав. — Пойми меня правильно. Дейна, ты слишком взрослая, чтобы празднично проводить время. Если я не выдала тебя замуж, то лишь потому, что хочу помощи.

У Дейны потемнело перед глазами, она прислонилась к холодной каменной стене, с ужасом глядя на мать.

— Замуж? Я обучаюсь магии!

— Да, дочь. И снова, потому что я тебе позволяю эту вольность.

Прежняя Дейна, маленькая, неопытная и незрелая, расплакалась бы и устроила скандал, во многом уподобившись своему забытому отцу. Но нынешняя Дейна сумела это пережить. Сглотнув, она исподлобья посмотрела на мать и обронила всего одно холодное слово:

— Хорошо.

— Ты мне еще спасибо скажешь! — громко сказала Лилиана, когда Дейна вышла из кухни и меняла потрепанные домашние туфли на новенькие башмаки.

Блеск начищенной кожи неприятно покоробил девушку. Ей стало неприятно осознавать, что зарабатывает деньги в семье только мать, а сама она... На что способна Дейна Морлан, кроме причинения неприятностей и горя себе и другим? Слезы моментально навернулись на глаза, но девушка проглотила их и с облегчением подумала, что недалек тот день, когда она станет разведчицей герцога. Тогда ее схватят и обезглавят в первый день первого же задания, потому что она глупа, невнимательна, безрассудна. И поделом ей.

Раньше Дейна Морлан не считала себя такой. Но после очередного бабушкиного визита усомнилась в собственной ценности.

— Тебя надо выдать замуж, — проскрипела старая вздорная ведьма, указывая на Дейну крючковатым пальцем, — за человека военной выправки. Он бы тотчас же отучил тебя дерзить. И колотил бы по четыре раза по дню.

— Мама! — возмутилась тогда Лилиана. — Что вы такое говорите?!

— Цыц, девчонка! Я знаю, что говорю. Ты у меня тоже кулаками не ученная в юности.

Этот короткий жестокий диалог Дейна никак не могла выбросить из головы.

Где прописан дикий негласный закон, велящий истязать отроковиц? Почему отроков и юношей он не коснулся? Душа немела и разрывалась от тяжелых и противоречивых вопросов, пока Дейна подходила к пекарне. Каждый ее шаг становился медленнее предыдущего, а оказавшись возле деревянного крыльца с тремя широкими ступенями, она и вовсе оробела.

Из-под крыльца вылезла трехцветная кошка. Деловито и важно огляделась по сторонам, сощурила зеленые глаза и медленно подошла к Дейне, чтобы обнюхать ее башмак.

— Привет, пушистая! — засмеялась девушка, мигом обретя хорошее настроение.

— Мяу, — с достоинством изрекла кошка.

И потерлась об ее ногу.

Это был добрый знак. В Нордении считалось, что кошки с котами помогают ведьмам, а волки и волчицы — магам. Не будь их с матерью дом съемным, Дейна обязательно завела бы котенка, но сейчас была вольна только гладить чужих.

Она присела на корточки и опасливо протянула ладонь, позволив кошке обнюхать пальцы. Та, к удивлению Дейны, выгнула спинку и громко мурлыкнула, призывая себя гладить.

— Какая ты славная... — с восхищением прошептала девушка, зарываясь пальцами в густую шерсть. — Не скажешь, как тебя зовут?

Кошка продолжала довольно мурлыкать, вопрос ее вовсе не интересовал.

— Ее зовут Фирна, — сообщил знакомый голос за спиной, заставший Дейну врасплох.

Торопливо вскочив, она отпрянула и с сердитым удивлением посмотрела на Наоки.

— Ах! Не пугай меня так больше!

В черных глазах блеснула виноватая грусть.

— Прости, Дейна.

— Ко мне уже подкрадывались со спины, — пояснила она, уже более сдержанно. — Чтобы убить.

Наоки медленно подошел к ней, обойдя кошку. Дейна последовала его примеру, и вот, они уже стоят возле пекарни, совсем рядом, не сводя друг с друга влюбленных взглядов. Смерив двух одаренных магов разочарованным зеленым взглядом, кошка ушла восвояси,

мягко ступая по зеленой траве белыми лапами.

— Я думал, ты скажешь, как сильно скучала, — выдохнул он.

— И скажу, — Дейна широко улыбнулась.

Девичье сердце снова колотилось, а к щекам прилила горячая кровь, но впервые за последние месяцы эти чувства были вызваны неистойвой радостью, не жестокой тревогой или испугом.

Наоки поцеловал ее. Дейна не стала противиться и ответила на эту несмелую ласку со всей наивной нежностью, на которую только была способна.

Его губы были горячими и сухими, от него пахло свежим хлебом и горьковатыми травами. Наоки нежно обнимал ее за талию, а она обвила его за шею тонкими руками и стояла непозволительно близко. Увидит любая из местных любопытных кумушек — разговоров и позору не оберешься. Но сейчас это совсем не беспокоило Дейну.

Может, мать права и она на самом деле слишком легкомысленна?

Отступив на полшага, Дейна посмотрела в темные глаза любимого человека, светящиеся теплом.

— Прости за то, что промолчала тогда, — негромко произнесла она, отчего-то смутившись. — Я тоже люблю тебя.

Наоки одарил девушку счастливой улыбкой.

— Я рад, дорогая Дейна! — проговорил он с чувством, восторженно глядя на нее. — Я так боялся, что стану противен тебе из-за своего происхождения.

— А я боялась, что стану ненавистна тебе из-за моей хвори.

Засмеявшись, они крепко обнялись и прижались друг к другу. За годы их знакомства Наоки стал выше Дейны, что позволило ей положить голову на его широкое плечо. Сердце пело, душа плясала, а над влюбленными медленно темнел купол летнего неба и на нем рассыпались серебристые крошечные звезды.

Дейна отстранилась от Наоки и негромко вздохнула.

— Тебе достанется от брата за отлучку.

— Нет, я отпросился. Ноет старая рана и мне больно работать. Чувствую себя старым солдатом.

И Наоки невесело рассмеялся.

— А я пришла устроиться к вам в пекарню, — сообщила она как бы между прочим, но на самом деле еле вспомнив об этом. — Нужны помощники.

— Нужны, — с сомнением произнес юноша. — Но уже поздно.

— Хорошо. Я приду завтра, с утра.

Сердечно попрощавшись с ним, Дейна быстро ушла обратно, в сторону своего дома.

Всего-то нужно было пройти несколько улиц и два переулочка, которые, как назло, уже опустели. Раньше она не задерживалась так надолго или, если уходила в гости поздно вечером, оставалась там ночевать. А бродить по темной улице, рискуя напороться на пьяниц или разгулявшихся работяг, княгине не пристало. Жаль, что Наоки не стал ее провожать до калитки. Она тоже не догадалась его попросить.

И тут же остро кольнула неприятная мысль, что просить о помощи кого-нибудь — плохо.

Мать частенько просила об ней Серхио, но тот не выказывал неудовольствия, во всяком случае явно. Будет ли в их отношениях Наоки таким же заботливым и внимательным? Не станет ли он с годами таким же грубым и мелочным, как Андре Морлан для Лилианы?

Из омота спутанных и романтических мыслей Дейну выдернуло лошадиное ржание, раздавшееся совсем рядом, над ухом. От ужаса, тревоги, неожиданности она вздрогнула и чуть не потеряла дар речи. Прямо на нее неслись два черных скакуна, звонко цокая копытами по неровным уличным камням — они везли темную карету.

Дейна не поняла, что случилось. Отпрыгнула ли она раньше или коней остановил кучер, уже не имело значения. Ведь она пришла в себя через несколько минут, когда двое военных в форме королевской гвардии держали ее под руки и вели в карету.

Ныли ушибленная нога и разбитый локоть. Едва ли это их тревожило.

— Отпустите! — бессильно верещала Дейна, пытаясь вывернуться и понимая, что их, в отличие от охраны герцога, укусить или пнуть не получится. — Я — княгиня Морлан!

— Отлично, княгиня, — бодро ответил тот, кто держал ее с правой стороны. — Вы-то нам и нужны. Теперь мы знаем, что забираем именно ту ведьму, какую приказано.

От этих слов душа мигом ушла в пятки

— Кем приказано? — испуганно пискнула она, когда ее усадили в карету. — Инквизиция?!

— Нет-нет, — добрым голосом заверил солдат. — По приказу Его Величества.

Он захлопнул дверцу, и только сейчас Дейна поняла, что находится не одна в карете. Кто-то позвал ее в темноте знакомым шепотом, и с уст девушки хрипло сорвалось:

— Огненные Боги! Наоки, это ты?!

Глава 14.3. Столичные почести

Карета с двумя пленниками ехала ровно и быстро по широким центральным дорогам города, вымощенных серыми каменными плитами. Двоих пленников увозили все дальше от их домов. Как только карету стало подбрасывать на ухабах и плохой дороге, Дейна сразу поняла: они на окраине. Окон тут не было или их замазали черной краской? В любом случае, пытаться выхватить взглядом хоть маленький источник света — глупо и бессмысленно.

Наоки сидел рядом и потерянно молчал. Так они ехали довольно долго.

— Что случилось? — наконец спросила Дейна.

— Я хотел спросить у тебя то же самое, — голос парня звучал глухо и удивленно, он с трудом верил в происходящее. — Сперва думал, что королевская солдатня взбесилась из-за моего пребывания в Нордении. После нападения уже ничему бы не удивился.

Дейна сочувственно вздохнула и погладила его по плечу.

— Потом взял себя в руки и вспомнил, что брат остался в пекарне, а наш дом не разнесли.

— Верно... — пробормотала Дейна и вспомнила про свою бедную мать.

— А потом в карету усадили тебя.

— Они искали одаренную ведьму, — вспомнила Дейна. — Ты тоже одаренный. Значит...

— Мы зачем-то нужны королю.

Вывод был не слишком утешительный, но и не страшный. Им не связали руки, не обшарили карманы и почти не охраняли. Вооруженные всадники ехали снаружи, но в саму карету не посадили никого, хотя места было предостаточно. И Дейна позволила себе вздохнуть с облегчением.

Путь до столицы оказался короче того, которым они добивались с матерью, когда Дейне было семь лет. А может, дело в том, что она часто спала, положив голову на плечо Наоки? Девушку укачивало в тряской карете, она не знала, день или ночь за окном, а все ее

попутчики, вместе с Наоки, оказались людьми немногословными и печальными.

Если бы не утешающие обстоятельства, она решила бы, что королевская стража везет их на казнь, раз так тоскует. Но, скорее всего, эти люди, которых Дейна видела только на коротких остановках, просто слишком много воевали и теперь подвержены унынию, а дело вовсе не в пленниках. Куда тяжелее ей было понять, в чем причина печали Наоки.

— Ты грустишь из-за брата? — спросила она в один из неопределенных дней.

Юноша невесело улыбнулся и махнул рукой.

— Райто справится. На самом деле его не должны тронуть власти, потому что люди заступятся. Они привыкли покупать свежий и дешевый хлеб.

Эти слова успокоили Дейну окончательно, и она снова задремала.

Сколько прошло времени с тех пор, как карета уехала из Нортэна до того дня, когда въехали в столицу, Дейна не знала. Через наглухо закрытые окошки не проникал даже крошечный солнечный луч, и потому, когда их выпустили возле самого королевского дворца, девушка чуть не ослепла. Яркий золотой свет безжалостно бил в неприкрытые, привыкшие к темноте, глаза.

С другой стороны кареты вышел Наоки. Он пошатывался, растерянно смотрел по сторонам и выглядел неважно. Пока Дейна раздумывала, стоит ли подать ему руку или этот жест не для благовоспитанной княгини, к ним уже подошли роскошно одетые мужчина и женщина.

Женщину удалось узнать быстро, хоть и не мгновенно. Графиня Маргарет Ариньяк, привезшая много лет назад своих дочек в королевскую академию магии, она мало изменилась. Выбеленное пудрой лицо, вьющиеся светлые волосы, натянутая улыбка и недобрый взгляд. А мужчина...

— Отец... — прошептала Дейна, отчаянно моргая.

Князь Андре Морлан наоборот изменился до неузнаваемости. В последнюю их встречу он был молодым и красивым мужчиной, а нынче сильно растолстел, подурнел и обрюзг. Странно, что Дейна его вообще узнала, наверное, почувствовала нечто родное в этом малознакомом человеке, разодетого в шелк и бархат.

Никогда прежде она не чувствовала себя настолько растерянной и раздавленной.

Между тем Маргарет и Андре подошли к прибывшим, и Дейна наконец-то смогла сосредоточить внимание на старинном замке, к которому их привезли. На блестящей медной табличке, прибитой к высоким черным воротам, красовались несколько слов.

«Королевская академия магии».

И это все? Настолько простое название? И какой странный замок! Где ров и перекидной мост, по которому надо идти? Дейна огляделась по сторонам, и ее сердце замерло.

Ров и мост были позади, а за ними возвышались еще одни ворота. Получается, королевская академия под двойной охраной?

— Бездна побери, — проговорил со смешком Наоки. — Что тут происходит?!

— То, что давно надо было сделать, — сварливо сказал Андре хриплым, чужим, страшным голосом. — Все одаренные должны знать свое место и быть полезными короне. Дейна, душа моя, объясни этому мальчишке, чтобы не смел так выражаться в моем присутствии.

Девушка послала Наоки умоляющий взгляд. Тот закатил глаза, но перестал возмущаться.

— Я следил за твоими успехами, Дейна. Люди, верные мне не ради денег, а ради принципов, следили за вашим неказистым домишком. Так я узнавал все, что мне следовало.

Ты выросла, похорошела и набралась сил, у твоей глупой матери завелся любовник...

Маргарет ахнула и прикрыла рот ладонью в белой перчатке. У Дейны от гнева сжалась душа.

— Отец, не нужно...

— Молчи, девочка, — Андре с назидательным видом поднял палец. — Молчи и слушай. Твоя мать, конечно, неразумная женщина, но попытаться устроить тебя в академию было одним из немногих ее добрых поступков. Когда я узнал, что тебя не приняли, то решил вернуться к этому вопросу через несколько лет. Как видишь, вернулся. Один влиятельный дворянин мне помог.

Дейна судорожно выдохнула и беспомощно посмотрела на графиню Ариньяк. Та отвела взгляд.

— Зачем тебе это?

— Одаренные опасны, дорогуша. В любой момент их силы могут вырваться из-под контроля и укокошить толпу невинных людей... Я не позволю своей дочери стать убийцей.

— Да, — Дейна позволила себе усмехнуться. — Мне до тебя далеко.

— Тихо! Не сбивай меня с толку, дитя мое, пока я не рассердился окончательно! — пригрозил он, но в серых отцовских глазах промелькнул испуг. — Вас привезли сюда, чтобы проверить, насколько вы опасны. Ближайшие два года будете находиться под контролем инквизиторов и наставников.

Он шагнул совсем близко, дыша винными парами. Дейна невольно отшатнулась, ее замутило.

— Не завидую вам, если чего-нибудь выкинете, друзья мои. Ох, не завидую.

Рассмеявшись в лицо дочери, он развернулся и пошел прочь, пошатываясь, словно тряпичная кукла от ветра. Дейна стояла и смотрела ему вслед, а потом быстро повернулась к молчащему, будто каменный истукан, Наоки.

— Я не верю в это! У него слишком мало влияния, чтобы вот так взять и отправить меня сюда!

— И меня, — любезно подсказал парень.

Дейна ничего не ответила — ее сердце разрывалось от тоски и боли. Кто бы мог подумать, что за минувшие годы отец обезумел настолько, что жил идеей разлучить ее с матерью, чисто из своих принципов?

К ним подошли слуги, чтобы окружить плотным кольцом и проводить в замок. За их спинами девушка не видела почти ничего. Только клочок ясно-голубого неба над головой да прохладный, запутавшийся в ее густых каштановых волосах ветер. Дейна шла и лихорадочно размышляла, кто бы мог оказать Андре Морлану поддержку? У кого настолько огромные связи, чтобы посодействовать одаренной дочери небогатого мелкопоместного князька?

Если только...

Неужели, Даниэль Виенто?

Нет, эту гадкую мысль Дейна гнала от себя прочь. Предположить, что это так, равносильно признанию Виенто не настолько хорошим магом, как она привыкла думать в последний год. У колдунов дворянского происхождения есть и хорошие и дурные стороны, а у герцога Даниэля душа черна и отвратительна. И незачем было полагаться на его доброту и совесть.

Сильные мира сего всегда поступают, как выгодно только им. И лишь иногда, в качестве поощрения, делают слабым небольшие поблажки.

— Пожалуйте сюда, сударыня.

Тихий заискивающий голос вывел Дейну из раздумий.

Слуги в серых ливреях, больше всего похожие на крупных крыс, вставших на задние лапы, провели Дейну и Наоки в замок. Каменные стены холла, украшенные яркими гобеленами и небольшими копиями гербов героев, что выросли и выучились в академии, сразу бросились в глаза. Ни сырости, ни затхлости, ни других признаков неотапливаемых помещений девушка не заметила, но это не помешало ей оставаться настороже.

Наоки куда сильнее восхитил ряд портретов на одной из стен. Из-под железных шлемов устало смотрели холодными голубыми глазами бывшие студенты и студентки старшей академии, павшие в боях с врагами. Все, как на подбор, красавцы, красавицы, вооруженные до зубов. Ни одного не изобразили измазанным в своей или чужой крови, с увечьями или незаконно добытыми трофеями.

— Рисовал, верно, мужчина, — лукаво шепнула Дейна.

— С чего ты взяла?

— Женщины дарят жизни и не возносят смерть в абсолют.

Жилые покои делились на правое мужское крыло, и на левое женское. Каждому студенту полагалась собственная комната, хоть и крошечная, больше похожая на монастырскую келью. Это порадовало Дейну, ведь она боялась встречи с другими студентками. Она чувствовала себя измученной, усталой, ранимой, и совершенно не хотела общаться с кем-либо.

Слуги увели Наоки в правое крыло, а к Дейне подошли две молчаливые служанки. Их вид был покраше — серые платья и белые фартуки.

— Ваши покои близко, госпожа. Сейчас придем. Если вам что-нибудь нужно, всем обеспечат.

— Меня привезли сюда без вещей, — сказала она негромко, когда шаги мужчин затихли в противоположном коридоре. — И еще... кажется, у меня начались крови, — добавила она приглушенным голосом. — Не могли бы вы помочь?

— Да, разумеется, госпожа, — ответила та, что моложе, с длинными и светлыми, забранными в конский хвост, волосами. — Меня зовут Марта, я к вашим услугам.

— И да! — Дейна внезапно вспомнила самое важное. — Принесите мне бумагу и чернила. Здесь есть голубиная почта?

Надо срочно отправить письмо матери!

— Есть, госпожа, — успокоила ее Марта.

— Отлично. Спасибо вам.

Единственная свободная комната находилась в конце узкого коридора, и они с Мартой направились прямо туда. Слушая звон ключей, Дейна устало вглядывалась в полумрак, слабо разбавляемый жидким желтым светом прикрепленных к стене факелов. Ей казалось, что возле деревянной темной двери возвышается человек.

Обогнав служанку, Дейна протянула вперед ладонь, зажигая крошечный, но очень яркий шар холодного пламени. Почти как фонарь, но лучше фонаря. Он не грел до боли кожу и не угрожает спалить все дотла при неосторожном обращении.

— Приветствую тебя в стенах королевской академии, Дейна Морлан, — голос вероломного герцога Виенто звучал так же приятно и бархатно. — Как ты уже могла догадаться, именно я оплатил обучение двоих одаренных.

Дейна уже успела понять это и просто молча кивнула в ответ, ни в силах произнести ни

единого слова.

Глава 15. Конец детства

Королевская академия была наполнена темными и светлыми магами всех возможных стихий. Только здесь и сейчас Дейна узнала, что она и Наоки — нейтральные и одаренные ведьма и маг. Рождались такие волшебники нечасто. Ректор академии, господин Феликс Фурман, беловолосый мужчина средних лет, долго разговаривал с герцогом Виенто за закрытыми дверями кабинета, а потом пригласил войти Дейну и Наоки.

Девушка тяжело вздохнула и сделала несколько неуверенных шагов вперед, чтобы миновать порог кабинета и посмотреть в глаза Даниэлю. Следом бесшумной походкой двигался Наоки. Как большой умный кот. Как тигренок.

Захлопнулась дверь, и оба одаренных студента очутились в царстве роскоши и уюта. Господин Фурман, в белоснежной мантии, гордо восседавший на высоком и мягком кресле, обитом белым бархатом, смотрел на них внимательно, изучающе, словно пытаясь сразу разглядеть, что за птицы заглянули в его обитель. Здесь не было ни единого лишнего предмета мебели. Письменный стол, шкаф-бюро, стул, два кресла, статуэтки на чистых полках, из серебра, гипса, мрамора. На каминной полке лежали какие-то предметы, но камин располагался в дальней части комнаты, и Дейна своим слабым зрением не смогла увидеть.

Да и нужно ли?

— Проходите, дорогие студенты, — предложил ректор Фурман хорошо поставленным голосом. — Мы с герцогом Виенто обсуждали ваши способности.

«И как обсуждение?» — так и подмывало спросить Дейну. Но она прикусила свой острый язык.

— Присаживайтесь.

Два высоких резных стула с мягкими сидениями. Такие могут позволить себе только богачи.

Дейна села на стул, но с большим удовольствием она бы легла в удобную постель. После долгой и тряской поездки у нее ломило спину, словно у женщины почтенных лет.

— Я вынужден зачислить вас, молодые люди, на факультет нейтральных одаренных. Я говорю «вынужден», — тонкие губы мужчины тронула печальная улыбка, — потому что кроме вас там никого не будет. С вами станут заниматься по отдельности.

— Единственные нейтральные маги в нашем поколении? — ровно спросил Наоки.

— Увы, — ректор развел руками. — Так вышло. Норденийские нейтральные маги с четырьмя способностями обычно умирают, не дожив до пятнадцати лет. Голод, болезни, войны, и тому подобное... Нейтралитет не способен защищаться. Можно сказать, вы притягиваете беды своей сутью. Невольно.

Дейна слушала вполуха — она очень устала. Но при этом не забывала до хищности внимательно рассматривать господина Фурмана, чтобы ее не заподозрили в невнимании.

— Скажите, господин ректор, а нейтральные могут видеть призраков?

— Скажу больше — они единственные, кто способен их видеть наяву.

Фурман зорко посмотрел на девушку, словно пытался увидеть ее насквозь или прочесть мысли. Но потом, видимо, решил не тратить на это времени.

— Что же, молодые люди, — сказал он с явным облегчением, — вы зачислены в старшие классы королевской академии. Письма вашим родным я отправил еще пару недель назад, но вы можете написать им снова.

«Спасибо за милосердное предложение!» — со злостью подумала Дейна и сжала кулак. Это резкое, быстрое движение не укрылось от взгляда Наоки, и он чуть улыбнулся девушке.

— Можете идти, — заключил ректор. — Я все сказал. Остальное вы узнаете из академического устава.

Новоявленные студенты переглянулись, дружно встали и направились к двери, когда их остановил прохладный и колючий голос герцога:

— Насколько мне известно, между вами двумя имеется некоторая романтическая... связь...

Молчавший до этого Даниэль Виенто, подпиривший спиной стену, теперь сделал несколько шагов в сторону влюбленных, не сводя с них мрачного, серьезного, почти злого взгляда. Но Дейна слишком устала, чтобы копаться в чужом поведении и чужих поступках. Свои-то дай Водные Боги понять!

— Да, это так! — подтвердили нестройным хором юноша и девушка.

— Настоятельно прошу вас держаться друг от друга подальше во время обучения, — проскрежетал герцог уже железным, но не бархатным голосом. — Будьте осторожнее. Помните, кому вы обязаны всем.

Дейна в ответ слегка поклонилась, Наоки же остался гордым и непоколебимым. Конечно. Ему ведь гораздо легче сносить все это.

— Мы обещаем, — проскрежетала она в ответ.

— Обещаем, — вторил хрипло Наоки.

Слава Водным Богам! Она уже думала, что юноша трусливо промолчит.

И снова этот тяжелый, внимательный, оценивающий взгляд герцога Виенто на ее лице. Неужели он... ревнует?..

Нет! Такой глупости Дейна даже в самом нелепом сне увидеть не могла. Он — ее хозяин и наниматель, она — разведчица, шпионка, буквально смертница. Или станет ею в ближайшем будущем. К тому же она совсем некрасивая для мужчины, привыкшего к роскоши. Угловатая нескладная фигура, коротко стриженные каштановые волосы, испуганное лицо с затравленным выражением.

К тому же у нее есть Наоки. Она искренне любит его и не променяет ни на какие сокровища мира.

Разговор с ректором и с Виенто закончился, студенты вольны были уйти.

Занятия начались осенью.

После приветственной беседы Дейна еще несколько раз заходила в покои ректора, но уже одна, без Наоки. Следовало подписать некоторые бумаги и подтвердить свое согласие на переход из «Обители Чудес» в королевскую академию. Дейну так и подмывало спросить, всех ли студентов так нагло похищают посреди белого дня и увозят сюда, будто в тюрьму, но она смолчала. В конце концов, ректор не виноват и ничего не знал об этом.

Все затеял герцог Виенто, а бедный глупый Андре Морлан, горький пьяница, был убежден в том, что это именно его идея. Не простив бывшую жену и единственную дочь, он все эти годы вынашивал коварные планы жестокой мести.

Хорошо, что это ему не удалось полностью.

Сам того не зная, Андре исполнил давнее желание Лилианы, мечтавшей выучить дочку в королевской академии. Что касается самой Дейны, то ее, как обычно, не спросили об

истинных желаниях, но она уже привыкла. И только хотела сказать отцу пару слов.

Родителям, отправившим отпрысков в академию, доступно навещать их в любое время суток. Первое время Дейна тщетно ждала, что отец придет злорадствовать, но он так и не соизволил явиться даже ради этого. И она перестала думать о нем.

Ведь куда интереснее, чем Андре Морлан, увлекательные и познавательные лекции наставников, совсем непохожие на скучное и унылое бормотание в Обители Чудес. Кроме того, теорию не смешивали с практикой. Вслед за неделей лекций шла неделя практической магии на свежем воздухе. Для этого был выделен квадратный задний двор.

Когда Дейна впервые очутилась там, мысли неумолимо вернули ее в тот страшный снежный день, где маленькую девочку забили камнями, засыпали снегом и чуть не убили магией. Сглотнув, она сдержалась и гордо выпрямила голову. Отныне она — не эта беспомощная девочка и обязательно сумеет постоять за себя, если придется!

Наоки стоял рядом с ней, и его напряжение чувствовалось особенно сильно. Дул осенний ветер, ерошил волосы

— Огонь! — громко крикнула наставница Алоисия — высокая женщина с широкими плечами, короткими седыми волосами и хорошо поставленным голосом.

Дейна и Наоки медленно вытянули руки и нарисовали в воздухе рыжие узоры магическим огнем. Она — идеально ровную спираль. Он — древнюю руну.

— Осторожнее с такими рунами, — назидательно посоветовала Алоисия, щелкнув пальцами, и от колдовства студентов остались слабые угасающие искры. — Так можно вызвать из Бездны то, что никогда не существовало.

— А что оно там, в Бездне, тогда делает? — невпопад спросила Дейна.

— Вот не знаю. Спросите об этом у темных наставников. Но не отвлекаемся, студенты. Вода!

На этот раз лучший результат вышел у Дейны, потому что из всех ее стихий преобладала Вода. Нацелившись на чахлый увядший кустик, девушка послала ему толстую струю магической воды, исцеляющей все живое. И тонкие, слабые, желтые листики сразу позеленели и расправились.

— Похвально, — произнесла наставница. — Главное — не использовать этот прием осенью. Для растений он губителен. Придется перенести этот куст в оранжерею, чтобы его спасти от заморозок.

Дейна виновато вздохнула. Она не хотела причинять вред растению, но использовать воду для его оживления было единственным, что пришло ей в голову.

Этот урок и еще несколько других, менее значительных, пришлось взять на заметку, чтобы больше не допускать досадных ошибок. В остальном все было гораздо проще, чем в Обители Чудес. Тут не требовалось лебезить перед наставниками, чтобы заслужить их расположение, а из магических дисциплин исчезло невероятное множество противоречивых требований.

Занятия начинались в девять утра и продолжались до девяти вечера. Когда Дейна впервые увидела расписание, то испугалась, но напрасно. Самое сложное и требующее повышенной сосредоточенности оставляли на утро, остальное выполняли вечером. Перерывы на обед и на отдых тоже имелись.

Одно удручало Дейну — через два года им придется покинуть академию. Ей-то точно. А вот Наоки... Он не выглядел опечаленным или встревоженным, и вообще словно бы отстранился от нее. Но девушка старалась об этом не думать. Долгие занятия и подготовка к

единым королевским экзаменам сбивали с толку и совсем не оставляли времени на любовь.

Так что герцогу Виенто незачем было тревожиться тогда, в кабинете у ректора.

За осенью пришла снежная и удивительно холодная зима. К счастью для похищенных студентов, здесь выдавали теплую школьную форму, а в местном госпитале дежурил целый отряд колдунов-медиков, готовых спасать от простуд и переохлаждения.

Эта зима стала для Дейны самой необычной. Впервые она была так далеко от матери и бабушки, впервые она не болела, и впервые пребывала в восторге от многогранной магии.

С приходом весны оттепель наступила и в классах. Обучение становилось все более легким и щадящим. Уставшие головы нейтральных магов наконец-то получили заслуженный отдых. Но, как выяснила Дейна много позже, она слишком рано расслабилась.

В один из этих теплых, безмятежно-мирных дней, когда Дейна неторопливо шагала по замковому коридору, спеша во внутренний двор, ее внезапно догнала служанка Марта. Она запыхалась от быстрого бега и имела очень тревожный вид.

— Госпожа Дейна, постойте! — попросила Марта, кое-как догнав девушку. — У меня есть важная новость!

Резко замерев на месте, Дейна с тревогой посмотрела в ее покрасневшее лицо.

— Что-нибудь случилось?

— Госпожа Дейна, к вам прибыл ваш отец. Он хочет вас видеть!

Глава 16. Последние экзамены

Андре Морлан ждал свою дочь в кабинете ректора. Он был трезвым, тщательно одетым, гладко выбритым, и хоть его некрасивого нынче лица это не исправляло, Дейна на минуту вспомнила прежнего отца. Он был красивым, бабушка говорила, что даже непозволительно красивым для мужчины. И злым. Очень злым, когда кто-нибудь случайно задевал его самолюбие. А еще отец совсем не умел пить вина.

Поэтому Дейна даже не пыталась, зная, что все равно проиграет в неравной схватке с душевной тоской и дешевым трактирным пойлом. А с дорогими незачем и тягаться.

— Здравствуй, дочь! — отец был весел.

Он раскинул руки, чтобы обнять ее, но Дейна ловко увернулась.

— Я понимаю, что ты злишься. Но я всегда хотел для тебя лучшего.

Девушка задрала подбородок и вопросительно посмотрела в его льдисто-серые глаза. Совсем, как у нее.

— Правда? — звонко спросила она, чувствуя горький ком в горле.

— Истинная.

— Ты похитил меня. Мы с мамой скитались, когда ей удалось меня вызволить. А потом меня чуть не убили!

Отцовское лицо мигом исказилось, глаза заметали злые искры.

— За это можешь сказать своей мамаше! Она не только воспитала тебя грубой девкой, так еще и позволила спутаться с пекарем.

— Зато я стану писать книги! — выкрикнула Дейна.

Внутри у нее все кипело, щеки полыхали от злости и ненависти. Мать была права — она станет подобием отца, но если отец на стороне зла, то она за добро. Отцу никогда и дела не было до чужих бед, а Дейна только и живет для спасения людей.

— Не носи чушь, — брезгливо отмахнулся отец. — Ты станешь боевым магом и принесешь пользу своей стране, раз уж не смогла принести ее семье. Не зря же я загубил человека, чтобы он не разболтал секрет твоей одаренности.

— Секрет? — вздрогнула Дейна, и схватила отца за руку. — Какой?

— Тебе следует подучить житие Ульрика Первого. Он запретил искусство. Слышала о Книге Страха?

— Я... — девушка запнулась и замерла в смятении. — Как-то раз...

— Тьфу ты, бездарная ведьма. Ладно, я сегодня добр, расскажу тебе немного, — Андре вздохнул и опустил на стул. — Король Ульрик Первый сначала запретил искусство, а потом разрешил простолюдинам писать картины и книги только для дворян. Он сказал, что чернь обойдется народным творчеством, вроде глупых пошлых песен и прибауток. Не пойму, неужели твоя мать тебе не рассказывала?

— Нет... — прошептала Дейна, качая головой.

Ее щеки горели, а глаза наливались слезами, но отцу не было до этого никакого дела. Он продолжал разговор.

— Многие бедняки хотели жить сытно и тепло. Они пошли к дворянам на поклон, чтобы жировать за чужой счет и придумывать всякие отвратительные сказки. Чем больше этого сброда жрало чужую еду и занимало чужое место, тем сильнее гневались потомки Ульрика. Ты слушаешь, глупая девка?

Дейна молча кивнула, глотая слезы.

— Женщин хлебом не корми — дай порыдать, — буркнул он и сунул в ее дрожащую руку чистый белый платок. — Вот, утрись. Так, о чем, бишь, я... Новые короли — новые правила. Каждого писателя проверяют на способности. И отправляют к дворянам самых талантливых. Остальных шлют на рудники, чтобы другим неповадно было.

— И кто же определяет талант? — спросила Дейна чуть слышно.

— А это уже от дворянской семьи зависит. Обычно самый старший мужчина. Но если он единственный и малолетний, то дело переходит к его матери, — Андре брезгливо поморщился. — Все, ступай. И подумай, оправдан ли риск.

— Да... — у нее сорвался голос, но в последний момент Дейна выдавила из себя: — отец...

Дни и месяцы в королевской академии текли легко и быстро, не сравнить с тем, как медленно ползло время дома. Чем дольше шло обучение, тем сложнее становились задачи, каверзнее вопросы, строже наставники. И Дейна понимала, что в этом есть свой смысл. Все ученики старших классов королевской академии должны быть подготовлены к экзаменам наилучшим образом.

Как бы их не натаскивали на нумерологию, историю магии, философию и прочее, главными дисциплинами для одаренных все равно оставались стихийные чары. Тут не отделаться долгой и нудной зубрежкой, посиделками допоздна в богатой академической библиотеке, и тому подобным. Самое важное — практика. Умение правильно пользоваться всеми видами стихийной магии, мастерски блокировать ее у противника, обезоруживать и сбивать с ног. В последнем очень хорошо помогали чары Земли и Воздуха, которым Дейна, к своему стыду, уделяла меньше всего внимания.

А вот Наоки наоборот в них преуспел. Гораздо хуже у него обстояли дела с огнем.

Про слова отца и написание книг Дейна старалась не думать. Сейчас вовсе не до этого, куда важнее выучить все руны, запомнить правильное движение рук при выполнении каждой стихийной техники. Разведчикам очень хорошо помогают стихии Воздуха, реже — Земли. Наставники объяснили, что последнее может пригодиться во время погони.

— Хорошо, что не устраивают нам саму погоню, — промолвил Наоки.

— Да... — протянула Дейна с пониманием.

И они дружно расхохотались, а затем переглянулись и продолжали смеяться до тех пор, пока из глаз не потекли слезы. Наставница Алоисия прикрикнула на неслухов и велела им немедленно успокоиться. Мол на экзамены будут приходить важные люди, а не простые учителя, привыкшие к выходкам подопечных.

Эти слова немного напугали Дейну, только она быстро забыла о своей тревоге.

Ее семнадцатый день рождения прошел в полном одиночестве. Даже Наоки не смог заставить себя отвлечься от книг и занятий. Дейну в двадцать пятый день месяца Сикстиса отстранили от занятий ровно на сутки — таковы здесь были правила. Своего рода поблажки.

Она не знала, чем заняться.

Написать письмо матери, погулять, отведать торт с шоколадом и сливками, который испекли специально для всех студентов, родившихся в этот день. Всего их оказалось двенадцать. И Дейна опять удивилась, как же много в Нордении студентов.

Мать отвечала на ее письма — пусть и редко, но писала она в ответ много. Порой некоторые листы были закапаны водой. Дейна подозревала, что слезами, и ее сердце в этот момент сжималось от нежности и тревоги.

В конце концов, все закончилось чуть меньше чем через год после дня рождения Дейны. Второй старший класс оказался невыносимо сложным,

Экзаменаторы действительно были другими, но они работали здесь же, в академии.

Тяжело вздохнув, Дейна вошла в свою первую аудиторию, где были только она и худая высокая женщина. Госпожа Ирэна Май походила своими усмешками, широкой некрасивой ухмылкой и торчащими зубами больше на лошадь, чем на человека, и тем более на ведьму. Но Дейну уже научила жизнь не говорить наставникам ничего, кроме того, что касается обучения.

Сосредоточившись, девушка стиснула зубы и рисовала огненные руны — одну за другой, в верной последовательности. Чем дальше она продолжала, тем чаще госпожа Май недовольно поджимала губы и кривилась.

— На четыре балла, дорогуша, — сказала она со своим мерзким оскалом. — Юноше я бы поставила шесть баллов, а вам не стану. Нечего вам делать в боевых магах. Потом вы будете благодарить меня.

Ухмыльнувшись, Дейна приложила ладонь к груди и низко поклонилась.

— Я уже сейчас могу вас от всей души поблагодарить.

И, не сказав больше ни слова, она развернулась и вышла из аудитории.

Экзамены по трем оставшимся стихийным дисциплинам прошли гораздо легче и проще. Хотя требования были серьезнее, но никто не стоял у Дейны над душой, осыпая насмешками каждое ее движение.

Поэтому шесть баллов у нее было по экзамену Воздуха, экзамену Огня и экзамену Земли.

Наоки, несмотря на заверения госпожи Май, что все мужчины талантливее женщин в магии, получил за каждый экзамен по пять баллов. И Дейна не стала ничего говорить об этом, как и о своих оценках. Она только удивилась, что он ее совсем не спрашивал об этом.

Главное, что все удалось.

Тревога улеглась, но не сразу. В прошлом академии были известны случаи, когда наставники пересматривали результаты выпускников и меняли количество баллов. Но их с

Наоки эта печальная участь миновала.

В двадцатый день месяца Севинса на небольшой площадке, в одной из частей внутреннего двора, собралась толпа выпускников. Никого из них, кроме Наоки, Дейна не знала, а те, разодетые в шелка и бархат, несмотря на теплую погоду, смотрели на нейтральных одаренных свысока. Они были настоящими дворянами, не то что Дейна Морлан.

Ученики были одеты в разноцветные мантии, в зависимости от своей стихии. И только одежды Дейны с Наоки сияли золотом и серебром — их тоже оплатил из своего кармана герцог Виенто. Девушку не покидала тревожная мысль, будто они выглядят нелепо и некрасиво. Она-то уж точно. В любом случае, ни одному из стихийников не понравилось стоять рядом с магами, которые превосходят их в три раза.

Слушая долгую и торжественную речь ректора, Дейна смотрела в ясные голубые небеса. Она знала, что пришла откуда-то с них, а когда умрет, будучи разведчицей, вернется обратно. И тогда все останется позади, все будет бессмысленно. Так может сейчас гордо улыбнуться и принять себя в золотом одеянии, как должное?

Так она и поступила.

— Смотри, — шепнул Наоки. — Они отстранились от нас.

И правда! Окружающие их молодые маги расступились так, словно им хватало места. На самом деле тем несчастным, что стояли в центре, пришлось потесниться. Еще немного и начнется давка. Двое одаренных остались одиноко стоять посреди площади, отвергнутых огромной толпой.

— Они нас ненавидят? — шепотом спросила Дейна у Наоки.

— Не то чтобы... — юноша замялся. — Но им незачем нас любить. Видишь ли, одаренные раздражают инквизицию четырехкратной силой. И короля — ею же. А заодно и обычных магов, — он поморщился и состроил гримасу. — Ишь ты, ходят тут, колдуют. Указывают приличным магам и ведьмам на их несовершенство!

Забыв о том, где находится, Дейна звонко рассмеялась.

Ректор в красной мантии, читавший длинное поздравление, укоризненно посмотрел в глубь толпы, но тут же отвел глаза и вернулся к своему занятию. А Дейна продолжала рассматривать людей, стоявших рядом с ним.

Герцог Виенто, князь Морлан, графиня Ариньяк. Все они были спокойны и доброжелательны. Но Дейна-то знала, что из себя представляет отец. Сразу же после церемонии, во время пышного празднества, он напьется своих любимых вин и завалится спать, где придется. Хорошо, что совсем скоро она покинет академию и ей не придется долго краснеть за него.

Она так стояла и смотрела, пока не почувствовала полузабытый потусторонний шелест мужского голоса:

— Ты справилась, Дейна. Ты взлетела до небывалых высот. А князя Морлана ждет только падение... И самая смерть.

Дейна моргнула, сиюсь разглядеть в летнем мареве призрачный силуэт. Генри был где-то рядом, но не желал показываться.

— Долг врача обязывал меня не держать зла. Когда я погиб от его рук, то стал свободен от клятв и страстей. И все-таки я жажду увидеть торжество справедливости. Пусть будет недалек час, когда князь ответит за все.

— Пусть... — выдохнула чуть слышно Дейна и закрыла глаза.

Когда она открыла их от странного ощущения, то в ее руках разливался приторно-сладким запахом букет белых лилий.

Эпилог

Незадолго до отъезда домой Дейну начали терзать сомнения и легкое разочарование. Былой восторг миновал, и теперь девушка совсем не понимала, для чего ее обучали два года в лучшей магической академии? Ведь все равно выбросят, как ненужную вещь, со дня на день. Хоть они с Наоки и жили отдельно от других магов, по замку ходили сплетни и слухи, будто других выпускников оставляют в столице. Их ждет хорошая, высокооплачиваемая служба. А ей предстоит вернуться в грязный городишко Нортэн и бесцельно коротать там свои дни.

Времени на пребывание в столице у выпускников было немного, и на следующее же утро после прощального пира Дейна решила прямо спросить у Наоки:

— Ты хочешь уехать или остаться?

— Я бы остался, — посетовал юноша. — Но это дозволено только бренийцам. Столичные жители — те еще зазнавшиеся штучки. Они не потерпят увальней, вроде нас, рядом с собой.

Дейна нервно усмехнулась.

— Разве есть вышестоящим магам дело до их прихотей?

— Есть, — Наоки посмотрел на нее с удивлением. — Вышестоящие маги — это их родственники. Чаще родители. Ты разве не знала?

И Дейна в отчаянии закусила губы.

Она догадывалась. Потому что Андре Морлан и Маргарет Ариньяк, как и многие другие родители молодых магов, стояли на церемонии и следили за порядком. А у ее отца слишком мало влияния, желания и сил, чтобы похлопотать за дочь. Наоки сюда привезли и вовсе, как дополнение к ней, за него некому замолвить словечко.

Они с Наоки стояли на серых плитах давно опустевшего заднего двора и смотрели на бледно-голубое небо. Рассвет уже вступил в свои права. Через три дня им предстояло уезжать в Нортэн, и от этого Дейну не покидала мучительная тоска.

Ей казалось, что уже ничто не способно сделать ее жизнь хуже, пока Наоки не сказал всего одну фразу:

— Я остаюсь здесь.

Сначала Дейна не поверила своим ушам и мирно улыбнулась. Потом вздрогнула, встрепенулась, как угодившая в силки птица, с тревогой посмотрела в каменное лицо возлюбленного. И он на миг показался ей чужим, ненастоящим, страшным.

— Что?! — полувскрик-полувздых сорвался с ее уст резко и жалобно.

— Не хотел говорить об этом. Но... твой отец предложил мне хорошую должность. Во дворце, в кругу придворных магов.

Дейна замерла и отшатнулась, словно Наоки дал ей пощечину. Мир словно померк, но она продолжала стоять на ногах.

— Почему? — прохрипела она, цепляясь за последнюю, ускользящую ниточку надежды.

— Одаренные маги входят в ближайшее окружение короля. Защищают его и закрывают собой во время покушений. Князь Морлан сказал, что посоветует мою кандидатуру, — сообщил Наоки с гордостью.

— Но... почему не я...

— Я задал ему тот же вопрос. И он заявил, что не хочет видеть тебя в столице.

— Понятно, — мертвым голосом проговорила Дейна.

Кажется, когда она уходила с площадки, Наоки неразборчиво кричал что-то вслед. Но она настолько устала от предательств и интриг за последние несколько лет, что крепко вросли в ее жизнь, что хотела побыть одной и все осознать.

Простому брату пекаря лучше остаться в столице. Дочери целительницы лучше уехать и доживать в проклятом Нортэне остаток дней. И все только потому, что он маг, а она — ведьма. А еще, если верить словам отца, у нее есть все шансы отправиться на рудники, потому что она — писательница, не записанная в Книгу Страха.

А стоит ли вообще писать истории, и для чего? Чтобы развлекать глупыми сказочками дворянских детей? Но ведь она и сама дворянка, рожденная в законном браке. Спросить бы у отца, так он вчера набрался в таверне и сейчас валяется где-то в пыльной комнатухе, пытаюсь прийти в сознание.

Добравшись до своих покоев, Дейна собрала в узел немногочисленные вещи, подаренные ей академией. Сердце неистово колотилось в груди, во рту пересохло, а слезы остановились где-то по пути к глазам. Она ненавидела себя, свое рождение, свою судьбу. Раненая душа пульсировала глубоко внутри, и только от ее решения зависит, жить Дейне или умереть, шагнув с одной из башен этого величественного замка.

Дейна переделалась в длинное синее платье, сорвала с шеи серебряный медальон — отличительный знак студента академии, со злостью швырнула его в шкатулку. Будь он стеклянным или хрустальным, обязательно разбила бы.

— Прощай, академия! — сорвалось с уст звонко и холодно. — Прощай, Генри, и будь проклят Андре Морлан!

Прохлада комнаты проводила ее гулкой тишиной и шелестом развевающихся занавесок. Сегодня выдался ветреный день.

Шагая по пустым переходам, в сторону конюшни, Дейна уже не сдерживала слез. Сейчас ее некому видеть и некому насмехаться над ее болью. Но она еще не знала, что несколько ошибалась на этот счет.

— Я так и знал, что ты захочешь уехать, — сообщил герцог Даниэль, прислонившись к стене конюшни и скрестив руки на груди.

Сейчас он не казался ни грозным, ни опасным. Белая, расстегнутая на груди рубашка, черные штаны и блестящие сапоги с прилипшими травинками. Порочно-красивое лицо, кривая насмешливая улыбка, растрепанные черные волосы. Виенто выглядел так, словно вернулся домой, а не собрался уезжать.

Дейна остановилась и долго смотрела на него, сбита с толку.

— Что вы здесь делаете?

— Так и уедешь? — хмыкнул он, отвечая вопросом на вопрос. — Без моего ведома?

— Мне дали понять, что я бесполезна.

— Кто же? — губы герцога сложились в тонкую нитку. — Какой негодяй осмелился высказать такую нелепость?

— Мой отец, — ответила Дейна, ни на минуту не задумываясь.

Выражение лица Даниэля резко изменилось, став из насмешливого жестким. Таким Дейна его видела всего один раз, при их первой встрече.

— Он пожалеет об этом. А ты... — голос герцога стал чуть добрее, — поедешь со мной. Тебе недавно исполнилось восемнадцать лет. В нашем маленьком договоре было упомянуто,

что по достижению этого возраста ты начнешь служить мне.

Глубоко вздохнув, Дейна посмотрела в его ярко-голубые глаза. Меньше всего ей хотелось услышать эти простые, но жестокие слова. И напрасны были надежды ее бедной матери Лилианы, на то, что герцог Виенто внезапно умрет, оставив их семью в покое.

Теперь самое время уповать, чтобы сама Дейна дожила до осени.

Но девушка не стала выказывать возражений и говорить о сомнениях вслух. Распрямив спину, она гордо кивнула герцогу Даниэлю и неуклюже залезла в седло подведенного конюхом коня. Верховая езда оставалась все еще очень непривычной для Дейны, но она понимала, что пора этому учиться.

Княгиня Дейна и герцог Даниэль поехали прочь из крепости-академии. Перед ними раскинулся широкий серым полотном перекидной мост, а впереди сияло золотом яркое летнее солнце. За спиной оставались подлецы и предатели. Таинственное и неизвестное будущее заволакивало густым туманом горизонт.

И все же, несмотря на горести последних часов и дней, Дейна испытывала полноценное, безграничное, до слез щемящее счастье.

Больше книг на сайте - Knigoed.net